

32
590

Ф. БУОНАРРОТИ
ЗАГОВОР
ВО ИМЯ РАВЕНСТВА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ
НАУЧНОГО
СОЦИАЛИЗМА

*Под общей редакцией
академика
В. П. ВОЛГИНА*

MCMXLVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва — Ленинград

АКАДЕМИЯ НАУК СССР ЗКН 32

б.

Ф. БУОНАРРОТИ
1957

Бывший И.

195 8.

ЗАГОВОР
ВО ИМЯ РАВЕНСТВА,
ИМЕНУЕМЫЙ ЗАГОВОРОМ БАБЕФА

1892

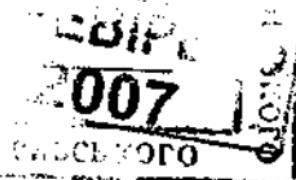

Том II

Перевод с французского
Э. А. ЖЕЛУБОВСКОЙ

Комментарии под редакцией
А. З. МАНФРЕДА

Вступительная статья
В. И. ВОЛГИНА

MCMXLVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва — Ленинград
1958 г.

*CONSPIRATION POUR L'ÉGALITÉ
DITE DE BABEUF,
SUIVIE DU PROCÈS AUQUEL ELLE
DONNA LIEU, ET DES PIÈCES
JUSTIFICATIVES, ETC., ETC.
PAR PH. BUONARROTI.*
1828.

*ЗАГОВОР
ВО ИМЯ РАВЕНСТВА,
ИМЕНУЕМЫЙ
ЗАГОВОРОМ БАБЕФА*

ПРОЦЕСС И ДОКУМЕНТЫ

ПРОЦЕСС

Тюремное заключение

Тюремное заключение заговорщиков и честь о заговоре вызвали различные чувства: скорбь и оцепенение у угнетаемых, трепет ужаса и свирепое ликование среди высших классов, завопивших о смертной казни для бабуристов. Многочисленные документы, захваченные у Бабефа, указали аристократии способ уничтожения наводившей на нее страх партии.

Темницы Аббатства мгновенно заполнились обвиняемыми, которых приволокли туда среди проявлений живейшего интереса, расточаемого им народом и солдатами. В течение нескольких дней прилегающие к этой тюрьме улицы были запружены народом; но вскоре подсудимых разъединили, и лица, казавшиеся наиболее скомпрометированными, были запрятаны в башни Тампля. Все они ожидали в любой момент гибели от руки военной комиссии; Друэ уберег их от этого.

Друэ отводит меч, готовый поразить подсудимых

Согласно конституции III года депутат мог быть предан суду только по обвинению Законодательного собрания и притом судим лишь верховным судом, присяжные заседатели которого назначались избирательными собраниями департаментов. Требовалось несколько месяцев для создания этого чрезвычайного трибунала, который не мог заседать в той же коммуне, где заседало правительство.

Подсудимый Друэ был депутатом, и, следовательно, суд над остальными пришлось отложить впредь до выяснения, не вовлечет ли в свое дело сам Друэ, в качестве обвиняемого, лиц, сообщником которых он, как казалось, являлся.

Два дня спустя после своего ареста Бабеф обратился к Исполнительной дирекtorии со следующим посланием:

Послание Гракха Бабефа Исполнительной дирекtorии

Париж, 23 флореала IV года республики.
Неужели, граждане члены Дирекtorии, вы сочтете ниже своего достоинства говорить со мной как с равным? Вы увидели теперь, средоточием какого широкого доверия я являюсь! Вы увидели, что моя партия мо-

жет сильно поколебать вашу! Вы увидели, какие у нее огромные разветвления! Я более чем уверен, что это зрелище привело вас в трепет.

В ваших ли интересах, в интересах ли отечества предавать огласке раскрытый вами заговор? Не думаю этого. Приведу мотивы, по которым мое мнение стоит вне всяких подозрений.

Что произошло бы, если бы это дело получило огласку? Я играл бы в нем самую славную роль: со всем величием души, со всей знакомой вам во мне энергией я показал бы святость заговора, своего участия в котором я никогда не отрицал. Не став на недостойный путь отрицаний, которым пользуется большинство обвиняемых в целях самооправдания, я нашел бы в себе мужество развить великие принципы и защищать перед судом вечные права народа со всем преимуществом, которое дает глубокая проникновенность красотой этой темы. Заявляю: я нашел бы в себе смелость показать, что этот процесс — не осуществление правосудия, а процесс сильного против слабого, угнетателей против угнетаемых и их благородных защитников. Меня могли бы осудить на ссылку, на смерть; но приговор надо мной был бы тотчас признан приговором всесильного преступления над бессильной добродетелью; мой эшафот почтенно стоял бы рядом с эшафотом Барнвельта и Сиднея.⁸² Неужели на следующий же день после казни хотят воз-

двигнуть мне алтарь рядом с алгариами, перед которыми сейчас благоговейно чтут как великих мучеников Робеспьеров и Гужонов? Это отнюдь не тот путь который упрочивает правительства и правителей.

Вы видите, граждане члены Директории, что, наложив на меня руку, вы ничего не выиграете; один я далеко не представляю собой всего заговора; я лишь одно из звеньев длиной цепи, из которой он слагается. Так же как меня, вам следует опасаться и всех остальных его участников. Между тем у вас имеется доказательство того, какое участие они во мне принимают; нанося удар мне, вы нанесли бы удар им и вызвали бы их гнев.

Заявляю, вы вызвали бы гнев всей демократии Французской республики; а вам должно быть также известно, что это не такой пустяк, как вы могли вначале вообразить. Признайте же, что демократия прочно существует не в одном только Париже; посмотрите, нет ли одного пункта в провинции, где бы она не была сильна. Вы судили бы о ней гораздо правильнее, если бы ваши клергеры захватили огромную переписку, которая дала бы вам возможность составить перечень лиц, лишь некоторые отрывки которого вы обнаружили. Можно сколько угодно желать погасить священный огонь; он пылает и будет пылать; чем более он кажется иной раз угасшим, тем более сильным и опасным

угрожает стать его пламя при внезапном пробуждении.

Возьметесь ли вы освободиться целиком от многочисленной группы санкюотов, которая отнюдь не желает еще признать себя побежденной? Следовало бы сначала допустить возможность этого; но куда бы это вас привело? Ваше положение вовсе не похоже на то, которое позволило после смерти Кромвеля отправить в ссылку несколько тысяч английских республиканцев. Карл II был монархом, а вы, что бы там ни говорили, не пользуетесь еще такой властью; вы нуждаетесь в партии, которая оказала бы вам поддержку; стойте вам убрать партию патриотов, и вы очутитесь лицом к лицу с роялизмом. Как по вашему, каких хлопот наделал бы он вам, если бы вы оказались одни против него?

Но, скажете вы, патриоты столь же опасны для нас, сколь роялисты, а возможно — и еще опаснее. Вы ошибаетесь; вникните в существо дела патриотов, и вы увидите, что они не желали вашей смерти; это клевета, что они об этом заявляли публично. Что касается меня, то я могу вам заявить, что смерти вашей они не хотели. Они хотели пойти иными путями, нежели Робеспьер: они вовсе не хотели крови; у них было лишь желание заставить вас самим признать, что вы использовали власть для угнетения, что вы устранили из нее все народные формы и гарантии, и они хотели

отобрать ее у вас. Они не дошли бы до этого, если бы вы сочли возможным править в интересах народа, как вы, казалось, обещали это после вандемьера. Я сам в первых номерах моей газеты хотел открыть вам путь к этому: я указывал, каким образом, по моему мнению, вы могли бы снискать благословение народа; я объяснял, каким образом мне представлялось возможным, чтобы вы изгнали из вашего конституционного образа правления все то, что в нем противоречит истинным республиканским принципам.

Что ж, еще не поздно! Оборот, который приняло последнее событие, может оказаться полезным и спасительным для вас и для дела народа. Неужели вы пренебрежете моим мнением и моими выводами о том, что интересы отечества и ваши собственные требуют, чтобы не было дано огласки настоящему делу? Мне казалось, что вы и сами пришли уже к мнению о том, что с этим делом следует обойтисьpolitично: полагаю, что вы поступите правильно. Не считайте моего поведения своекорыстным: небывалая откровенность, с которой я непрестанно объявляю себя виновным в том смысле, в каком вы признаете меня виновным, показывает вам, что я действую так отнюдь не вследствие слабости. Смерть или преследование послужат мне дорогой к бессмертию, и я пойду по ней с героическим и благовейным пылом; но ни мое преследование, ни преследование всех

демократов не подвинули бы вас вперед и не обеспечили бы спасения республике. Я пришел к мысли, что в конечном счете вы все же не всегда являлись врагами этой республики; вы, очевидно, были даже добросовестными республиканцами; почему бы вам не быть ими и сейчас? Почему не допустить, что вы, как люди, временно заблуждались, подобно другим, под вполне неизбежным влиянием ожесточения, к которому, в отличие от нас, вас привели обстоятельства? Почему бы, наконец, не отказаться нам всем от наших крайностей и не найти разумного выхода? Сердца патриотов, как и сердца народных масс, истерзаны; следует ли раздирать их еще более? Каков был бы конечный результат этого? Не заслужили ли патриоты, чтобы подумали, наконец, о том, как залечить их раны, вместо того, чтобы их усугублять? Вам, когда вы того захотите, будет принадлежать инициатива добра, ибо в ваших руках пребывает вся сила государственного управления. Граждане члены Директории, управляемые в духе народа; вот все, чего от вас требуют патриоты. Заявляя так от их имени, я уверен, что не буду остановлен ими; я уверен, что не буду ими опровергнут. Я вижу лишь одно приемлемое и разумное решение: объявите, что никакого серьезного заговора не существовало. Пятеро человек, проявив величие и благородство, могут сейчас спасти отчество. Я ручаюсь вам также за то, что патриоты станут грудью за вас, и у вас не

будет больше нужды в целых армиях, чтобы обороняться. Патриоты не лягут к вам ненависти; они ненавидели только ваши антинародные действия. Под мою личную ответственность я также дам вам тогда гарантию столь же широкую, сколь широка моя постоянная искренность. Вам известно, каким влиянием я пользуюсь среди этого класса людей, я хочу сказать — среди патриотов: я употреблю это влияние, чтобы убедить их в том, что раз вы заодно с народом, то они должны быть заодно с вами.

Как было бы хорошо, если бы результатом этого скромного послания явилось внутреннее умиротворение Франции. Предотвращая огласку дела, предметом которого является Франция, не предотвратите ли вы тем самым и нарушение спокойствия Европы?

Подпись: Г. Бабеф.

Ослепление правительства

Давно было ясно, и раскрытие заговора дало новые доказательства для этого, что преследование демократических учений послужило причиной большого расхождения среди старых друзей революции и что под влиянием этого преследования все более и более угасал пыл народа в защиту революции.

CONSPIRATION

POUR L'ÉGALITÉ

DITE

DE BABEUF,

SUIVIE DU PROCÈS AUQUEL ELLE DONNA LIEU, ET DES PIÈCES
JUSTIFICATIVES, ETC., ETC.

Par Ph. Buonarroti.

*Est enim optimas esse leges pulchritudine,
est quibus non divites sed honesti
prudentesque homines sicut,*

(Diod. Sic. Lib. 1, Cap. 5.)

TOME SECOND.

Liberté

BRUXELLES ,

A LA LIBRAIRIE ROMANTIQUE

RUE DE LA MADELAINE n° 458,

1828

Титульный лист II тома
"Заговоры во имя равенства"

Такое положение вещей, увеличивавшее шансы роялистской партии, находившей поддержку за границей, должно было, казалось, умерить надменность вожаков новой аристократии и побудить их внести в законодательство изменения, которые привязали бы к ним демократов, а через демократов народ, и тем самым уберегли бы республику от столь пагубной для нее борьбы, а их самих от поразивших их в конечном итоге несчастий. Именно это и предлагал Бабеф как в целях сохранения жизни своим друзьям, так и с целью вернуть республиканскому духу покинувшую его силу. Но способна ли устрашенная гордыня прислушаться к советам благородства? Новое правительство осталось слепо, и, не считая нужным благородство отступить, снискав тем самым любовь народа, которой оно никогда не пользовалось, оно безрассудно отдалось слепой ярости, и эту ярость, вопреки здравому смыслу и здравому мнению, довело до того, что стало приписывать роялистские намерения гражданам, которым роялизм внушал отвращение, и преследовать в их лице единственных людей, от которых республика с полным основанием могла ожидать подлинной и необходимой ей преданности.

Революционеры, ставшие аристократами, помышляли лишь о том, чтобы сейчас же воспользоваться победой, которой они обязаны были гнусному предательству, и раздать партию, осуждавшую их узурпацию.

Друэ было предъявлено обвинение, и он должен был предстать перед судом верховного трибунала, местом заседания которого был установлен Вандом.

Нарушение конституции

Никто, гласила конституция III года, не может быть лишен судей, назначаемых ему законом, никаким решением комиссии или иными определениями, кроме установленных предшествующим законом. Тем не менее, согласно закону, изданному после раскрытия заговора, сообвиняемые депутаты привлекались вместе с ним к суду верховного трибунала, который отнюдь не являлся судом, предписываемым им законом.

Та же конституция гласила: «*Для всей республики учреждается один кассационный трибунал, который выносит окончательное решение по приговорам, вынесенным всеми судебными инстанциями.* Между тем, согласно предписанию вышеуказанного закона, решение верховного суда, который вполне являлся трибуналом, не подлежало кассации.

Эти противоречившие букве закона предписания соучастники в деле Друэ приписывали боязни правительства публичных судебных разбирательств, на глазах у парижского населения. Они видели в этих предписаниях последствия той враждебности, которая проявилась во время обсуждения этого вопроса и побудила одного рассвирепевшего

законодателя воскликнуть: «Незачем так церемониться с мятежниками!», — а другого, не менее пылкого: «Если захотеть действовать против мятежников с соблюдением всех формальностей, то понадобится слишком много времени».

Обвинительное заключение

В Париже обвинение было предъявлено 59 гражданам, из них 17 заочно; многим из них обвинение предъявлялось с непростительной легкостью. В то же время по всей республике выискивались малейшие предлоги, чтобы увеличить количество обвиняемых, средством массового избиения которых, как воображали власть имущие, послужит верховный трибунал. Состав подсудимых, доставленных Шербургом, Аррасом, Рошфором, Бургом и Сентом, был столь явно непричастен к делу, что им не смогли предъявить ни малейшего обвинения.

Побеги

Между тем как в Париже готовилась трагедия, которая должна была разыграться в Вандоме, парижские демократы забеспокоились об освобождении своих товарищей. Друэ бежал из тюрьмы Аббатства при содействии привратника-республиканца, однако побег заключенных в Тампле, относительно

которого существовала договоренность с приставленными к ним солдатами, провалился из-за отсутствия необходимой согласованности в действиях.

Паш⁸³ был единственным оставшимся на свободе человеком, который открыто взял на себя защиту взглядов и дела подсудимых, изложенную в опубликованном им сочинении. Слабую преграду потоку сыпавшихся на заключенных оскорблений противопоставили и некоторые участвовавшие в периодической печати писатели. Однако они сделали это неуклюже и нерешительно, то отрицая очевидные факты, то намекая на то, что заговор был тайно спровоцирован правительством. Они ни разу не осмелились подойти к рассмотрению вопроса о законности усилий заговорщиков и оправдать их действительные намерения.

Перевод заключенных в Вандом

В ночь с 9 на 10 фрюкидора IV года все содержавшиеся в Париже подсудимые были переведены в Вандом. Начальник крепости приказал обыскать их у него на глазах и сам поместил их в спешно построенные клетки с решетками, чтобы выставить их, как диких зверей, напоказ врагам равенства и людям обманутым, которых они восстанавливали против подсудимых. Эшелон проследовал через Париж среди многочисленных войск и всю дорогу его сопровождал большой

отряд жандармерии и кавалерийские полки. Следовавшие пешком жены, дочери и сестры подсудимых нередко вынуждены были переносить суровость погоды и насмешки аристократов. Да и сами подсудимые испытывались от грубости командовавшего их эскортом офицера. Поэтому они не могли нахвалиться радушным приемом, оказанным им муниципальными властями Шартра и Шатодена.

В Вандоме специально для них был приготовлен трибунал и обширная тюрьма, в которую вечером 13 фрюктидора были заключены все бывшие налицо подсудимые; несколько времени спустя туда же попали Антонель и Фион, арестованные после предъявления им обвинения, а также подсудимые, прибывшие из Рошфора, Шербурга и Арраса.

Войска всех родов оружия строго охраняли подступы к тюрьме и те улицы города, подход к которым на десять лье в окружности был запрещен тут же изданным законом. Предстоявшие судебные заседания намеревались лишить всякой гласности.

Время между прибытием подсудимых и открытием заседаний трибунала было употреблено трибуналом на то, чтобы сформироваться, произвести допрос и расследовать причины неявки в суд, созвать присяжных и вынести суждения по поводу предъявленных подсудимым требований и отклонений. Подсудимые воспользовались этим вре-

менем для протестов, для отводов, на которые они имели право, а также для согласования и подготовки своих защитительных речей.

Протесты

Мало согласовавшиеся с конституцией дескеты, о которых шла речь выше, открыли обвиняемым широкую возможность протестов. Многие из них увидели возможность путем непризнания компетенции верховного трибунала возбудить между ним и Законодательным собранием спор, который мог бы привести к благоприятным для народного дела событиям. Напрасная надежда! Верховный трибунал объявил себя правомочным.

Отводы

Из общего количества присяжных, назначенных провинциальными избирательными собраниями, тридцать человек могли быть подвергнуты подсудимыми немотивированному отводу. Это было весьма важным обстоятельством, от которого могла зависеть участь многих из них.

Основываясь на неполных и часто неточных сведениях, собранных в провинции, подсудимые на общем совещании пришли к соглашению относительно лиц, подлежащих отводу. Эти лица были распределены между

тридцатью подсудимыми с тем, чтобы каждый из них мог отвести одного.

Однако ввиду того, что выборы IV года производились во многих местах в отсутствие подвергавшихся преследованиям или насильственно изгнанных из собраний республиканцев, либо под влиянием врагов революции, оказалось невозможным оставить в списке присяжных одних только истинных друзей свободы; приходилось довольствоваться лишь менее плохими. Из лиц, заслуживавших полное доверие, одни были исключены трибуналом как родственники эмигрантов; другие, поддавшись страху, прикинулись больными, и это было признано уважительной причиной. На суде присутствовали только трое.

Мужественные признания Бабефа

Первой мыслью Бабефа, как только его лишили свободы, было сознаться в заговоре и отстаивать его законность. Это видно из его ответов министру полиции, допрашивавшему его, имел ли он намерение свергнуть правительство и вступал ли он для достижения этого в союз с некоторыми лицами. Вот эти ответы: «Глубоко убежденный, что существующее правительство является угнетательским, я готов был сделать все, что в моих силах, для его свержения. Я вступил в союз со всеми демократами республики; долг не позволяет мне назвать хотя бы одного из них». Допрошенный тем же министром о

средствах, которые он рассчитывал применить, он ответил: «Все средства законны против тиранов». И вслед за тем: «Мне незачем сообщать подробности о средствах, которые были бы употреблены. Впрочем, они зависели не только от меня, мне принадлежал только один голос в совете борцов против тирании».

Несколько дней спустя, на допросе у председателя суда он следующим образом ответил на обвинение в организации заговора: «Я утверждаю, что мне делают слишком много чести, украшая меня титулом вождя заговора; заявляю, что я занимал в нем лишь второстепенное место, в тех границах, которые я укажу. Я одобрял этот заговор, так как считал его законным, так как считал и сейчас считаю, что нынешнее правительство является в высшей степени преступным: оно узурпировало власть, нарушило все права народа, довело его до самой тяжкой нищеты, до самого жалкого порабощения; оно повинно, иаконец, в оскорблении нации. Я одобрял этот заговор потому, что верил и сейчас верю в святость принципа, согласно которому организация заговора против такого правительства есть настоятельный долг всех свободных людей. Потому-то я охотно согласился содействовать всеми доступными мне средствами вождям и руководителям образовавшегося против него заговора».

Установив, какую роль он играл в заговоре, он добавил: «Вот подробности, которые, не-

сомненно, опровергнут недепое предположение, будто я являюсь вождем заговора; оно основывалось лишь на том единственном обстоятельстве, что в момент ареста при мне оказалась часть бумаг заговорщиков. Повторяю, я вовсе не хочу этим умалить свою вину; я хочу лишь быть добросовестным и не выступать в более блестящей роли, чем я того заслуживаю, в роли, в которой я не была. Однако после этого я согласен понести самое тяжкое наказание за преступление в злом умысле против угнетателей; ибо сознаюсь еще раз: что касается намерений, то никто не мог конспирировать против угнетателей решительнее меня. Я убежден, что это преступление присуще всем французам, по крайней мере всем честным французам, всем тем, кто является противниками ужасной системы, обеспечивающей благополучие немногим, основанной на позоре и крайней нищете масс; я объяляю себя полностью причастным к преступлению и уличенным в нем и заявляю, что я служил преступлению, к которому причастны все участники заговора».

В продолжение долгого следствия, учиненного председателем суда присяжных, главные подсудимые содержались все время в одиночном заключении. При невозможности говориться с Бабефом, считавшимся наиболее осведомленным в этом деле, остальным подсудимым, из опасения дать противоречивые показания или подвести друг друга, при-

шлось предоставить ему одному давать объяснения, а самим держаться в рамках строгой осмотрительности. Одни отрекались от собственного почерка, другие измышляли небылицы. Дартэ беспрерывно опровергал законность судебной процедуры.

Если бы не слабость Пийе, арестованного вместе с Бабефом и Буонарроти, почерк Бабефа, как и почерк еще некоторых заключенных, остались бы неизвестными. Безумно боясь, как бы сделанные им многочисленные копии актов Повстанческого комитета, секретарем которого он являлся, не навлекли на него обвинения в активном соучастии в заговоре, Пийе поспешил заявить о том, что было им сделано и свидетелем чего он являлся, а также назвать авторов переписанных его рукой рукописей. Этот подсудимый, трусливое поведение которого имело роковые последствия, ловко разыграл в тюрьмах и на суде роль слабоумного. Представ перед верховным трибуналом, он заявил, что злой дух толкнул его к Бабефу; он утверждал, что можно вступить в соглашение с дьяволом, чтобы заручиться его покровительством или чтобы нанести кому-нибудь вред, и попросил слова — как он заявил — для приведения подробностей. Среди действительно замешанных в деле подсудимых никто не дрогнул перед угрожавшей им смертельной и неминуемой опасностью. Все остались непоколебимы в своей преданности защищаемой ими доктрине, как и в решимости скре-

пить ее своей кровью. В своих показаниях они никого не выдали.

Стойкость подсудимых

К тому времени, когда эти подсудимые прибыли в Бандом, они уже сговорились о том, чтобы отказаться от всяких недомолвок, от всяких уверток, от всякого запирательства, сознаться в заговоре и при защите ограничиться указанием на его законность. Они считали своим долгом засвидетельствовать таким образом правоту своего дела и показать отечеству незабываемый пример упорства и стойкости. Но другие подсудимые, менее скомпрометированные и более осторожные, были встревожены этим планом защиты и сочли своим долгом помешать его осуществлению. «Если вы сознаетесь в существовании заговора,— говорили они своим товарищам,— то каким образом сможет суд объявить его неустановленным? Возможно ли, чтобы среди наших присяжных заседателей оказалось хотя бы четверо человек, которые найдут в себе мужество оправдать ваши намерения или ответить святой ложью на вопросы о фактах, которые им будут предлагаться? Это значило бы слишком много ожидать от выборных лиц в поисках коррупции и испорченности. Не приведете ли вы к гибели вместе с собой, в случае, если заговор будет признан действительно существующим, также и нас, ваших друзей, и

тех многочисленных республиканцев, которые уже являются жертвой клеветы и преследований? Не подвергайте добродетель наших судей суровому испытанию и дайте им, по крайней мере, предлог для вашего оправдания».

Видоизменение защиты

Оттого ли, что эти уверения внушили главным подсудимым опасение, как бы во время судебного разбирательства не вспыхнул пагубный разлад; оттого ли, что они отступили перед мыслью об ударе, который они нанесут отечеству, повредив своим друзьям; оттого ли, наконец, что сердца их поддались чувству самосохранения, но только первоначальный план был отвергнут. Условились, что заговор следует формально отрицать, что его цель будет защищаться предположительно и что надо стараться давать объяснения в соответствии с содержанием захваченных документов и с уже доказанными действиями.

Однако свидетельские показания доносчика были весьма подробны и точны, и хотя они были единственными, на которых базировалось обвинение, но их до такой степени подтверждали многочисленные уличавшие подсудимых документы, что казалось невозможным, если отбросить всякие политические соображения, чтобы добросовестный че-

ловек при самом поверхностном рассмотрении мог отрицать реальность заговора.

Поэтому подсудимые, которые были серьезно скомпрометированы, решили защищаться, настаивая на том, что говор, существование которого считали якобы установленным, на деле не существовал и что если бы даже он и существовал, то в нем не было бы ничего преступного как в силу отсутствия средств для его осуществления, так и в силу того, что при самом неблагоприятном предположении цель, которая ему приписывалась, являлась законной и правомерной.

Антонелль

То, что подготавлялось к заседаниям суда, было осуществлено Антонеллем до них, на глазах у народа. Этот мужественный гражданин нашел в то время самое благородное применение своим дарованиям и состоянию. Несмотря на то, что в отношении его не возникало никакого подозрения, он открыто присоединился к делу своих заключенных в тюрьме друзей. При помощи многочисленных письменных выступлений он расположил общественное мнение к тому, чтобы благосклонно встретить их защиту, и из недр своей темницы выступал с беспощадными обвинениями против правительства, восхвалял конституцию 1793 г., оправдывал намерения заговорщиков и нашел в себе мужество объявить себя почти их сообщником.

В это злополучное время почти все силы республиканцев находились в заключении в Вандомской тюрьме. Здесь подсудимые вдохновляли друг друга на служение народу примером непоколебимой твердости; они жили в самом демократическом братстве. Известные оттенки, которые можно было различить между *равными* и *бывшими* членами Конвента, не помешали установлению полной гармонии; она росла с каждым днем благодаря сближению во взглядах и преданности, с которой каждый перед судом выполнял свой долг.

По вечерам далеко вокруг разносилось пение республиканских песен, в котором принимали участие все заключенные, и жители Вандома, привлекаемые интересом и любопытством на соседний холм, нередко присоединяли к этому пению свои голоса и аплодисменты.

У людей, дерзнувших на столь многое ради дела, которому они были так преданы, судьба республики была безусловно постоянным предметом разговоров и беспокойства. Одно ужасное несчастье дало новую пищу тому и другому. Едва подсудимые прибыли в Вандом, как они узнали о роковом событии в Гренельском лагере, где лишились жизни многие безупречные демоны, попавшие в отвратительную ловушку вследствие желания разбить цепи узников и восстановить права народа. Эта гнусная резня способствовала тому, что силы аристократии

выросли за счет силы, насилиственно вырванной у демократической партии.

Вскоре после этого некоторые уличенные роялистские заговорщики, эмиссары осужденной законом династии, встретили скандальным образом снисходительное отношение со стороны покровительствовавшего им большинства законодателей, как и со стороны судившей их военной комиссии.

Около того же времени суды, на которые было возложено заочно судить обвиняемых по делу 13 вандемьера, объявили недоказанным заговор, заливший в этот день кровью Париж.⁸⁴

Эта снисходительность суда возбудила недовольство правительства. «Я опасаюсь,— говорил один из его членов,— как бы она не оказалась спасительной для подсудимых в Вандоме». От них правительство особенно хотелось отделаться.

Открытие заседаний суда

2 вантоза V года открылись, наконец, заседания суда. Налицо было 47 подсудимых; 18 человек судили заочно.* Бабеф, Дартэ,

* Налицо были обвиняемые: Бабеф, Дартэ, Жермен, Блондо, Корда, Фрессар, вдова Мунар, Буонарроти, Софи Ляльер, Гуляр, Мюнье, Массар, Райбуа, Фион, Кошэ, Найе, Будэн, Жанна Бретон, Валье, Леньельо, Тулотт, Лямбер, Лямберта, Поттофэ, Морель, Дюфур, Моруа, Клерэ, Амар, Филип, Казен, Николь

Буонарроти, Жермен, Казен, Клод Фике, Буэн, Фион, Рикор, Друэ, Ленде, Амар, Антонелль, Россиньоль и еще десять человек действительно принимали активное участие в заговоре; пятеро были причастны к нему лишь косвенно; все же остальные были совершенно к нему непричастны и предстали перед верховным судом лишь благодаря неистовству партии, желавшей сделать этот суд истребительным для демократии.

Трибунал охранялся большой военной силой. Около каждого подсудимого стояло по два жандарма. Зал заседаний был обширен; часть его, отведенная для публики, была всегда полна народа, часто аплодировавшего подсудимым и ни разу обвинителям.

Было множество защитников. Они затянули заседание многочисленными возбужденными ими инцидентами и иной раз расходились во взглядах с подсудимыми, побуждения которых они ни разу не нашли в себе смелости оправдать. Подлинными защитниками дела были Бабеф, Жермен, Антонелль и Буонарроти.

Мартэн, Таффуро, Друэн, Руа, Пийе, Бретон, Дильте, Антонелль, Антуан Фике, Рикор, Тьеорри, Аделанда Лямбер, Вернь, Дюплей-отец, Дюплей-сын, Крепэн. Судились заочно обвиняемые: Друэ, Ленде, Вакре, Клод Фике, Гилем, Кретьен, Моннье, Рейс, Менесье, Мунар, Бод, Буэн, Паррейн, Бодсом, Лепелетье, Россиньоль, Жорри, Кордебар.

Следовавшие за подсудимыми отважные женщины присутствовали все время на всех заседаниях трибунала.

Дартэ

Из числа наиболее серьезно скомпрометированных подсудимых один Дартэ, оказавшийся более последовательным, чем все другие, настойчиво выражал протест. Он три раза не признал за верховным судом права его судить, постоянно отказываясь отвечать и давать объяснения и позволил осудить себя без защиты. После того как он снова выразил суду свой протест, он произнес следующие слова: «Что касается меня, то если про видение приурочило к этому времени конец моего жизненного пути, я закончил доблестно, без страха и сожаления. Увы! Нечем мне сожалеть?.. Когда гибнет свобода, когда камень за камнем разрушается здание республики, когда само название республики стало ненавистным; когда друзья, поборники равенства, подвергаются преследованиям, лишаются пристанища, предаются ярости убийц и бедствиям ужасающей нищеты; когда народ, жертва всевозможных ужасов голода и крайней нужды, лишен всех своих прав, унижен, презираем, изнемогает под железным ярмом; когда величественная революция, надежда и утешение угнетенных народов, является лишь призраком, когда защитники отечества терпят

повсюду тяжкие поношения, страдают под бременем гнуснейшего деспотизма; когда в награду за их жертвы, за пролитую ими во имя общей защиты кровь их обзывают злодеями, разбойниками, грабителями и когда их лавры превращены в тернии; когда роялизм повсюду обнаглел, находит покровительство, почет и даже вознаграждается кровью и слезами несчастных; когда фанатизм с новым неистовством извлекает из ножен свои кинжалы; когда преследование и смерть витают над головами всех добродетельных людей, всех друзей разума, принимавших малейшее участие в великих и благородных усилениях на пользу нашего возрождения; когда в довершение ужаса разбойники, несущие за собой страдание, отчаяние и смерть, прикрываются именем всего, что есть наиболее священного, наиболее почитаемого на земле, именем святой дружбы, уважаемой добродетели, безукоризненной честности, благодетельного правосудия, кроткой гуманности, именем самого бога; когда официально почитаются, превозносятся и называются священным именем добродетели глубокая безнравственность, ужасающее предательство, гнусная клевета, бесчестное клятвопреступление, разбой и убийство; когда порваны все социальные узы; когда Франция вся покрыта траурным крепом; когда она скоро будет представлять испуганному взору путника одни лишь груды

трупов и дымящиеся пустыни; когда нет более отечества, тогда смерть является благом.

Я не завещаю моей семье и моим друзьям ни бесчестия, ни позора; они смогут с гордостью назвать мое имя в числе имен защитников возвышенного дела человечества и его мучеников. Я с уверенностью утверждаю, что весь свой революционный путь прошел незапятнанным; ни разу мысль о преступлении или подлости не осквернила моей души. Ринувшись еще молодым в революцию, я вынес в ней все тяготы, перенес все опасности, ни разу не пав духом, испытывая одну лишь радость надежды увидеть когда-нибудь прочное царство равенства и свободы. Поглощенный исключительно возвышенностью этого благотворного дела, я пошел на полное самоотречение; личный интерес, семейные дела — все было забыто, пренебрегаемо; сердце мое билось только для моих близких и для торжества справедливости».

Контрреволюционные настроения государственных обвинителей

Государственные обвинители с самого начала старались возбудить ожесточенную ненависть не только к подсудимым, но и ко всему, что было сделано в пользу демократии в ходе революции. Устанавливая прежде всего факт существования воображаемого сообщества зловредных лиц, никому прежде

неизвестных чудовищ, лицемерных, безбожных, честолюбивых, мстительных, наводящих ужас клеветников, человекоубийц, сынов анархии, рожденных в лоне ее, не ведающих ничего кроме нее, беспрестанно призывающих ее и только ее одну приветствующих, они приписывали этому сообществу все движения и все революционные акты и не отступили перед тем, чтобы еще до разбора дела отнести к его членам подсудимых, судить которых предстояло верховному суду.

Влияние этого сообщества — в изображении обвинителей — было до такой степени велико, что слушавшие их не могли разобраться в том, каким же событиям революции эти обвинители оказывали честь своим одобрением. Судя по их определению законного восстания, они в глубине души распространяли анафему, которой они предавали великие национальные движения, даже на движение 14 июля — единственное, которое они, казалось, одобряли.

При помощи многочисленных документов, захваченных у подсудимых, обвинителям нетрудно было доказать наличие сговора, который они называли преступным заговором; но что касается вопроса о намерении, существенного элемента преступления, то они старались в прениях от него уклониться; в том немногом, что ими было сказано о нем, они исказили его ложными утверждениями, рискованными и абсурдными выводами. Их неизменной целью было изобразить подсудимых

презреными и гнусными созданиями и помешать им убедить Францию в том, что их взгляды благотворны, что их оппозиция конституции III года законна и что их намерения справедливы и находятся в соответствии с интересами общества. Что же надо думать об этих обвинителях, которые, получив задание преследовать судом во имя республики творцов неосуществленного плана, позволили себе оправдать заговор и вооруженный мятеж 13 вандемьера IV года, по вине которых была пролита кровь многих тысяч граждан и конечной целью которых было восстановление королевской власти?

Помехи защите

Заодно с обвинителями и судьи стремились ограничить прения узкими рамками фактов и многократно пользовались своей властью, чтобы запретить подсудимым, даже условно, всякую дискуссию о существе заговора, всякое обсуждение их писаний, представленных, между тем, обвинением в качестве главных и почти единственных средств, которыми пользовались заговорщики.

Таким образом, суд, который, казалось, обязан был защищать права нации и обуздывать власть имущих, в действительности служил орудием в руках лиц, которые пре-небрегали народным суверенитетом и при

помощи насилия и хитрости захватили в свои руки верховную власть.

*Подсудимые выступают
в защиту революции*

Хотя серьезно замешанные в заговоре подсудимые формально отказывались признать его существование, они упорно продолжали защищать его принципы. Революция была в их глазах святым делом; они добросовестно оставались верны народному суверенитету и утверждавшей его конституции 1793 г.; гордые тем, что им было сделано для их восстановления, они принимали как почесть свои кандалы и угрожавшую им опасность.

Сильное раздражение, необходимое следствие выявившейся противоположности между взглядами обвинителей и чувствами обвиняемых, неоднократно прорывалось в злобных декламациях прокуроров, в пристрастии, с каким судьи прерывали подсудимых, и в бурных протестах заключенных.

Могли ли заключенные хладнокровно выслушивать клеветнические выпады по адресу основателей республики и отказывать в талантливости, мужестве и нравственных качествах наиболее стойким защитникам равенства? Могли ли они молча выслушивать, как им приписывались низкие, корыстные чувства — им, большинство которых тысячу раз рисковало жизнью во имя отечества и уходи-

ло с общественных должностей в почетной бедности? Им, по адресу которых в ходе столь длительного судебного процесса не раздалось ни одного упрека в каком-либо бесчестном поступке?

Подсудимые ни разу не изменили себе во время заседаний суда. При каждом удобном случае они блестящим образом воздавали хвалу республике и равенству; много раз они успешно опровергали политические софизмы обвинителей и почти на каждом заседании оглашали своды суда пением республиканских песен.

Предатель

Предатель, донесший и выдавший доверчивых людей, которым он льстил, которых возбуждал и с которыми был так ласков... Гризель! фигурировал в списке свидетелей, в числе которых были и другие полицейские шпионы, которые все время отказывались сидеть с ним рядом, испытывая ужас перед столь глубоким нравственным падением.

Подсудимые надеялись отвести этого свидетеля, ибо закон запрещал выслушивать доносчика при разборе таких преступлений, донос на которые власть вознаградила деньгами, или когда доносчик может каким-либо иным путем извлечь выгоду из своего доноса.

По мнению подсудимых и их защитников слово может означать неограниченную воз-

можность и подразумевало вознаграждение, которого доносчик с основанием мог ожидать от правительства.

Придуманная государственным обвинителем уловка, чтобы выйти из затруднительного положения, в которое их ставила настойчивая аргументация подсудимых, вызвала всеобщий хохот; они осмелились утверждать, что наименование доносчик неприменимо к Гризелю, так как — заявляли они — свое первое показание он сделал Директории, а не полицейскому чиновнику, и, следовательно, являлся лишь простым разоблачителем.

Он выступает свидетелем

Эта уловка оказалась неудачной; тем не менее суд решил, что смысл слова должен быть ограничен правами, приобретаемыми доносчиком в результате доноса, и постановил выслушать Гризеля, что вызвало сильное негодование среди многих присутствующих.

На процессе фигурировало около пятисот уличающих документов, и ряд заседаний был посвящен предъявлению этих документов опознававшим их подсудимым, а также установлению экспертами достоверности тех документов, которые приписывались обвиняемым, отказывавшимся отвечать или судившимся заочно.

Смятение

Обвинители строили всевозможные догадки относительно того, какие именно слова в документе, которому они придавали большое значение, Бабеф, подписывая свои показания у министра полиции, покрыл большим чернильным пятном. Скучный спор по этому поводу привел к бурным нападкам с той и с другой стороны и закончился страшной сумятицей. Заседание было внезапно прервано среди криков обвинителей, защитников и подсудимых. Удаляясь, подсудимые с жаром спели строфу из «Марсельезы»: «Трепещите, тираны, и вы, предатели!» Трибунал составил о случившемся протокол, который был поставлен Законодательным собранием на повестку дня.

После того как подсудимые бросили обвинение по адресу председателя, обвинители стали жаловаться на то, что подсудимые хотят путем нагромождения инцидентов бесконечно затянуть ведение процесса. «Столько голосов раздается против медлительности верховного трибунала!» — заявили они. «Друзья народа,— воскликнул Бабеф,— вы догадываетесь, что это за многочисленные голоса. Это голоса одной только касты, неправильно называемой благородной, ничтожной по сравнению с массой народа, нагло претендующей на то, чтобы быть всем, жить ничего не делая, за счет труда значительного большинства, ставить эту исключительно

полезную массу народа ни во что, терзать ее, морить голодом в награду за постоянное пользование плодами ее рук, ее ума и мастерства. Такова, республиканцы, та горстка вампиров, от имени которой заявляют, что все голоса восстают против медлительности лиц, намеревающихся умертвить нас. Таковы люди, которым стараются угодить. Добро-порядочные люди, вы будете удовлетворены! Читая протоколы первых заседаний верховного суда, вы убедитесь, какую услугу вам на них оказали. А вы, основная и важнейшая часть народа, вы увидите, как обращаются с вами в лице тех, кто непрестанно заботился о ваших интересах. И вы также, друзья, защитники народа, товарищи по славе, вы все это слышали; это золотой тельц требует вашего заклания. Сквозьвой хищной орды вы различите голоса двадцати четырех миллионов угнетенных, чье правое дело вам надлежит защищать. Они стонут втихомолку под тяжестью цепей, лишенные всего, нагие, падающие от истощения, обращая свое преклонение и свои жалобы к темам овеянных славой мучеников,— наших предшественников в деле установления общественного счастья. Вам завещали они эту высокую апостольскую миссию, точно так же как вы передадите ее другим праведникам, столь же ревностным и, быть может, более счастливым, чем вы и ваши предшественники. Добродетель не умирает; тираны обольщают себя своими свирепыми преследования-

ми; они уничтожают одно лишь тело; душа добродетельных людей меняет лишь оболочку; вслед за прекращением жизни одних существ она дает жизнь другим, которым она продолжает внушать благородные побуждения, никогда не оставляющие в покое господствующее преступление.

В соответствии с этими последними мыслями и ввиду все новых мер, которые, как я вижу, принимают ежедневно, чтобы ускорить мою голгофу, я готов предоставить моим угнетателям всю свободу действий, к которой они так стремятся. Я пренебрегаю бесполезными частностями моей защиты. Пусть мои враги нанесут мне удар, не ожидая ничего в ответ; я мирно усну в лоне добродетели».

Свидетельские показания предателя

Гризель говорил в течение двух заседаний и подробно рассказал обо всем, что им было сделано, чтобы разузнать, помочь, обмануть и предать подсудимых. Он говорил правду, не считая нескольких продиктованных тщеславием добавлений, из-за которых он иной раз сам себе противоречил. Но если в нем и нельзя было усмотреть лжеца, то это, однако, не уменьшало возмущения наглостью, с которой он выставлял свое вероломство и хитросплетения, при помощи которых ему удалось смыкать благосклонность тех, кого он задумал погубить.

Побуждаемый естественным порывом негодования, Антонелль ярко обрисовал лицемерие предателя и заклеймил его неизгладимой печатью позора.

Говоря о некоторых подсудимых, Гризель заявил: «Я вижу здесь только агентов — ни один из них не был действительным вождем заговора; за кулисами стояли люди, которые приводили их в движение и заставляли их действовать». В ответ на это у Жермена вырвались следующие слова: «О, если нас так мало, ступай на берег Оды и вырой труп моей жены из покрывающего его песка; ступай, оспаривай пищу у червей, менее тебя заслуживающих того, чтобы его пожирать; ринься, как голодный тигр, на мою мать; к этому гнусному пиру добавь моих сестер и детей; вырви моего сына из слабых рук его кормилицы и сожри его нежные члены своими хищными зубами. Шестьдесят наших семейств предлагают тебе столь же отвратительную добычу; ступай, хватай ее, ступай! Ну что! Эта приманка тебя не соблазняет? Значит, ты, несомненно, еще притворяешься». Не менее замечательны слова, которыми Жермен закончил свою красноречивую защитительную речь: «Без всякого страха и слабости,— заявил он,— жду я вашего приговора; каков бы он ни был, мне нечего бояться, не от чего падать духом. В самом деле, если я умру, свобода не будет иметь более преданного мученика; если я останусь в живых, она не будет иметь более неустрашимого защитника».

Бабеф оправдывает прериальское восстание

Гризель говорил о восстании 1 прериала III года, приписывая его анархистам, причем, по примеру обвинителей, делал вид, что под этим наименованием подразумевает всех искренних друзей равенства. «Прериаль! — вскричал Бабеф,— ужасное время, дни роковые, но священные и благоговейно чтимые, никогда не возникающие в мыслях добродетельных французов без умиления и скорби, дни, вызывающие воспоминание о величайших преступлениях, как и о благородных усилиях добродетели, о величайших несчастьях народа... Прериаль! Бедственные, но почетные дни, когда народ и верные ему представители исполнили свой долг, когда его ве-роломные уполномоченные, его эксплоататоры, убийцы, узурпаторы его суверенитета и всех его прав довели до апогея беспримерные в истории зверства... Одни вы, о Гракхи, о бессмертные французы, остаетесь благородными! Одни вы осмелились объявить себя опорой и защитой народа; на одну вашу преданность могли опереться его более чем справедливые требования: хлеба и законов! Гужон, Дюруа, Ромм, Субрани, Дюкенуа, Бурботт...— славные жертвы! Вы, чьи прославленные навеки имена уже звучали в этом зале и еще не раз будут звучать! Чьи тени мы неустанно воспеваем ежедневно в наших песнях! Чья стойкость перед судьями-нала-

чами, несмотря на цепи, послужит для нас примером и поможет нам выдержать самую долгую и суровую неволю! Наконец, вы, кого злодеи умертвили, но ни на один день не смогли очернить! Славные мученики! Бесстрашные защитники святого равенства! Свободу, народный суверенитет, все принципы, гарантировавшие ему счастье, вы спасли от позора быть отнятыми без мужественного сопротивления... Наш долг был заменить вас после вашей гибели; став, подобно вам жертвой, мы обязаны подражать вам и предстать перед нашими преследователями непоколебимыми, как и вы. Каждый истинный республиканец должен чтить время, когда вы пали жертвою самых мерзких врагов республики...»

На этом трибунал заставил Бабефа замолчать.

Полицейские сыщики пришли дать показания против рабочих, уличенных в том, что после ареста Бабефа они объединились, чтобы освободить его и осуществить его планы. Эти бесстыжие люди, в числе которых можно было увидеть фальшивомонетчика, спешно освобожденного из тюрьмы, чтобы сделать из него шпиона, согласованностью своих действий только усиливали решимость тех, против кого они давали показания.

Благородство двух свидетелей

Среди стольких порочных субъектов оказались двое несчастных молодых человека, кото-

рые своими бедствиями, благородством и мужеством вызвали у зрителей слезы умиления. Жан-Батист Менье и Жан-Ноэль Барбье — оба солдаты — были приговорены к десяти годам тюремного заключения за действия, связанные с восстанием полицейского легиона. Судившая их военная комиссия вырвала у них признания против некоторых обвиняемых; их доставили в Вандом для подтверждения этих признаний. Однако, не оправдав ожиданий обвинителей, Менье и Барбье во всеуслышание отказались от всего, что имели слабость признать, и предпочли навлечь на себя новое обвинение в лжесвидетельстве, чем произнести хотя бы единое слово против преданных суду людей.

Мало того, они склонились перед подсудимыми и приветствовали их пением республиканских песен; они называли их друзьями народа и просили разрешения разделить с ними славу. Столь великая доблесть была вознаграждена новым осуждением на каторгу... О, времена!..

Защита

Вследствие принятого сообща решения отрицать существование заговора Бабеф более чем кто-либо из обвиняемых был стеснен в своей защите. Из пятисот, приблизительно, уличающих документов, которые почти все были захвачены у него и в которых совершенно явственно говорилось об

организации, плане, действиях Повстанческого комитета и содержалась его переписка, более ста были написаны его рукой. Донос был целиком направлен против него; пять долгих заседаний ушли на его допрос.

Как можно было давать столь мало правдоподобные объяснения многочисленным фактам, вытекавшим из этих документов и подтвержденным доносчиком? Главные подсудимые попытались это сделать; иной раз это им частично удавалось. Однако в целом они добились лишь того успеха, что несколько приобщили тех из присяжных, которые уже разделяли их взгляды. При таком положении их защита представляла собой мало связное сплетение всевозможных ухищрений, которые были им не по душе и чему они подчинялись, уступая лишь своим товарищам по несчастью.

Подлинная защита этих обвиняемых целиком выражалась в признании ими своих демократических доктрин, в торжественном восхвалении ими конституции 1793 г. и в настойчивости, с какой они оправдывали цель предполагаемого заговора.

Этот заговор весь исчерпывался актом о создании Повстанческой дирекtorии,* который обвинители называли узурпацией суверенитета; на этом документе и базировалось главным образом обвинение. Бабеф доказы-

* См. документы, № 4.

вал справедливость мотивов заговора, его намерения и средств.

«Перед нами,— заявил он,— отнюдь не процесс отдельных лиц, а процесс республики; вопреки инакомыслящим, к нему необходимо отнестись со всем благородством, величием и преданностью, которых требуют столь огромные интересы... Этот акт,— продолжал он,— принадлежит перу нескольких республиканцев; в это дело вовлечены все республиканцы, следовательно оно принадлежит республике, революции, истории... Мой долг его защищать».

Сравнивая вслед за тем свое настоящее положение с положением демократов, оставшихся на свободе, он воскликнул: «Гений свободы, какую хвалу должен я воздать тебе за то, что ты поставил меня в положение, при котором я пользуюсь большей свободой, чем все другие люди, именно в силу того, что я закован в цепи! Как прекрасно мое положение! Как прекрасно мое дело! Оно позволяет мне говорить исключительно языком правды... Хотя я и закован в цепи, язык мой поставлен в более привилегированное положение, чем язык каждого из бесчисленного множества угнетаемых и неимущих, местопребыванием которых не смогли сделать тюрьму. Они страдают, терпят притеснения, изнурены налогами, подавлены самой острой нуждой, угнетены самым гнусным унижением, и в довершение жестокости им не разрешают более жаловаться... Если

родина осуждена на смерть в лице тех ее сыновей, которые замешаны в это дело, пусть, по крайней мере, будет сказано во всеуслышание, что, погибая, они не изменили и что они мужественно исповедовали заветы своей матери... Я обращаюсь к добродетельным людям, они одни способны увидеть нашу правоту; если бы не существовало более таких людей, готовых выслушать меня, о, тогда несомненно, не оставалось бы ничего иного, как воздвигнуть эшафот».

Но когда Бабеф с любовью заговорил о конституции 1793 г., когда он стал напоминать о том, при помощи каких насилий ее вырвали у народа, то государственные обвинители набросились на обвиняемых, утверждая, что они находятся в заговоре также против правительства. Бабефу пришлось тотчас умолкнуть.

Буонарроти также принялся доказывать справедливость этой конституции. Он заявил, что орган, который ею устанавливался, имел единственной целью распространение демократических доктрин. Он настаивал на том, что если бы даже этот орган и подготовлял законодательные проекты для их представления на рассмотрение народа, недовольство которого было общезвестно и взрыв открытое возмущения которого можно было предвидеть, то этим был бы только совершен акт предосторожности, николько не противоречащий законам. Исходя далее из гипотезы, что Тайная директория желала побудить на-

род к рассмотрению вопроса о форме правления, он показал, что такое воздействие есть право каждого гражданина в любой стране, управляемой такой конституцией, как конституция III года, признающей, что суверенитет пребывает в совокупности всех граждан.

Позже Бабеф искусно вернулся к этому вопросу, и после нескольких предварительных осторожных замечаний ему удалось во всеуслышание заявить: «Пробудить подлинный народ, создать царство счастья, царство равенства и свободы, изобилующее для всех, равенство и свободу для всех, счастье для всех — таковы желания этих так называемых пресловутых мятежников, которых перед глазами всей Франции изобразили в таких ужасных красках».

Перейдя затем к вопросу о средствах, он показал, что в действительности они сводились к осуществлению революции во взглядах, к созданию всеобщего сдвига в умах, результаты воздействия которого авторы учредительного акта, по его мнению, преувеличивали. «Ибо,— как он весьма рассудительно добавил,— слишком ясно, что духовная революция, необходимый результат перерождения значительного большинства людей и отказа от всех обуревающих их страстей,— является делом, отнюдь не легко осуществимым в результате одной лишь проповеди добродетели. С тех пор как у различных народов существуют просветители, благородные люди, посвящающие себя проповеди истин

высшего разума и указанию пути к подлинной справедливости, никогда почти не было видно, чтобы они имели успех; почти все они оказывались жертвами своей просветительской деятельности.

Мало того. Он доказывал, что когда народ угнетен, восстание, хотя бы осуществленное частично, является справедливым и необходимым, и, опираясь на свои рассуждения и на авторитет Мабли, полностью опроверг нежизненную доктрину государственных обвинителей, заявивших: «Восстание справедливо лишь тогда, когда его осуществляет вся совокупность граждан». Лучше уж было сказать, что оно никогда не бывает справедливым.

Бабефу было дважды предложено назвать своих сообщников, и дважды он с ужасом отверг эту провокацию.

С таким же негодованием он отверг систему лжи, при помощи которой некоторые подсудимые и один защитник хотели вести защиту, а именно, приписывая идею о заговоре тирании и представляя ее агентов подстрекателями наиболее опасных для нее действий. Речь шла об Акте о восстании, по поводу которого Рикор воскликнул: «Да, это Гризель его составил». «Нет! — гордо возразил Бабеф,— не он его составил. Это не такой документ, который должен заставить краснеть его автора. Гризель слишком большой злодей, чтобы составить подобный Акт».

Все уличающие документы были представлены обвинителями в том порядке, в

каком они составлялись в действительности, и естественно, что, собрав их вместе, они легко выводили из них подлинную историю заговора.

То, что обвинители объединяли, подсудимые, будучи связаны договоренностью о системе отрицания, старались разъединить, относя написанные ими документы к не связанным между собой причинам, к случайным обстоятельствам и к разному времени. Анализируя эти документы, они не упускали ни одного случая провозгласить свои демократические принципы, оправдать их и показать, что конституция, которой управлялась Франция, была не той конституцией, которую принял французский народ.

Так, Бонапарти, разъясняя проект обращения к солдатам, автором которого он являлся,* рассказал, почему он активно служил Французской революции. Несмотря на то, что трибунал прерывал его, он подробно изложил мотивы, по которым он защищал конституцию 1793 г., обвинял правительство в узурпации и тирании и восхвалял намерения и действия революционного правительства. «Из моего сердца,— воскликнул он,— не могла изгладиться данная мною клятва — защищать Кодекс, единодушно санкционированный многомиллионным народом в дни его единения и славы, и, подобно рабам, сохраняющим

* См. документы, № 23.

верность своим господам, я сохранил верность благородному народу, великодушно принявшему меня в свое лоно и торжественно предписавшему мне в дни свободы свою волю».

Попытка освобождения подвергавшихся опасности подсудимых

Глубоко взволнованные толпы граждан Вандома и окрестностей усердно посещали заседания верховного трибунала. Эти часто повторявшиеся пылкие нападки на правительство, настоятельные доводы, которые не всегда успешно разбивались обвинителями, эта открытая защита наиболее популярных событий революции, горячая преданность правам и интересам народа, эти насильственно привлеченные свидетели, отказавшиеся давать показания против подсудимых и засвидетельствовавшие свое уважение к тем, против кого их заставляли выступить, эти преданные семьи, присутствовавшие при битве, исхода которой они с трепетом ожидали,— все это внушило зрителям глубокое сострадание к подсудимым. Интерес к подсудимым еще более возрос благодаря ежедневным статьям местной газеты, как и благодаря толкам населения, почти полностью поглощенного тем, что происходило на суде.

К этому доброжелательному предрасположению вскоре присоединилось желание предохранить наиболее замешанных в деле подсу-

димых от опасности, которая — как чувствовалось — им угрожала. С одной стороны, были тайно предприняты попытки вызвать в их пользу восстание среди части охранявших их солдат; эти попытки не имели успеха. С другой стороны, было намерение способствовать тайному побегу.

При помощи нескольких инструментов, украдкой внесенных в тюрьму, заключенные в короткий срок проделали широкое отверстие, через которое собирались скрыться от своих палачей те из них, у кого было основание опасаться. Однако неосторожное поведение одного из подсудимых вызвало подозрение и рассеяло все надежды на побег.

Враждебные речи государственных обвинителей

По окончании судебного разбирательства государственные обвинители в произнесенных ими пространных речах потребовали предания смерти около тридцати человек. Захваченные документы были так многочисленны и так убедительны, что им очень легко было установить правдивость доноса и доказать существование заговора. Однако, им не удалось доказать, что заговор был преступен.

Подсудимые многократно утверждали, что если даже и допустить, что заговор существовал, то сам по себе он не содержит никакого преступления, ибо конституция, против

которой он, якобы, был направлен, не является подлинным законом, так как она упраздняет народный суверенитет и не была утверждена народом. На этот главный и решающий пункт обвинители ничего не ответили и, ограничившись фактами, стремились устранить всякую дискуссию по вопросу о правоте намерения. Оставляя в стороне самое серьезное возражение, они занялись опровержением тех возражений, которые казались им наиболее слабыми, и особенно старались устрашить пугливых людей преувеличенным изображением способов осуществления заговора, клеветническим изложением намерений подсудимых, а также фантастической картиной последствий, ложно выведенных из их планов. Действительно, ничто не казалось более экстравагантным, чем это заключение, утверждающее не допускающим возражения тоном, что практика народного суверенитета и равенства с необходимостью должна привести Францию к опустошению, сокращению народа населения и к безысходному положению, а следовательно к постепенному возврату к монархической власти.

Было бы бесполезно, как и скучно, подробно излагать вынужденные объяснения подсудимых относительно предъявляемых им документов, отрицания, с помощью которых они отвергали показания доносчика, и незначительные противоречия, в которые тот впадал вследствие недостатка памяти или в силу

желания казаться более предусмотрительным, более хитрым, чем он являлся в действительности.

В целом донос был верен, заговор в действительности существовал, и главные подсудимые отрицали его существование лишь в силу святой лжи, от которой они не ожидали никакого успеха и за которую в душе краснели.

Ответы подсудимых

Но чего не следует обойти молчанием, так это той части их общей защиты, в которой подвергались обсуждению принципы общественного права французов. Революция была здесь оправдана в своем величайшем стремлении к равенству и народному суверенитету. Мы дадим поэтому краткое резюме этой части защиты в целях ознакомления с чувствами, которым подсудимые остались верны до последней минуты.

Согласно системе обвинителей и суда, присяжные заседатели должны были ограничиться рассмотрением вопроса о том, действительно ли имелось налицо нарушение конституции III года, причем они стремились помешать подсудимым обсуждать вопрос о законности этого.

Однако наиболее замешанные в деле подсудимые с неменьшей настойчивостью старались развить и оправдать исповедуемые ими

с таким пылом принципы, так как считали их правильными и согласующимися со всеобщим благом; именно в этом видели они истинные средства к защите себя в глазах народа и народных заседателей.

*Призыв к патриотизму
присяжных заседателей*

Сначала они взывали к добродетели присяжных заседателей с целью пробудить в их душах благородное чувство независимости. Они попытались убедить их, что высокая миссия обязывает их глядеть в корень вещей, подняться выше конституции III года, подвергнуть строгому рассмотрению вопрос о ее происхождении и сущности и руководствоваться в своих решениях подлинными правами народа, а не притязаниями существующей власти, которая в действительности не была создана народом.

«С этим процессом,— заявил один из подсудимых,— дело обстоит иначе, чем с обычновенными судебными делами. Могущество обвинителей, бессилие и безвестность обвиняемых должны обратить пристальное внимание присяжных заседателей верховного суда на мотивы, совершенно не свойственные обычному ведению судов. Граждане, угнетаемые не напрасно будут протестовать перед вами против жестокости их угнетателей. Не напрасно святой энтузиазм свободы будет настойчиво

требовать от вас уважения и справедливости к священным принципам, которым мы обязаны уничтожением привилегий, падением трона и успешным движением общественного разума к равенству прав... Народ возложил на вас обязанность признавать добро, а не приспособливать сухие юридические формулы к планам честолюбцев и глупцов... Представители народа, олицетворяйте же его самото! Чтобы выражать его волю, надо обладать его сердцем».

Прежде чем приступить к доказательству того, что подлинным законом французов была конституция 1793 г. и что конституция III года является лишь актом грабежа и насилия, подсудимые старались рассеять ужас, которым обвинители старались окружить демократический закон и тех, кто оставался ему верен, путем преувеличенного изображения суровости революционного правительства, с которым они этот закон притворно смешивали.

Защита революционного правительства

«Вы постоянно напоминаете о мероприятиях 1793 г., — заявили подсудимые, — но вы обходите молчанием то, что предшествовало злополучной необходимости, заставившей к ним прибегнуть. Вы забываете напомнить Франции о бесчисленных предательствах, приведших к гибели тысяч граждан; вы за-

бываете сказать ей об ужасающих успехах войны в Вандее, о сдаче наших пограничных крепостей, об измене Дюмурье и о возмутительном покровительстве, которое он находил даже в самом Национальном конвенте; вы забываете напомнить о неслыханных жестокостях кровожадных вандейцев, раздиравших на части и заставлявших умирать в самых утонченных мучениях защитников отечества и всех тех, кто сохранял какую-либо привязанность к республике. Если вы призовете тени жертв прискорбной суровости, вызванной все возраставшими для отечества опасностями, мы выроем трупы французов, убитых контрреволюционерами в Монтобане,⁸⁵ Нанси, на Марсовом поле, в Вандее, Лионе, Марселе, Тулоне; мы воскресим тени миллиона республиканцев, перебитых у границ сторонниками тирании, беспрестанно замышлявшими в ее интересах заговоры даже внутри самой Франции; мы уравновесим кровь, пролитую из холодного расчета вашими друзьями, кровью, к прискорбию, пролитой патриотами в пылу обороны и в порыве любви к свободе... Кого же, нас или свободу, взяли на себя преследовать государственные обвинители? Их ожесточение будет нам небесполезно; в их пристрастных описаниях и в притворстве, с каким они искажают историю и взваливают на головы подсудимых факты, к которым те непричастны, члены верховного суда, без сомнения, различат тайную ненависть, кото-

рую более ловкие, чем мы, враги республики питают к бесстрашным и слишком доверчивым ее друзьям».

Двумя главными пунктами обвинения, против которых подсудимым надлежало защищаться, были говор с целью низвержения конституции III года и замены ее конституцией 1793 г., как и с целью покушения на собственность путем установления общности имущества.

«Мы,— заявили они,— любим, конечно, конституцию 1793 г.; мы любим ее потому, что она гарантирует народу неотъемлемое право участия в обсуждении законов; мы любим ее потому, что она была торжественно принята почти единогласно французским народом».

Восхваление конституции 1793 г.

«Конечно,— добавляли они,— мы чтим также эту конституцию как подлинный основной закон Франции, так как конституция III года фактически лишила народ права на суверенитет и так как неверно, будто народ принял и эту конституцию».

Доводы и соображения, при помощи которых подсудимые доказывали правдивость своих утверждений, были так убедительны, что после долгих доказательств с той и с другой стороны обвинитель Вьеяр признал себя побежденным, заявив: «Впрочем я уступаю».

Подсудимые настаивают на законности заговора

«Вы утверждаете,— продолжали подсудимые,— что мы обратили внимание народа на это странное нарушение его прав? В этом отношении мы только воспользовались правом свободы слова, которую конституция III года гарантирует всем французам.

Вы, кроме того, утверждаете, что мы объединились затем, чтобы волей или неволей восстановить конституцию 1793 г., которую мы считаем священной, считаем, что она является охраной общественной свободы. Прежде всего существование этого заговора, который мы отрицаем, не доказано; достаточно одного отсутствия средств осуществления, чтобы устранить всякое подозрение в опасном и преступном заговоре. Но если бы мы действительно и составили заговор с целью восстановления конституции 1793 г., мы следовали бы только побуждениям чистой совести; мы повиновались бы только истинному закону; мы сделали бы только то, что обязан сделать каждый истинный гражданин; мы выполнили бы только клятву сохранить верность свободе, народному суверенитету и республике».

Меж тем как обвинители и трибунал настаивали на том, чтобы присяжные ограничились выяснением того, имелось ли намерение совершить покушение на конституцию III года, подсудимые показывали, что

если во что бы то ни стало хотят представить их заговорщиками, то их заговор не являлся преступлением, ибо власть, против которой он якобы был направлен, не являлась законной, так как не была одобрена народом.

Подсудимые как раз и призывали присяжных подвергнуть обсуждению это отсутствие законности.

Бабеф защищает общность имущества

Что касается намерения установить общность имущества, то подсудимым не было необходимости долго его оспаривать, так как письменные документы, содержащие последовательные проекты законодательства, не были захвачены и ничего из этой области в присутствии доносчика не было предложено, а потому эта часть обвинения была слабой. Однако Бабеф, часто делавший эту общность сюжетом для своего «Народного трибуна», не упустил случая заговорить и о ней; он изложил свои демократические взгляды на этот вопрос и доказывал их правоту как путем рассуждений, так и путем описаний неизбежных бедствий, потрясающих общество, и ссылками на крупные авторитеты.

«Собственность, — заявил он, — является причиной всех бедствий на земле. Проповедь этой давно провозглашенной мудрецами доктрины я хотел внушить преданность республике населению Парижа, уставшему от

революций, павшему духом вследствие несчастий и почти роялизированному благодаря проникам врагов свободы».

Заключительная часть речи Бабефа

Бабеф следующим образом закончил свою длинную защитительную речь:

«Если моей голове угрожает топор, ликторы найдут меня совершенно готовым; умереть за дело добродетели является почетом... Приговор судей решит следующую проблему: останется ли Франция республикой,* или же станет добычей разбойников, которые раздерут ее на части и вернут ее к монархии... Граждане судьи, осудите ли вы людей, которые руководствовались лишь любовью к справедливости? Хотите ли вы ускорить контрреволюцию и гибель патриотов от меча торжествующих роялистов?.. Но если наша смерть предрешена, если уж прозвучал для меня роковой колокол, то я давно покорился своей участи. Являясь постоянно жертвой в этой долгой революции, я смылся со страданиями. Тарпейская скала всегда стояла перед моими глазами, и Гракх Бабеф весьма счастлив умереть за свою страну. Что ж, если внимательно все взвесить, то чего нехватает мне для моего утешения? Могу ли я рассчиты-

* Четыре года спустя от республики не осталось и следа.

вать закончить мой жизненный путь в более прекрасный момент славы?.. Я испытую перед смертью ощущения, редко сопровождавшие смерть людей, принесших себя в жертву человечеству... Власть, оказавшаяся достаточно сильной, чтобы нас так долго угнетать, бессильна нас опозорить. Мы увидели, как со всех сторон бьет ключом истина, чтобы еще при нашей жизни запечатлеть факты, которые делают нам честь и послужат вечным позором для тех, кто нас преследует. История отметит наши имена почетом. Кто же еще те люди, заодно с которыми меня рассматривают как преступника? Это Друэ, это Лепелье!.. О дорогие для республики имена! Так вот кто мои сообщники!.. Друзья, вы, ближе всех находящиеся возле меня на этих скамьях, кем еще являетесь вы?.. Я узнаю вас: почти все вы основатели, стойкие защитники этой республики; если осудят вас, если осудят меня,— о, я это вижу,— мы явимся последними французами, последними деятельными республиканцами... Ужасный королевский террор пройдет повсюду со своим мечом!.. Не лучше ли унести с собой славу о том, что мы не пережили порабощения, что мы умерли за то, что хотели предохранить от порабощения наших сограждан... О, дети мои (слезы заструились из его глаз), одно лишь горькое сожаление я должен выразить вам: это то, что как ни сильно желал я содействовать завещанию вам свободы, этого источника всех благ, я и после себя вижу

рабство, я покидаю вас жертвами всевозможных бедствий. Мне нечего вам завещать! Я не хотел бы даже завещать вам свои гражданские добродетели, свою глубокую ненависть к тирании, свою горячую преданность делу равенства и свободы, свою пламенную любовь к народу: я сделал бы вам слишком пагубный подарок. Что делали бы вы с ним под гнетом королевской власти, которая неминуемо утвердится? Я покидаю вас рабами, и это единственная мысль, которая будет терзать мою душу в последние мои мгновения. В данном случае мне следовало бы посоветовать вам, каким образом более терпечно сносить ваши цепи, но я чувствую, что неспособен на это».

Допрос относительно фактов

К первоначальным вопросам, подлежащим обсуждению присяжных и касавшимся только наличия заговора и причастности к нему каждого из подсудимых, трибунал, по ходатайству председателя суда, прибавил новые вопросы, касавшиеся письменных и устных подстрекательств к восстановлению конституции 1793 г. Это добавление изменило процедуру обвинения — факт тем более противозаконный, что на рассмотрение присяжных были неожиданно переданы такие рукописи, о которых партиям никогда не разрешалось да-

вать объяснения.* Жалобы по этому поводу со стороны некоторых подсудимых, поддержанных в данном вопросе государственными обвинителями, не были приняты во внимание.

Допрос относительно намерения заговора

Подсудимые горячо, но так же безуспешно, восстали против формы, в какой был поставлен вопрос относительно намерения; в ней они видели доказательство злобного пристрастия. Закон предписывал судье под угрозой аннулирования его решений, чтобы он, объявив факт установленным и обвиняемого уличенным, во всех случаях добавлял: «Мне кажется, или мне не кажется, что такой-то поступок совершен злостно и преднамеренно». Подсудимые как раз и настаивали на сохранении термина злостно, ибо они усматривали в этом призыв к присяжным рассмотреть законность тех мотивов, которыми они условно оправдывали заговор.

Обращаясь к присяжным, подсудимые следующим образом высказались по вопросу о намерении: «Загляните в ваши сердца, и вы услышите в них глухой,зывающий к вам голос: ведь эти люди мечтали только о счастье своих близких... Не для всех революция яв-

* Впоследствии постановлением уголовного суда департамента Сены было торжественно признано, что поставленные верховным судом вопросы относительно подстрекательства были противозаконны.

лялась игрой личных интересов. Поймите же, граждане, что были люди, рассматривавшие ее как событие большой важности для всего человечества; убедитесь же в том, что она сделалась для них новой религией, ради которой они, совершенно забывая себя, пожертвовали условностями, состоянием, покоем и жизнью... Поразить друга свободы значит протянуть руку королям... Вы судите свободу; она изобиловала мучениками и людьми, мстившими за них. Свобода погибает, когда благородные чувства подавляются, когда воодушевленным ею людям показывают окровавленные головы тех, кто во имя нее пожертвовал собою... Обвинители хотели, чтобы даже в случае, если наши доводы справедливы, присяжные не стали останавливаться на мотивах, которые могли побудить подсудимых, и рассматривали их намерения лишь как желание низвергнуть конституцию 1795 г. Если будет принято это странное притязание, то во Франции не существует более ни института присяжных, ни отечества. Прежде всего следовало бы обратить внимание присяжных не на низвержение действующей конституции, а на низвержение законной власти; ибо могут ли они объявить виновным того, кто, действуя против нынешнего правительства, твердо верил, что действует в пользу истинного закона?

К чему свелось бы тогда внутреннее ощущение добра и зла, которое делает столь ценным для чистых сердец институт присяж-

ных? К чему свелась бы забота закона о примирении путем вопросов, относительно намерения, как и относительно смягчающих обстоятельств, столь частых противоречий между предписаниями естественного закона и предписаниями позитивных законов? К чему свелся бы высший закон народного интереса, повелевающий его уполномоченным считать главным в сердце подсудимых любовь к отечеству и преданность ему?»

Несколько присяжных присоединились к требованию подсудимых, чтобы согласно предписываемой законом формуле были поставлены вопросы относительно намерения; но это оказалось тщетным. Верховный суд, настаивая на своей системе, ограничился следующими вопросами: участвовал ли подсудимый в заговоре или подстрекал к нему, имея намерение участвовать в нем или подстрекать к нему? Таким образом, было запрещено всякое обсуждение моральной стороны дела.

Постановление суда присяжных

Всего было шестнадцать присяжных. Для оправдания было достаточно четырех, но только трое оказывались постоянно на стороне подсудимых. В их числе был Готье Биоза, имя которого мы называем, так как нам известно, что его нет более в живых; он остался верен народу, но не в его было власти, чтобы никто не был осужден.

Между тем все вопросы относительно заговора были решены отрицательно. Но, к несчастью, тринадцатью присяжными было признано, что налицо имелись устные и письменные подстрекательства к восстановлению конституции 1793 г. и что Бабеф, Дартэ, Буонарроти, Жермен, Казен, Моруа, Блондо, Менесье и Буэн были к ним причастны; двое первых — без смягчающих вину обстоятельств, все прочие — со смягчающими обстоятельствами.

На рассвете 7 прериля V года барабанный бой, артиллерийский грохот и необычайное движение войск дали знать населению Вандома о печальной развязке драмы, свидетелями которой оно являлось.

Приговор

Все предвещало бывшим налицо семи выше-названным подсудимым их близкий конец. В последний раз появились они перед погруженным в мрачное молчание судом. Многочисленная, встревоженная толпа заполняла зал, все проходы которого охранялись значительной военной силой.

Вслед за роковым постановлением, зачитанным взволнованным голосом председателем суда присяжных, обвинители потребовали смертной казни для двух обвиняемых и ссылки для всех остальных.

Тогда была сделана последняя попытка: один из подсудимых при поддержке Защит-

ника потребовал от трибунала оправдания для всех на том основании, что закон 27 жерминаля IV года, применения которого добивались обвинители, запрещал свободу печати и в виду этого терял силу, согласно одной из статей конституции, гласившей, что всякий подобный закон действителен не более одного года.

Трибунал не обратил на это никакого внимания. Бабефу и Дартэ было заявлено: «Умрите», а семи остальным: «Влачите жизнь, полную несчастий, вдали от родины, в знойном и убийственном климате».

Бабеф и Дартэ ранят себя. Смятение

Тут начинается смятение. Бабеф и Дартэ ранят себя; со всех сторон раздаются крики: «Их убивают!» Буонарроти протестует и призывает к тому же народ. Среди зрителей начинается движение, которое тотчас пресекается сотней направленных на них штыков; жандармы хватают сосланных, угрожают им саблями и уводят вместе с их умирающими товарищами.

Вследствие непрочности кинжалов, которые сломались, двое приговоренных к смерти не смогли лишить себя жизни. Они провели ночь в жестоких страданиях от ран, которые они нанесли себе. В ране Бабефа кинжал так и остался вонзенным у самого сердца.

Кровавая казнь

Мужество не изменило им, и, сильные духом, они шли на казнь, как на торжество. Перед принятием рокового удара Бабеф заговорил о своей любви к народу; ему он поручал свою семью.

Весь Вандом оделся в траур после того, как эти благородные защитники равенства были лишены жизни. Их изуродованные тела, которые варвары велели бросить на свалку, были благоговейно погребены окрестными крестьянами.

Вадье

Пятьдесят шесть подсудимых были оправданы; в их числе был бывший член Конвента Вадье, по отношению к которому верховный суд применил меру, явная несправедливость которой должна быть отмечена. Этот несчастный старик, благодаря честности, с которой оннес, до злополучного термидора, тяжелые обязанности председателя Комитета общественной безопасности, навлек на себя слепую ненависть врагов революции и справедливости. Едва избежал он их кровового преследования, как был найден новый предлог опять подвергнуть его преследованию. Несмотря на то, что ему ничего не было известно о заговоре и он находился вне всяких подозрений, его арестовали и с тысячию опасностей насильно доставили из Тулузы в Париж. Ему было предъявлено обвинение

и затем его перевезли в Вандом. В продолжение заседаний суда он тщетно пытался оправдать свою общественную деятельность; он был лишен слова. Однако его вынуждены были оправдать. Но хотя его и оправдали, все же постановили держать его и в дальнейшем в тюрьме, поскольку — такой был приведен довод — имелся декрет Конвента о его ссылке. Этот декрет был отменен, и его не существовало более. Таким образом, в силу фактической ошибки, которую так легко было проверить, члены верховного трибунала республики, которых закон наделял даром непогрешимости, произвольно, не допросив заинтересованную сторону, наложили крайне тяжкое наказание, которое долго оставалось в силе и длилось бы бесконечно, если бы великое преступление 18 брюмера не положило ему конец.

Благородство муниципального совета Сен-Ло

Вскоре после этого пятеро оказавшихся налицо ссыльных были брошены вместе с Вадье в крепость на лишенном растительности острове у входа на рейд в Шербурге. Этот долгий путь они проделали в кандалах, заключенные в клетки с решетками, то подвергаясь проклятиям и угрозам, то встречая самые трогательные проявления любви и уважения. В Фалезе, Каэне и в Валони им грозили большие опасности. Но зато в Меллеро, Аржантане и в Сен-Ло их встретили

дружелюбно и с почетом. В Сен-Ло мэр города во главе муниципального совета приветствовал их и, обняв, назвал их: *наши несчастные братья*. «Вы защищали,— заявил он,— права народа, и каждый добный гражданин обязан вам любовью и признательностью». По постановлению генерального совета они были размещены в зале его заседаний, где им оказали материальную помощь и осыпали утешениями.

Доброта жителей Вандома

Долгое время после этого добрые жители Вандома с умилением показывали путникам последнюю обитель мучеников во имя равенства.

ДОКУМЕНТЫ

Первый документ

КОНСТИТУЦИЯ

ФРАНЦУЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ,
ПРИНЯТАЯ НАЦИОНАЛЬНЫМ КОНВЕНТОМ
В 1793 г.

Декларация прав человека и гражданина

Французский народ, убежденный в том, что забвение естественных прав человека и пренебрежение ими являются единственными причинами бедствий на земле, решил изложить свои священные и неотъемлемые права в торжественной декларации для того, чтобы все граждане постоянно имели возможность сравнивать действия правительства с целью, к которой стремится всякое социальное установление, и не позволяли никогда тирании угнетать и унижать себя; чтобы перед взором народа всегда были основы его свободы и счастья; перед взором должностных лиц — правила исполнения ими их обязанностей; перед взором законодателя — цель его миссии.

Статья 1

Целью общества является всеобщее счастье. Правительство установлено для того, чтобы обеспечить человеку пользование его естественными и неотъемлемыми правами.

Статья 2

Такими правами являются: равенство, свобода, безопасность, собственность.

Статья 3

Все люди равны от природы и перед законом.

Статья 4

Закон есть свободное и торжественное изъявление общей воли. Он равен для всех; он равно карает и милует всех граждан; он может повелевать лишь то, что является справедливым и полезным для общества; он может запрещать только то, что наносит обществу вред.

Статья 5

Все граждане одинаково допускаются к занятию общественных должностей. Свободным народам неведомы никакие иные причины для предпочтения при избрании кроме добродетелей и талантов данного лица.

Статья 6

Свобода есть право каждого человека делать все, что не нарушает прав других лю-

Завет во имя равенства

дней. Ее принципом является природа; правилом — справедливость; стражем — закон. Ее моральное ограничение выражено в следующем правиле: «Не делай другим того, чего не желаешь себе».

Статья 7

Право выражать свои мысли и убеждения при посредстве печати или каким-либо иным путем, право мирных собраний и свободного отправления культа не могут быть запрещены.

Необходимость заявлять об этих правах вызывается наличием деспотизма или свежим воспоминанием о нем.

Статья 8

Безопасность заключается в покровительстве, оказываемом обществом каждому из его членов в деле охраны его личности, прав и собственности.

Статья 9

Закон должен охранять общественную и личную свободу от подавления их властью имущими.

Статья 10

Никто не может быть обвинен, арестован или задержан иначе как в случаях, установленных законом и им предписанных; каждый гражданин, вызванный или задержанный на законном основании, обязан немедленно

повиноваться. Сопротивляясь, он совершаet преступление.

Статья 11

Всякий акт, направленный против кого-либо в случаях, не указанных законом и без соблюдения установленных им форм, является актом произвола и тирании. Гражданин, по отношению к которому хотели путем насилия совершить такой акт, вправе оказать ему сопротивление.

Статья 12

Лица, вызвавшие, подготовившие, подпи-
савшие, исполнявшие или заставившие дру-
гих исполнять акты произвола, являются
виновными и подлежат наказанию.

Статья 13

Каждый человек считается невиновным до тех пор, пока виновность его не установлена; если он подлежит аресту, то всякие меры строгости, не являющиеся необходимыми для его задержания, категорически запрещаются законом.

Статья 14

Никто не может быть осужден и подверг-
нут наказанию до того, как он выслушан,
равно как и до законного вызова его в суд
и не иначе как в силу закона, опублико-
ванного до совершения преступления. Закон,
карающий преступления, совершенные до

его опубликования, является актом тирании; присвоение закону обратной силы является преступлением.

Статья 15

Закон должен устанавливать только строго и явно необходимые наказания. Наказания должны соответствовать размерам преступления и служить на пользу обществу.

Статья 16

Право собственности заключается в принадлежащем всем гражданам праве пользоваться и распоряжаться по своему усмотрению своим имуществом, доходами, плодами своего труда и своего мастерства.

Статья 17

Никому из граждан не может быть запрещен в качестве занятия ни один вид труда, земледелия или торговли.

Статья 18

Человек вправе сдать в наймы свои услуги и свое время, но он не может ни продать себя сам, ни быть проданным кем-либо другим. Его личность является неотчуждаемой собственностью. Закон не признает зависимого положения домашней прислуки; между человеком, который трудится, и человеком, который его нанимает, может существовать только обязательство о заботах, с одной стороны, и о вознаграждении за них — с другой.

Статья 19

Никто не может быть лишен без согласия хотя бы малейшей доли своей собственности, за исключением случаев, когда этого требует законно установленная общественная необходимость и при условии предварительного справедливого вознаграждения.

Статья 20

Ни один налог не может быть установлен иначе как в целях общественной пользы. Все граждане имеют право участвовать в установлении налогов, следить за их использованием и требовать представления отчета в этом.

Статья 21

Общественная помощь является священным долгом. Общество обязано поддерживать существование неимущих граждан путем предоставления им работы, либо путем обеспечения средств существования тем из них, кто не в состоянии работать.

Статья 22

Образование является всеобщей потребностью. Общество должно всячески способствовать прогрессу общественного разума и сделать образование доступным для всех граждан.

Статья 23

Общественная гарантия заключается в общем старании упрочить за каждым возмож-

ность осуществления и сохранения им его прав; эта гарантия поконится на народном суверенитете.

Статья 24

Не может существовать никакой общественной гарантии, если законом точно не установлены границы государственных должностей и не обеспечена ответственность всех должностных лиц перед законом.

Статья 25

Суверенитет пребывает в народе. Он является единым и нераздельным, незыблемым и неотчуждаемым.

Статья 26

Ни одна часть народа не может осуществлять власти, принадлежащей всему народу; однако каждая часть суверенного народа на своем собрании пользуется правом совершенно свободно выражать свою волю.

Статья 27

Каждый, кто узурпирует народный суверенитет, должен быть немедленно предан смерти свободными гражданами.

Статья 28

Народ всегда вправе пересматривать, перерабатывать и изменять свою конституцию; одно поколение не может подчинять своим законам все грядущие поколения.

Статья 29

Каждый гражданин имеет равное право на участие в составлении законов и в назначении своих уполномоченных и агентов.

Статья 30

Все государственные должности безусловно являются временными; их надлежит рассматривать не как отлиния или вознаграждения, а как исполнение долга.

Статья 31

Преступления народных уполномоченных и его агентов никогда не должны оставаться безнаказанными. Никто не вправе претендовать на большую неприкосновенность, чем все прочие граждане.

Статья 32

Право подачи петиций носителям государственной власти ни в коем случае не может быть запрещено, приостановлено или ограничено.

Статья 33

Сопротивление угнетению вытекает из прочих прав человека.

Статья 34

Когда подвергается угнетению один член общественного организма, то тем самым угнетается весь общественный организм.

Когда подвергается угнетению весь общественный организм, то тем самым угнетается каждый из его членов.

Статья 35

Когда правительство нарушает права народа, то восстание является священнейшим правом и необходимейшей обязанностью всего народа и каждой отдельной его части

Подписи: Колло д'Эрбуа, председатель
Дюран-Майян
Дюко
Меоль
Ш. Делакруа
Госюэн
П. А. Лалуа, секретарь.

Продолжение первого
документа

РЕСПУБЛИКАНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ

О республике

Статья 1

Французская республика едина и неделима.

О распределении народа

Статья 2

Для осуществления своего суверенитета Французский народ распределяется по первичным и кантональным собраниям.

Статья 3

В области административной и судебной он распределяется по департаментам, дистриктам, муниципалитетам.

О правах гражданства

Статья 4

Всякий человек, достигший 21 года, родившийся и проживающий во Франции,

всякий иностранец, достигший 21 года и в течение года проживающий во Франции, живущий в ней своим трудом, либо владеющий собственностью, либо женатый на француженке, либо усыновивший ребенка, либо содержащий на свои средства старика; наконец, всякий иностранец, который по признанию Законодательного собрания имеет заслуги перед человечеством,—

допускается к пользованию правами французского гражданина.

Статья 5

Лишаются прав гражданства лица:

перешедшие в иностранное подданство;

принявшие от антинародного правительства должность или пользующиеся его милостями;

приговоренные к позорящим или телесным наказаниям — до реабилитации.

Статья 6

Временно лишаются прав гражданства лица:

находящиеся под следствием;
заочно осужденные — до отмены приговора.

О народном суверенитете

Статья 7

Суверенный народ есть совокупность французских граждан.

Статья 8

Народ сам непосредственно избирает своих депутатов.

Статья 9

Он поручает выборщикам избрание членов администрации и членов третейских, уголовных и кассационных судов.

Статья 10

Он участвует в обсуждении законов.

О первичных собраниях

Статья 11

Первичные собрания составляются из граждан, проживающих в данном кантоне не менее шести месяцев.

Статья 12

Первичные собрания имеют в своем составе не менее 200 и не более 600 голосующих граждан.

Статья 13

Первичные собрания избирают председателя, секретарей и счетчиков.

Статья 14

Первичные собрания сами осуществляют на месте надзор за порядком.

Статья 15

Никто не вправе явиться на первичное собрание при оружии.

Статья 16

Выборы производятся в письменной форме или открытым голосованием по желанию каждого избирателя.

Статья 17

Первичное собрание ни в коем случае не может предписывать всем одинаковый способ голосования.

Статья 18

Счетчики устанавливают результат голосования граждан, не умеющих писать, но предпочитающих голосовать письменно.

Статья 19

Голосование по поводу законов производится путем утверждения либо отрицания.

Статья 20

Воля первичного собрания провозглашается следующим образом: граждане, собравшиеся на первичное собрание от в количестве ... голосующих, голосуют за или против большинством ...

О национальном представительстве

Статья 21

Численность населения является единственной основой национального представительства.

Статья 22

На каждые сорок тысяч жителей избирается один депутат.

Статья 23

От совокупности первичных собраний с населением в 39—41 тысяча человек избирается непосредственно один депутат.

Статья 24

Избрание осуществляется абсолютным большинством голосов.

Статья 25

Каждое собрание производит подсчет голосов и посыпает комиссара для участия в

общем подсчете голосов в пункт, намеченный как центральный.

Статья 26

Если на основании первого подсчета никто не получил абсолютного большинства голосов, то производится вторичное голосование в отношении двух граждан, собравших наибольшее число голосов.

Статья 27

В случае получения одинакового числа голосов преимущество как в отношении баллотировки, так и в отношении избрания отдается старшему по возрасту. В случае одинакового возраста вопрос решается жребием.

Статья 28

Каждый француз, пользующийся правами гражданства, вправе быть избранным на всей территории республики.

Статья 29

Каждый депутат является представителем всей нации.

Статья 30

В случае отказа, отставки, отстранения или смерти депутата о его замещении должны позаботиться избравшие его первичные собрания.

Статья 31

Депутат, подавший в отставку, может покинуть свой пост только после занятия его тем, кто этого депутата заменит.

Статья 32

Французский народ собирается ежегодно 1 мая для производства выборов.

Статья 33

Он приступает к выборам при любом количестве граждан, пользующихся правом голоса.

Статья 34

Чрезвычайные первичные собрания созываются по требованию одной пятой части граждан, пользующихся правом голоса на этих собраниях.

Статья 35

Созыв первичных собраний в таком случае производится муниципалитетом обычного места собраний.

Статья 36

Эти чрезвычайные собрания приступают к обсуждению только в том случае, если на них присутствует больше половины граждан, пользующихся правом голосования.

О выборных собраниях

Статья 37

Граждане, собравшиеся на первичные собрания, избирают выборщика от каждого 200 граждан, независимо от их присутствия или отсутствия на собрании; двух выборщиков от 301—400 граждан; трех — от 501—600 граждан.

Статья 38

Способ ведения выборных собраний, как и характер голосования те же, что на первичных собраниях.

О Законодательном собрании

Статья 39

Законодательное собрание является единственным, неделимым и постоянным.

Статья 40

Его сессия длится один год.

Статья 41

Оно собирается 1 июля.

Статья 42

Национальное собрание не может быть конституировано, если в него не входит, по меньшей мере, на одного депутата больше половины его состава.

Статья 43

Депутаты никогда не могут подвергаться судебному преследованию, обвинению и суду за убеждения, высказанные ими в Законодательном собрании.

Статья 44

За действия уголовного порядка депутаты могут быть задержаны на месте преступления. Однако постановление об их аресте или приводе может быть вынесено только с разрешения Законодательного собрания.

О порядке заседаний Законодательного собрания

Статья 45

Заседания Национального собрания являются публичными.

Статья 46

Протоколы его заседаний печатаются.

Статья 47

Национальное собрание не может приступить к обсуждению, если оно не состоит, по меньшей мере, из 200 членов.

Статья 48

Оно не вправе отказать своим членам в выступлении в том порядке, в каком они просили слова.

Статья 49

Оно выносит решения большинством голосов присутствующих депутатов.

Статья 50

По требованию 50 членов производится поименная перекличка.

Статья 51

Национальное собрание вправе критиковать на своих заседаниях поведение своих членов.

Статья 52

Национальное собрание осуществляет надзор за порядком на месте его заседаний и в им самим установленной близлежащей полосе.

О функциях Законодательного собрания**Статья 53**

Законодательное собрание вырабатывает законы и издает декреты.

Статья 54

Под общим наименованием закона подразумеваются акты Законодательного собрания.

касающиеся: гражданского и уголовного законодательства; общего управления обычными доходами и расходами республики; национальных имуществ; пробы, веса, чеканки и наименования денежных знаков; характера и суммы налогов и способов их взимания; объявления войны; перераспределения французской территории; народного просвещения; общественных почестей, воздаваемых памяти великих людей.

Статья 55

Частным наименованием декрета обозначаются акты Законодательного собрания, касающиеся:

Ежегодного установления размеров сухопутных и морских сил; разрешения или запрещения прохода иностранных войск через французскую территорию; допущения иностранных морских сил в гавани республики; мер охраны всеобщей безопасности и спокойствия; ежегодного и текущего распределения вспомоществования и общественных работ; порядка изготовления всякого рода денежных знаков; непредусмотренных и чрезвычайных расходов; мер частного и местного характера, касающихся отдельной области управления, одной коммуны или одного вида общественных работ; обороны территории; ратификации договоров; назначения и смешения главнокомандующих войсками; осуществления ответственности членов совета и государственных служащих; обвинения лиц,

уличенных в заговорах против общественной безопасности республики; всякого частичного изменения в распределении французской территории; национальных наград.

О выработке закона

Статья 56

Внесению законопроектов предшествует доклад.

Статья 57

Обсуждение законопроекта и временное принятие закона может последовать только через пятнадцать дней после доклада.

Статья 58

Проект закона печатается и рассыпается во все коммуны республики под наименованием — законопроект.

Статья 59

Если через сорок дней после рассылки законопроекта в большинстве департаментов десятая часть первичных собраний каждого из них не выразила против него протеста, то проект утверждается и становится законом.

Статья 60

В случае протеста Законодательное собрание созывает первичные собрания.

О заглавной части законов и декретов

Статья 61

Законы, декреты, приговоры и все государственные акты имеют заголовком:

Именем французского народа ... год Французской республики.

Об Исполнительном совете

Статья 62

Устанавливается Исполнительный совет в составе 24 членов.

Статья 63

Выборное собрание каждого департамента намечает по одному кандидату. Законодательное собрание выбирает членов Совета из общего списка кандидатов.

Статья 64

Половина членов Исполнительного совета возобновляется в период каждого созыва Законодательного собрания в последние месяцы законодательной сессии.

Статья 65

Совету поручается руководство и надзор за общим управлением государством. Он может действовать только во исполнение законов и декретов Законодательного собрания.

Статья 66

Совет назначает главных должностных лиц общего управления республикой; эти должностные лица не могут состоять членами Совета.

Статья 67

Законодательное собрание определяет число и функции своих агентов.

Статья 68

Эти агенты не образуют Совета. Они действуют раздельно, без непосредственной связи между собой, и не пользуются никакой личной властью.

Статья 69

Совет назначает представителей республики в других странах; они не могут состоять членами Совета.

Статья 70

Совет заключает договоры.

Статья 71

В случаях злоупотребления властью членами Совета, Законодательное собрание возбуждает против них обвинение.

Статья 72

Совет несет ответственность за неисполнение законов и декретов, а также за неразоблаченные им злоупотребления.

Статья 73

Совет смещает и заменяет агентов, которых он назначает.

Статья 74

В случаях надобности он обязан возбудить против них обвинение перед органами судебной власти.

О взаимоотношениях Исполнительного совета и Законодательного собрания

Статья 75

Исполнительный совет пребывает при Законодательном собрании. Ему предоставляется право присутствия и особое место на заседаниях Законодательного собрания.

Статья 76

Он заслушивается каждый раз, когда ему надлежит отчитаться.

Статья 77

Законодательное собрание вызывает его на свои заседания в полном составе или частично каждый раз, когда оно считает это необходимым.

Об административных и муниципальных органах власти

Статья 78

В каждой коммуне республики учреждается муниципалитет. В каждом дистрикте —

промежуточный орган власти; в каждом департаменте — центральное управление.

Статья 79

Муниципальные должностные лица избираются на коммунальных собраниях.

Статья 80

Члены администрации выбираются избирательными собраниями департаментов и дистриктов.

Статья 81

Половина членов муниципалитетов, департаментских и окружных органов власти ежегодно обновляется.

Статья 82

Члены департаментских, окружных и муниципальных органов власти не являются выборными лицами. Они ни в коем случае не могут вносить изменения в акты Законодательного собрания или приостанавливать их исполнение.

Статья 83

Законодательное собрание определяет функции муниципальных, департаментских и окружных властей, порядок их соподчинения и кары, которым они подлежат.

Статья 84

Заседания муниципальных, окружных и департаментских органов власти происходят публично.

О гражданском судопроизводстве

Статья 85

Гражданский и уголовный кодекс законов являются едиными для всей республики.

Статья 86

Не должно существовать никакого нарушения права граждан разрешать возникающие между ними споры при помощи избираемых ими третейских судей.

Статья 87

Решение таких третейских судей является окончательным, если граждане не оговорили за собою права их опротестования.

Статья 88

Учреждается должность мировых судей, избираемых гражданами округов, устанавливаемых законом.

Статья 89

Они примиряют и судят без судебных издержек.

Статья 90

Их число и компетенция определяются Законодательным собранием.

Статья 91

Учреждается должность общественных арбитров, избираемых выборными собраниями.

Статья 92

Их число и компетенция устанавливаются Законодательным собранием.

Статья 93

Их ведению подлежат спорные вопросы, которые не решены окончательно частными третейскими судьями или мировыми судьями.

Статья 94

Они обсуждают вопросы публично. Они высказывают свое мнение во всеуслышание. Они выносят окончательное решение после устной защиты без делопроизводства, без судебной процедуры и судебных издержек. Они мотивируют свои решения.

Статья 95

Мировые судьи и общественные арбитры избираются ежегодно.

Об уголовном судопроизводстве**Статья 96**

Ни один гражданин не может быть осужден за уголовное преступление иначе как на основании обвинения, поступившего к присяжным судьям либо в Законодательное собрание. Обвиняемые имеют защитников

по их собственному выбору или по назначению. Судебное следствие производится гласно. Факт преступления и его преднамеренность устанавливаются судом присяжных.

Мера наказания налагается уголовным трибуналом.

Статья 97

Судьи по уголовным делам выбираются ежегодно избирательными собраниями.

О кассационном трибунале

Статья 98

Для всей республики учреждается кассационный трибунал.

Статья 99

Этот трибунал не рассматривает дела по существу. Он выносит определения по поводу нарушения форм закона и в случае явных противоречий закону.

Статья 100

Члены этого трибунала выбираются ежегодно избирательными собраниями.

О государственных налогах

Статья 101

Ни один гражданин не освобождается от почетной обязанности участвовать внесении государственных расходов.

О государственном казначействе

Статья 102

Государственное казначейство является центральным пунктом доходов и расходов республики.

Статья 103

Во главе его стоят подотчетные агенты, назначаемые Исполнительным советом.

Статья 104

Эти агенты находятся под надзором комиссаров, назначаемых Законодательным собранием. Комиссары не могут состоять членами Законодательного собрания; они несут ответственность за неразоблаченные ими злоупотребления.

Об отчетности

Статья 105

Отчеты агентов государственного казначейства и администраторов государственных финансовых учреждений представляются ежегодно ответственным за них комиссарам, назначаемым Исполнительным советом.

Статья 106

Эти контролеры находятся под надзором комиссаров, назначаемых Законодательным собранием; последние не могут состоять членами Законодательного собрания; они несут

ответственность за неразоблаченные ими злоупотребления и ошибки. Отчеты утверждаются Законодательным собранием.

О вооруженных силах республики

Статья 107

Вооруженной силой республики является весь народ.

Статья 108

Республика содержит и в мирное время на свой счет сухопутную и морскую армии.

Статья 109

Все французы являются солдатами; они обучаются обращению с оружием.

Статья 110

Должность генералиссимуса упраздняется.

Статья 111

Различия в чинах, их отличительные знаки и субординация сохраняют значение только на время службы.

Статья 112

Вооруженные силы, используемые для поддержания порядка и спокойствия внутри страны, действуют только по письменному требованию установленных властей.

Статья 113

Вооруженные силы, используемые против внешних врагов, действуют по приказу Исполнительного совета.

Статья 114

Ни одна воинская часть не может принимать участия в обсуждении законов.

О национальных конвентах**Статья 115**

Если в большинстве департаментов десятая часть законно созданных первичных собраний каждого из них потребует пересмотра конституционного акта или изменения некоторых его статей, то Законодательное собрание обязано созвать все первичные собрания республики с целью выяснения вопроса о необходимости созыва Национального конвента.

Статья 116

Национальный конвент создается тем же путем, что и законодательные собрания, и объединяет в себе присущие им полномочия.

Статья 117

При пересмотре конституции Национальный конвент занимается только теми вопросами, которые служили основанием для его созыва.

*О сношениях Французской республики
с другими нациями*

Статья 118

Французский народ является другом и естественным союзником свободных народов.

Статья 119

Французский народ не вмешивается во внутренние дела других народов. Он не потерпит, чтобы и другие народы вмешивались в его дела.

Статья 120

Французский народ предоставляет убежище иностранцам, изгнанным из их отечества за дело свободы; он отказывает в нем тиранам.

Статья 121

Французский народ не заключает мира с неприятелем, оккупировавшим его территорию.

О гарантии прав

Статья 122

Конституция гарантирует всем французам равенство, безопасность, собственность, уплату государственного долга, свободу вероисповедания, всеобщее обучение, социальное обеспечение, неограниченную свободу печати, право петиций, право объединяться в народ-

ные общества, пользование всеми правами человека.

Статья 123

Французская республика воздает дань уважения честности, храбрости, преклонному возрасту, почитанию родителей, несчастью. Она вручает охрану конституции попечению всех добродетелей.

Статья 124

Декларация прав и конституционный акт должны быть выгравированы на скрижалах в здании Законодательного собрания и на общественных площадях.

Подписи: Колло д'Эрбуа, председатель
 Дюран-Майян
 Люко
 Меоль
 Ш. Делакруа
 Госюэн
 П. А. Лалуа, секретарь.

Второй документ

ПРАВДА НАРОДУ, ВЫСКАЗАННАЯ
 ПАТРИОТАМИ 89 ГОДА, ЛЮДЬМИ
 14 ИЮЛЯ, 10 АВГУСТА И 13 ВАНДЕМЬЕРА

О ты, народ, которого осыпают ласками или угрозами, возвеличивают или унижают,

в зависимости от честолюбивых замыслов людей, говорящих о твоих правах только для того, чтобы их попирать, о твоем суверенитете, чтобы узурпировать его, выслушай великие истины; узнай причину всех бедствий, которые тебя заставили претерпеть со времени термидора II года до вандемьера IV года.

Несколько злоупотреблений, несколько актов произвола, неизбежно сопутствующих всякой великой революции, наложили какие-то пятна на великие и славные события, порожденные первыми годами республики. Исправить эти злоупотребления, положить конец всякому временному правлению, дать народу конституцию, которая гарантировала бы ему его права и его суверенитет, вырвать власть из рук людей, которые ею злоупотребляют, лишить тиранию всякой надежды снова поднять свою гнусную голову — вот что должна была совершить революция термидора, если бы она подготовлялась в интересах народа, в интересах всеобщего счастья. Но она имела пагубные последствия, ибо являлась творением порока, раздоров, ненависти, честолюбия и мести; она обратила все к выгоде роялистов; она кончила тем, что погубила безупречных и мужественных республиканцев и даже людей, которые были использованы ею для этой цели. С тех пор клевета стала изливать свой яд; всякий патриот, всякий друг народа, всякий основатель свободы обзывался мошенником, злон-

деем, террористом, кровопийцей. Эти клички стали синонимами республиканцев; этому вторили продажные газеты; развращенные ораторы оскверняли этими кличками трибуну сената. С этого времени организовали голод, убийство, обесценение ассигнаций, скопку товаров; на народ, совершивший революцию, отныне стали смотреть лишь как на толпу, готовую склонять голову перед золотым тельцом, выдававшим себя за единственного суверена; сокрушились об участии контрреволюционеров, называвших себя жертвами террора; перед ними раскрылись двери тюрем, очень быстро заполнившихся республиканцами, именовавшимися террористами; республиканцев изгнали со всех гражданских и военных постов, доверив эти посты возвращенным эмигрантам, дворянству, неприсягнувшим священикам, превратившимся вдруг в отличных патриотов. Наши армии очень скоро были дезорганизованы, вспыхнули изменения; наши арсеналы, незадолго до того переполненные, оказались опустошенными, наши суда разбитыми, преданными неприятелю, наш флот уничтоженным. Надо было отстранить людей и учинить над ними полицейский надзор, надо было подавить протесты (неотъемлемое право всякого свободного народа). Вот почему новые тираны поспешили уничтожить народные общества, явившиеся передовыми стражами революции, грозой для Питтов и Кобургов, ибо они служили очагами общественного просвеще-

ния, откуда расходились искры, воспламенившие все сердца и поддерживавшие энтузиазм свободы; ибо они воздвигали мощную плотину против честолюбия и интриги; ибо все они в равной мере являлись маяками, предупреждавшими кормчих о подводных камнях, о которые может разбиться корабль свободы.

К каким только средствам ни прибегали для того, чтобы осуществить и упрочить контрреволюцию! Какие губительные для свободы декреты были вырваны у Конвента сообщниками иностранцев! Сколько было возвратившихся эмигрантов, значившихся земледельцами и рабочими! Скольким не-присягнувшим священникам дана была возможность беспрепятственно сеять фанатизм! Имущество осужденных роялистов, дававшее солидную гарантию ассигнациям, было возвращено их родственникам, столь же преступным, как и они сами. Это привело к расстройству общественного кредита. Мятежным шуанам и вандейцам была предложена амнистия, от которой те отказались, желая вести переговоры как равные с равными. О верх злодеяния! О позор нашего отечества! Вести переговоры о мире с Шареттом, Стоффле, Комартэном, Салино и со всеми главарями взбунтовавшихся разбойников!⁸⁶ Позволить им вооружиться! Платить им за то, что они растерзали отечество, загубили тысячи республиканцев, и по секретному соглашению обещать им восстанови-

ление алтаря и трона! Уполномоченные народа, заключающие столь позорный договор, который запятнает анналы истории, и французский сенат, ратифицирующий позор первой в мире нации! О грядущие поколения, вы не поверите этому! Ты сам не поверил бы этому, французский народ, если бы не был тому свидетелем. И это после двух лет блестящих успехов твои уполномоченные заключают позорящее тебя соглашение и облекают в траур твои трофеи! Именно в момент, когда твои увенчанные лаврами войска насаждают древо свободы по ту сторону Рейна, на вершинах Альп и Пиренеев, в глубине батавских болот,— от твоего имени ратифицируются позорные договоры с деспотами Берлина и Мадрида, над которыми мы одержали победу и которые, не будь термидорианской реакции, пришли бы вместе со своими союзниками просить мира на условиях, какие тебе угодно было бы им предписать!⁸⁷

Не станем, однако, удивляться тому, что правительственные комитеты превратились в шкатулку Пандоры; в них заседали Роверы, Буасси, Саладэны, Ломоны, Оги, Ляривьеры, Лянжинэ, Дюмоны⁸⁸ и им подобные вполне выраженные роялисты, которые только удушением свободы, новым закабалением народа и массовым избиением наиболее убежденных республиканцев могли отблагодарить тиранов, которым они служили.

Однако кровь все еще недостаточно обильно лилась на эшафотах; тогда во всех концах

республики были организованы орды убийц под названием обществ Иисуса и Солнца. Послали разных Буасси в Лион и в Бург; Кадруа, Шамбонов, Мариетов, Инаров в Экс и в Марсель;⁸⁹ и именно по их преступному призыву было поставлено в порядок дня избиение патриотов на всем юге. Под их знаменами выступают убийцы, врываясь в тюрьмы, убивая всех патриотов, какие только там находятся, и выходя оттуда в залитой кровью одежду; они нарушают неприкосновенность жилища, оббегают улицы, рубят саблями всех, кто, по их сведениям, высказывался за свободу; ребенка убивают на руках у матери, мужа в объятиях жены, старика на глазах у сына; и воды Роны, неся трупы, сливаются с волнами Средиземного моря, уже окрашенными кровью республиканцев. Все эти ужасающие сцены продолжаются на глазах у людей-тигров, называющих себя уполномоченными народа! А Конвент, пребывающий под пятой людей, продавшихся за золото иностранцам, отданный во власть проституированных женщин, в продолжение десяти месяцев оставляет Францию в трауре и резне! И он не мог отдать приказ о наказании хотя бы одного убийцы! Ровер имел бесстыдство называть эти убийства осуществлением народного правосудия.

Но недостаточно было оставить убийц безнаказанными, развратить общественное сознание, ослабить энергию, подавить энтузиазм свободы, заменить гимны, ведшие наших

воинов к победе, человекоубийственными песнями, провоцировавшими избиение патриотов. Надо было довести народ до отчаяния, выдавая ему только две унции скверного хлеба; в то же время Буасси с трибуны Конвента выступил со смехотворным заявлением о том, что снабжение продовольствием обеспечено.

Да, несомненно, продовольствия было достаточно у объедавшихся богачей, в то время как народ не имел ничего и умирал от истощения!

О французский народ, в чьих руках твоя участь! Люди, которые тебя морили голодом, предали, разорили и подвергали избиениям, до сих пор заседают в твоем сенате, и на твоих глазах из него изгоняются, подвергаются преследованиям и посылаются на эшафот люди, желавшие воспротивиться стольким антинародным декретам, вырванным вероломными роялистами у Конвента, который никогда не был более прижат, чем во время термидорианской реакции. Да, тебе пришлось увидеть их, эти дни траура и злодейства, эти роковые дни жерминаля и прериля, когда с тобой обошли как с мятежником за то, что ты пришел к решетке Конвента, за которой сидели твои уполномоченные, чтобы просить хлеба и конституции, свободно, торжественно и единодушно принятой тобою.

Вы помните, мужественные жители предместий, как вас разогнали, как по приказу

ваших правителей вас преследовала банда золотой молодежи, как вы были осаждены в собственных домах, обезоружены, заключены в тюрьмы, как наиболее энергичных ваших братьев судили военным судом и повели на тот самый эшафот, на котором пролилась кровь единственных депутатов, имевших мужество возвысить голос в сенате, чтобы поддержать ваши справедливые требования!. Вы поклялись, доблестные Гужон, Ромм, Дюруа, Субрани, Бурбонн, Дюкенуа, отстаивать интересы народа, умереть за него и во имя свободы; вы сдержали вашу клятву: ваша благородная самоотверженность заставила побледнеть ваших палачей. Она послужила делу народа; она запечатлена в сердцах республиканцев; она станет достижением грядущих поколений и будет поставлена рядом с самоотверженностью Гракхов, Куртов и Регулов. Французский народ, ты будешь вспоминать об этих страшных днях лишь для того, чтобы предать гнусных виновников этих дней проклятию настоящих и будущих поколений. Ты не сможешь забыть того, что в продолжение пятнадцати месяцев, следовавших за термидором II года, правители подвергали тебя всевозможным притеснениям, всевозможным бедствиям, которые никогда не выпадали на долю рабов во времена римского патрициата, на долю крепостных под игом польских вельмож и даже на долю несчастных, которых делают

предметом позорной торговли на побережьях Африки.

Подлые! Они вопили о терроре, существовавшем лишь против преступления. Они же осуществляли жестокий террор против добродетели и республиканизма!. Злодеи! Они заявляли, будто сразили тиранию децемвиров, а между тем никогда еще тирания не тяготела над тобой, народ, в большей мере, чем тирания, которую они сами осуществляли в продолжение пятнадцати месяцев... Лжецы! Они сваливали на людей, которых не было более в живых и о которых будет судить потомство, все бедствия, которым они сами подвергли тебя. Будучи неспособны продолжать великие дела людей, место которых они заняли, они все запутали и дезорганизовали. Они хотели заставить тебя сожалеть о монархическом режиме. Однако западня была слишком грубо задумана: ты оказался способен гораздо лучше судить о них, как и о событиях; тебе было хорошо известно, что поразившая тебя нищета была делом рук не твоих друзей, а тех, кто стоял у власти; ты был убежден, что в первые два года республики твои права уважались, твоих врагов подавляли, ремесла и искусства поощрялись, твои арсеналы были полны, твои суды хорошо снабжены, твои флаги развевались на всех морях, четырнадцать твоих армий всюду побеждали, Вандея была сломлена, твои внешние враги обращены в бегство; деспоты на их шатающихся тронах повержены в ужас,

готовые пасть к твоим ногам; курс ассигнаций упрочен; алчность фермеров и спекулянтов обуздана; твои рынки снабжены продовольствием; наградой за бесчисленные жертвы, принесенные тобою во имя завоевания свободы, становилось изобилие.

Что произошло на твоих глазах вслед за столькими преимуществами? Какое душераздирающее зрелище предстало перед тобой во время термидорианской реакции! Твоих прав не признавали — они были попраны; твои друзья, защитники, братья оклеветаны, подвергены гонениям, заключены в тюрьмы, убиты; самый необузданный ажиотаж, который несет с собой смерть республикам, занял место торговли, несущей им жизнь; твой флот разбит, предан, отдан в руки англичан; твои склады, арсеналы опустошены; Вандея и шуаны вновь стянули свои силы; энтузиазм республиканских солдат парализован; храбрецы, ведшие их к победе, изгнаны и заменены дворянами, эмигрантами, роялистами. На твоих глазах 30 миллиардов ассигнаций были растрачены за десять месяцев; богатый собственник, крупный торговец, биржевик, скопщик сдирали с тебя шкуру, пили твою кровь каплю за каплей. Ты испытывал голод среди изобилия, крайнюю нужду рядом с самой бесчестной роскошью; ты видел, как была утрачена общественная мораль, как предписывалось и оставалось безнаказанным убийство, как преступление одерживало победу над добродетелью, как была уничтожена

жена демократия, как были восстановлены ступени трона, и новый Тарквиний готов был на них взойти. Ты видел, наконец, как гибла свобода без храбрости этих мужественных республиканцев, столь оклеветанных и преследуемых, которые не допустили разгрома Национального конвента и в памятные дни 12, 13 и 14 вандемьера спасли республику.

Однако эти дни не привели к решающим для торжества демократии результатам, ибо заговорщики не были наказаны, ибо они продолжают осуществлять свою систему убийств, биржевого ажиотажа, скупки, снижения курса бумажных денег и находяг покровителей в самом сенате. Но эти памятные дни не пропали даром для тебя, французский народ, ибо власть была вырвана из порочных рук, совершивших всевозможные преступления, ибо они вернули к семьям республиканцев, которые спаслись от эшафота и от кинжалов роялистских банд; ибо эти дни ведут к созданию государства, управление которым будет доверено незапятнанным людям, безупречным республиканцам, потрудившимся для всеобщего блага; они сделают еще больше, если будут облечены доверием патриотов, которые не умеют поступать против принципов; если они безжалостно нанесут удар роялистам, эмигрантам, неприсягнувшим священникам, не прекращающим заговоры против республиканского правительства; если они примут

энергичные меры для снабжения рынков провиантом, для снижения цен на съестные припасы и если они оставят на местах только безупречных, энергичных, просвещенных республиканцев, которые погибнут вместе с ними в случае, если осуществляется контрреволюция.

Благородный народ, твое спасение — в твоей величественной твердости по отношению к твоим угнетателям; не пренебрегай тем, чтобы установить надзор за ними. Бедствия, которые они неустанно взваливали на твоих защитников, достаточно познакомили тебя с ними, для того чтобы отныне тебя не могли вводить в заблуждение их лицемерные гражданские добродетели. Займи свое величавое положение, вооружись своим гневным мщением, раздави им современных Титанов, осмеливающихся покуситься на твой суверенитет. Помни о твоих победах, и если тебе предстоят еще опасности, которых ты должен избегнуть, то тебя ждут также и победы!

Третий документ

ВОИН, ОСТАНОВИСЬ И ПРОЧТИ⁹⁰

Предательское, порочное правительство, роскошь которого является надругательством над нищетой народа, сбросило, наконец, ма-

ску и, атакуя в лоб свободу, осмелилось дерзостно закрыть и бесстыдно оклеветать сорбрания патриотов. Именно здесь, в этих сорбраниях, полные репинности люди 14 июля, 10 августа, 13 вандемьера стояли на страже прав народа и, едва избежав Бастилии и меча роялистов, снова посвятили себя революции. Они разоблачали столь чрезмерное количество возвращенных эмигрантов, что перечень исключенных из списков превышает тот список, в котором эмигранты предавались презрению людей и мщению законов! Собрания патриотов во всеуслышание требовали для ваших семейств помо~~щи~~, столь справедливо гарантированной им законом и, наконец, для вас — имущества, которым отчество обязано вам за кровь, пролитую вами во имя него в борьбе против королей, и которое справедливо гарантировало вам со всей торжественностью такое множество декретов. Исполнительная директория сама поощряла сначала эти собрания, словно неправой, основанной на произволе власти могла нравиться публичность, очевидность и правдивость. Доверчивые и добросовестные патриоты массами устремились в эти собрания. Западня была ловко припрятана, они попались в нее: преданность и добросовестность мало размышляют. Патриоты в этом не раскаиваются — они действовали как свободные люди. Напрасно их обзывают анархистами. Более справедливая, даже в наши дни, Европа различает по этому наименованию друзей ра-

венства; честные люди грядущих поколений подтверждают это суждение.

Откуда проистекает, однако, дерзость нескольких человек, облеченных преходящей властью! Граждане воины! Надежды на успех своих преступлений они основывают на вашем мужестве. Они заявляют во всеуслышание: наши воины стоят за нас... Вы их воины!!!.. Победители тиранов станут поддерживать тиранию!!!.. Выходите из заблуждения... тираны-развратители! Вы хотели бы посредством изысканной одежды, исключительных щедрот, посредством водки и вина обманым путем завербовать сторонников и ввести в заблуждение общественное мнение относительно наших братьев, сердца которых отнюдь не изменили родине и покорны ее голосу. Разве могут вам удастся те же средства, которые раскрыли преступление Капета и погубили этого тирана? Нет! Граждане воины! Вы не станете стрелять в ваших братьев, как вы сделали это в жерминale и прериале... Ваши выстрелы не удастся направить по ложному пути! Направьте их на тиранию — эта славная победа все еще за вами. Подобно грекам Азии, вовлеченным в армию Ксеркса, вы услышите призыв нашего общего отечества! Вы прочтете эти строки, которые ваши братья начертали на вашем пути! И если настанет, наконец, день справедливого мщения, то вы узнаете, кто всё еще сопротивляется вашему возвращению к домашнему очагу, где вы вместе с

нами заложите основу равенства и всеобщего счастья!

Четвертый документ

РАВЕНСТВО. СВОБОДА. ВСЕОБЩЕЕ СЧАСТЬЕ

ОБРАЗОВАНИЕ ПОВСТАНЧЕСКОЙ ДИРЕКТОРИИ⁹¹

Французские демократы, исполненные скорби, глубокого негодования и справедливого возмущения по поводу неслыханной нищеты и гнета, зрелище которых является собой их несчастная родина;

проникнутые воспоминанием о том, что когда народом была принята дарованная ему демократическая конституция, то охрана ее была поручена надзору всех добродетелей;

принимая во внимание, что, следовательно, лишь безукоризненно добродетельным и мужественным людям принадлежит инициатива мщения за народ, когда его права, как это происходит теперь, узурпированы, его свобода отнята и самое его существование подвержено опасности;

признавая, что обвинение в трусости, предъявляемое народу, есть несправедливый упрек и что народ откладывал до сих пор осуществление правосудия только за не-

достатком хороших руководителей, готовых встать во главе его;

признавая, что превышающие всякую меру преступления узурпаторской власти способствовали тому, что во всех сердцах настолько созрела готовность к революционному взрыву, что в интересах его плодотворности, в интересах обеспечения его успеха необходимо, быть может, скорее умерить, нежели усилить порыв свободолюбивых людей,—
приняли следующее решение:

Статья 1

С настоящего момента они организуются в повстанческую дирекцию под названием Тайная дирекция общественного спасения. В качестве членов повстанческой дирекции они берут на себя инициативу всех движений, которые должны привести народ к новому завоеванию им своего суверенитета.

Статья 2

Дирекция состоит из четырех членов.

Статья 3

Дирекция должна быть тайной; имена ее членов останутся неизвестными даже главным ее агентам. Для поддержания связи между этими главными агентами и членами Дирекции будут существовать агенты-посредники.

Статья 4

Тайная дирекция общественного спасения берет на себя выполнение многочислен-

ных обязанностей, налагаемых на нее этим великим званием.

Статья 5

К письменным инструкциям, которыми необходимо будет снабжать главных агентов, будет прилагаться опознавательная печать, и эта печать будет служить для них предостережением против всяких неожиданностей, связанных с ложными инструкциями; несмотря на отсутствие подписей, она будет служить им гарантией подлинности документов, которые они будут получать от Тайной дирекции.

Пятый документ

**УСТАНОВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТИ ГЛАВНЫХ АГЕНТОВ И АГЕНТОВ-ПОСРЕДНИКОВ.
ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ ТЕХ И ДРУГИХ⁹²**

Тайная дирекция общественного спасения постановила:

Статья 1

Будут назначены двенадцать главных революционных агентов, по одному на каждый округ парижской коммуны.

Статья 2

На каждого из этих агентов возлагается организация в своем округе одного или не-

скольких собраний патриотов; они должны давать на них пищу и направление общественному сознанию путем чтения популярных газет, как и путем дискуссий о правах народа и о его нынешнем положении.

Статья 3

Эти агенты будут ежедневно вести записи о состоянии общественного мнения. В записях они будут давать отчеты о более или менее благоприятных настроениях патриотов; будут указывать лиц, наиболее способных, по их наблюдениям, содействовать движению, которым надлежит руководить; будут указывать характер использования этих лиц или революционную задачу, которую, по их мнению, каждый из этих лиц способен выполнить. Они будут также указывать интриганов, лицеерных людей, которые попытаются проникнуть на собрания; будут давать отчеты о препятствиях, чинимых этими людьми активности, внушению добрых принципов и возрождающих идей.

Статья 4

Для поддержания связи между главными агентами и Тайной директорией будут существовать агенты-посредники.

Статья 5

Двенадцать главных агентов будут вручать одним лишь этим агентам записи их ежедневных наблюдений.

Статья 6

Агенты-посредники будут ежедневно или раз в два дня приходить за этими записями поодиночке на квартиру каждого из главных агентов.

Статья 7

Настоящая организация вместе с организацией Тайной директории, как и нижеследующая инструкция, должны быть вручены каждому из главных агентов.

Шестой документ

ПЕРВАЯ ИНСТРУКЦИЯ ТАЙНОЙ ДИРЕКТОРИИ КАЖДОМУ ИЗ ГЛАВНЫХ РЕВОЛЮЦИОННЫХ АГЕНТОВ .

Граждане, времена кризисов не походят на обычные времена. Когда народ пользуется своими правами, когда торжествуют принципы свободы, никто не властен над другими людьми без их согласия; никто не вправе предпринимать что бы то ни было, касающееся общего интереса, не спросившись всего народа и не получив его согласия. Разумеется, тогда господствует наилучший порядок, а наилучший порядок упрочивается лишь путем строгого соблюдения принципов. Тот, кто при таком положении присвоил бы себе титул, чтобы во что бы то ни стало вы-

ступить в качестве должностного лица под предлогом того, что он желает улучшить положение своих сограждан, явился бы узурпатором, даже если предположить, что в конечном счете его намерения были самые честные. Другой весьма веский довод в этом отношении состоит в том, что когда народ пользуется свободой и его можно опросить, то нельзя полагать, что другие лучше его способны судить о том, что для него хорошо и выгодно.

Иначе обстоит дело, когда народ порабощен, когда тирания лишила его возможности изъявить свою волю по поводу всего, что его интересует; когда в силу более веских доводов для него стало невозможным предписывать репрессивные меры против его тиранов, вырвать из их рук узурпированную ими власть, которой они пользуются для того, чтобы заставить его страдать и томиться, все более поработить его — до неподдающихся учету размеров.

В таком случае справедливо и необходимо, чтобы наиболее отважные, наиболее способные на самопожертвование люди, считающие себя наделенными высокой энергией, пылом и силой — благородными качествами, охране которых была поручена народная конституция, которую все поистине свободолюбивые французы никогда не забывали; справедливо и необходимо, чтобы эти французы, убежденные, к тому же, что внушение их собственного

сердца или самой свободы, голос которой сильнее и явственнее к ним доносится, дает им право предпринимать все; справедливо и необходимо, чтобы сами они облекли себя диктатурой в восстании, чтобы они взяли на себя инициативу, возложили на себя славное звание заговорщиков во имя свободы и выступили официальными лицами, спасителями своих сограждан.

Таковы мотивы, которые — как нам казалось — оправдывали наше решение и придавали ему величественный и благородный характер. Признав, таким образом, что взятая нами на себя миссия в высшей степени законна, ибо обстоятельства, делающие эту миссию необходимой для спасения свободы, не позволяют, чтобы ее возложил на нас суверенный народ, мы, кроме того, постигли следующую вдохновляющую истину: что обвинение в трусости, предъявляемое народу, — сущее богохульство и что в том, какое нетерпение он проявляет к свержению поистине ненавистного ига, нетрудно усмотреть, что если он до настоящего времени ничего не делал, чтобы это иго сломить, то единственной причиной этого было сознание, что у него нет руководителей; мы отметили также, что он с великим сожалением отодвигает день наказания за преступления, во множестве совершаемые против него. Все предвещало нам, что он оказался бы способным действовать, если бы увидел во главе себя

руководителей, достойных его полного доверия.

Воодушевленные такими настроениями, мы тотчас пришли к необходимости обратить взор на людей, способных помочь нам в этом славнейшем начинании. На вас, гражданине, ввиду вашего последовательного республиканского поведения, многочисленных актов безупречной преданности отечеству на протяжении всей революции, ужасных испытаний в дни преследований всех тех, кто являлся патриотом и добродетельным человеком, на вас остановили свой взор люди, выступившие первыми мстителями за отечество, которое предали — чтобы облечь вас своим главным доверием и возложить на вас первые и главные операции.

Та часть сокровенного, которую вам сообщает Тайная дирекция общественного спасения, весьма ценна и важна. Сохранение ее в тайне требует большой скромности, осторожности, активности и любви ко всеобщему благу; оно требует всех человеческих добродетелей, которые Дирекция в вас предполагает.

Свою основную организацию, как и организацию ее взаимоотношений с вами, Тайная дирекция взвесила на весах благоразумия и осмотрительности.

Она сочла необходимым установить двенадцать муниципальных агентов в двенадцати округах парижской коммуны, при этом она таким образом скомбинировала способы

их связи с нею, что общение будет почти непосредственным, с тем, однако, что ни один из двенадцати главных агентов не сможет узнать, кто входит в состав Директории. Смысъ такой предосторожности легко понять. Каждому было ясно, что самая важная часть тайны предполагаемого восстания, часть, от которой зависит успех всех операций, заключается не столько в том, чтобы существовал повстанческий комитет, сколько в осведомленности о людях, его составляющих. В самом деле, если тиария и узнает о существовании такого комитета, то пока его члены останутся неизвестными, никакого вреда для них отсюда проистечь не может; точно так же и для отечества не может проистечь отсюда никакого вреда, разве только то, что деспотизм будет предупрежден о необходимости быть настороже; а он давно уже держится настороже, ибо ему давно уже известно, что его преступления неизбежно должны побудить всех безупречных людей вступить в заговор против него. Таким образом от разглашения существования революционного комитета не будет большой опасности, и мы рассмотрим ниже, не разумно ли будет даже, чтобы в известный период выплыло наружу полу-признание в этом, с тем, чтобы подбодрить неимущее большинство, которое нетерпеливо ждет случая и момента избавления от гнета. С раскрытием же главных участников заговора будет потеряно все: вместе с их гибелью будет уничтожена комбинация развет-

влений, исходящих из одного центра. Другим несомненным и пагубным последствием этого явится замешательство и ужас, которыми будут охвачены самые отважные граждане.

Таковы, республиканцы, мотивы, побудившие Директорию общественного спасения, несмотря на испытываемое ею величайшее доверие к вам,— поскольку она избрала вас своим главными и первыми агентами,— скрыть даже от вас, кто именно является ее членами. Опасность от неосторожности или нерешительности, как и опасность, происходящая из человеческой слабости, весьма часто несущей, как бремя, тяжесть большого секрета и словно находящей себе облегчение когда она сбрасывает ее с себя в дружеском кругу, либо в кругу, принимаемом за таковой,— все это было также принято во внимание Тайной дирекции, которая не хотела отдать спасение отечества на произвол таких возможностей. Кроме того, в отношении належности крайне трудно быть уверенным в одинаковой ее непоколебимости у двенадцати лиц, назначаемых хранителями в высшей степени важных вещей. Тайная дирекция считала, что ей безусловно удастся внушить вам самим необходимость этого полного доверия, которого требует благо предпринятого дела, того доверия, которым вы, со своей стороны, облекли ее. Каким образом рассчитывала она на это? Путем убеждения в том, что в смелости, преданности, в запасе добродетелей,

которым необходимо обладать, чтобы принять такое дело, вы усмотрите мотивы для оказания ей этого доверия.

Она считала также, что другой гарантией явится для вас ее правдивость и чистосердечие, подражать которым недоброжелателям не всегда полностью удается, и что вы обнаружите это во всех ее действиях.

Вооружаясь всеми предосторожностями, способными сделать нас неуловимыми и исключающими возможность расстройства наших мероприятий, мы вместе с тем хотели предохранить вас от неожиданностей и дать вам возможность по особой печати на наших актах всегда распознавать их подлинность, хотя на них и не будет подписей.

Тайная директория довела предусмотрительность до того, что изолировала друг от друга двенадцать главных агентов. Все они будут получать одинаковые инструкции, всем им будет поручаться одно и то же дело, все они будут содействовать одной и той же цели, и вместе с тем они не будут знать друг друга. Мы считали, что это взаимное знакомство отнюдь не является необходимым. Ничего хорошего не может произойти из этого, поскольку достаточно, как это очевидно, чтобы каждый из агентов получал без промедления от Тайной директории указания к действию, и поскольку неоспоримо также то, что успех зависит лишь от чрезвычайно пунктуального исполнения. Сговор же между

двенадцатью агентами сможет привести лишь к помехам, запозданиям либо изменениям, которые, возможно, ускользнут от взора и расчетов регулирующей Директории. Отсюда может проистечь величайшее зло, ибо в случае, который, несомненно, должен быть весьма далек от нашего подозрения, если судить по той тщательности, с которой мы отбирали главных агентов (однако, когда дело идет о таких серьезных вещах, надо всего опасаться, рассчитывать на худший случай и все заранее предотвратить), — может — заявляем мы — произойти величайшее зло от взаимного знакомства, от взаимного общения главных агентов Тайной директории. В том несчастнейшем случае, когда один из них проговорится либо совершил измену, он может погубить всех своих коллег; в случае же, если он незнаком с другими агентами, повстанцы могут потерять вследствие его неловкости или вероломства лишь его одного; он не может ни вовлечь никого в свою измену, ни расстроить предпринятое дело и подвергнуть опасности участь свободы.

Такие же предосторожности об изоляции предприняты и в отношении агентов-посредников, при выборе которых была соблюдена такая же тщательность. Но независимо от такого внимания всё в отношении их устроено еще таким образом, что каждый из них может скомпрометировать только самого себя или лишить всю группу заговорщиков только его собственной персоны; ему к тому

же будет неизвестна ни положительная роль, которую ему предстоит играть, ни роль главного агента, к которому он ближе всего стоит и одним из средств общения которого с Тайной директорией он является. Он по необходимости будет приходить к выводу, что его используют для совершенно иной цели. Свои пакеты с корреспонденцией он будет передавать не непосредственно Тайной директории, и все это будет доставляться Директории без необходимости доверить это дело какому бы то ни было посреднику. Таким образом, главным агентам нечего будет опасаться, что их предадут их коллеги или агенты-посредники, ибо и те и другие не будут осведомлены о том, кем они в действительности являются. Главных агентов будут знать только четверо членов Тайной дирекции. И уж к тому, что от них исходит, эти агенты не должны, конечно, относиться подозрительно.

Вообще, поскольку Тайная директория приняла великую систему, заключающуюся в том, чтобы всех изолировать, обрезать всякие связи, она всю свою организацию подчинит этому распорядку — таким образом, что каждое лицо, используемое ею через посредника или непосредственно, никого не сможет выдать и что утрата этого лица лишит революционеров лишь его одного. Такой план, согласно которому каждому придется опираться исключительно самого себя, вы-

работан для успокоения всех тех, кто будет содействовать его успеху.

Что касается предосторожностей в отношении вас самих, постоянно диктуемых нам крайней осмотрительностью, для того чтобы не быть обманутыми некоторыми вашими доносениями и сведениями, то это уж касается нас. Мы не требуем и не устанавливаем особых знаков или подписей, чтобы гарантировать подлинность этих донесений; но мы уверены, что различим их подлинность по несомненным признакам и доказательствам.

После того как мы рассказали вам, граждане, о том, что оправдывает, как нам казалось, предпринятое нами дело, как и о том, что должно успокоить в отдельности каждого из вас, содействующего ему, следует начертать перед вами, что именно, по мнению Директории, в эти первые моменты вам надлежит делать.

На это вам указывают статьи II и III организационного устава, предназначенные наим для вас и предшествующие данной инструкции:

«Организовать в вашем округе одно или несколько собраний патриотов; давать на них пищу и направление общественному сознанию путем чтения популярных газет, как и путем дискуссий о правах народа и о его настоящем положении.

Вести ежедневные записи о состоянии общественного мнения; в этих записях давать отчет о более или менее благоприятных, более

или менее энергичных настроениях патриотов; указывать лиц, отмеченных вами как наиболее способных содействовать движению, которое предстоит повести; указывать характер их использования или революционную задачу, для выполнения которой вы считаете каждого из них пригодным; указывать интриганов, лицемерных людей, которые попытаются проникнуть на эти собрания; давать также отчеты о препятствиях и противодействиях, чинимых этими лицами развитию активности, внушению добрых принципов и возрождающих идей».

Статьи IV и V того же организационного устава определяют способы, при помощи которых вы сможете передавать Тайной дирекции эти записи, сведения или донесения, которых она ждет от вас.

Вы будете передавать их агентам-посредникам, которые получат их непосредственно из ваших рук; точно так же и они будут передавать вам последующие инструкции, которые Тайная дирекция окажется вынужденной довести до вашего сведения.

Вот чем определяется, граждане, в этот первый момент ваша задача. Нам остается лишь изложить некоторые соображения о деталях, в которые вы сами внесете изменения соответственно тому, как вам подскажет благородумие.

Понятно, что, призывая вас организовать в вашем округе одно или несколько собраний патриотов, мы считаем, что это надлежит де-

лать без излишней аффектации. Возможно также, что такие собрания будут вами же организованы и что на них будет витать ваш дух, но вы не подадите при этом виду, что являетесь их учредителями и руководителями. Пожертвуйте мелким тщеславным желаниям показать себя ради преимущества суметь сделать нечто реальное. Ничто так не обеспечивает большие и подлинные успехи, ничто не может дать лучшего внутреннего удовлетворения, как сознание того, что мы являемся невидимым орудием, при помощи которого приходят в движение великие силы. В этом случае мы отдаем нашему дарованию дань заслуженного уважения, гораздо большего, чем то, какое приписывает себе поспешное самохвальство всякого, кто хотел бы прослыть главным действующим лицом на политической арене. Достаточно будет еще времени для того, чтобы пожать aplодисменты наших братьев, когда мы спасем их.

Нам представляется, следовательно, вполне осуществимым, чтобы главные агенты учредили, организовали и направляли желательные для нас клубы, не подавая виду, что они являются их учредителями, организаторами, руководителями. Но и тогда, когда мы говорим об организации, мы из тех же соображений осторожности считаем, что следовало бы не столько стараться предпринимать новые начинания, сколько строить наше здание на старых элементах, на старых, уже существующих основах. В некоторых округах

у вас имеются кафе, в которых уже привыкли собираться патриоты; старайтесь просто привлекать их туда во все большем количестве невозможно чаще. В то же время старайтесь увеличивать число этих сборных пунктов, а не забывать их слишком большим числом людей, которые будут лишены возможности ближе узнать друг друга и будут внушать подозрение властям. Посещайте по очереди каждое из этих мест; устраивайте собрания лучше в частных домах, нежели в кафе: здесь патриоты будут чувствовать себя более свободно, здесь они будут менее подвержены шпионажу и иметь большую возможность допускать в свою среду только таких братьев, в которых они будут уверены. Вообще, избегайте придавать собраниям публичный и внешний характер; не называйте все это клубами, обществами, собраниями; избегайте всяких пышных названий; говорите попросту: такое-то кафе, такой-то дом; отправление туда называйте прогулками, визитами; пусть все в них будет на деле, а не на словах.

Мы говорили вам о другой задаче, которая должна следовать за установлением сборных пунктов,— о задаче, которая состоит в том, чтобы питать и направлять в них общественное мнение. Мы установили, что для этого достаточно будет дискуссий о правах народа и о его настоящем тяжелом положении в соединении с чтением популярных газет! Тайная ди-

ректория рекомендует вам этот способ как самый могучий рычаг. Выбор этих газет будет для вас нетруден: вы достаточно с ними знакомы. Тайная дирекция будет передавать их вам для того, чтобы раздавать их не только на ваших собраниях, но и в частности всем лучшим патриотам. Кроме письменных сочинений вам будут предоставлены, когда в этом появится необходимость, и другие средства воздействия. Газеты, о которых шла речь, будут в значительной своей части служить для вас компасом и затем в качестве общих инструкций; до сих пор они проповедовали наши принципы, как и принципы всех истинных демократов. Мы полагаем, что они и в дальнейшем будут продолжать их проповедовать и что в их доктрине вы всегда сможете распознать нашу доктрину. Поддерживать и приветствовать ее — вот почти все, к чему может свестись ваша видимая роль; а для этого вам незачем выходить за пределы таких проявлений, при которых вы выступаете только рядовыми действующими лицами, простыми слушателями и присутствующими, как и все прочие. Кроме того, часть записей и донесений, которые должны быть сделаны лишь в строжайшей тайне, составляет вашу секретную миссию. Эту последнюю часть вашей миссии мы не станем подвергать детальному рассмотрению; ход ее выполнения в достаточной степени определен статьей III организационного устава, как и сказанным нами выше в данной инструкции.

Говоря вам о том, что популярные газеты, которые будут вам доставляться, смогут служить вам компасом и, главным образом, дополнением к последующим инструкциям, которые мы будем вам давать (не считая противоположных инструкций, которые вы можете получить от нас), достаточно вам указать, что вы не должны доводить степень энергии выше уровня, установленного этими самыми газетами; и это замечание содержится в том, что сказано Директорией в акте о ее создании: «Превышающие всякую меру преступления узурпаторской власти способствовали тому, что во всех сердцах до такой степени созрело расположение к революционному взрыву, что в интересах его плодотворности, в интересах обеспечения его успеха необходимо, быть может, скорее умерить, нежели усилить порыв свободолюбивых людей».

Итак, насколько существенно важно удерживать умы в должном напряжении, настолько же бесполезно и даже опасно было бы слишком быстро и чрезмерно их воспламенять. Необходимо принять во внимание, что если у народа мнение уже сложилось, то у солдата такого мнения еще не существует; он введен в заблуждение лицемерными ласками правительства, желающего использовать его для того, чтобы раздавить гражданское население, как и самого солдата. Требуется время, чтобы открыть глаза нашим вооруженным братьям. Будем, следовательно,

возбуждать умы благоразумно лишь в строгом соответствии с термометром, меняющаяся точка нагревания которого всегда будет вам указываться Тайной директорией.

Вот, граждане, почти всё, что мы имеем сказать вам для начала. Ваше рвение, ваши знания, ваша гражданская доблесть дополнят всё, что могло быть нами упущено при начертании плана столь возвышенной миссии. Прекрасно зная ваши гражданские добродетели, мы не сочли нужным изошряться, чтобы воспламенить вашу энергию. Простое изложение дела, признанная справедливость которого хранится в ваших, как и в наших сердцах, казалось нам достаточным, чтобы убедить вас в существенной необходимости начинания, содействовать которому мы побуждаем вас. Французы! Речь идет о вашем и нашем спасении. Речь идет о спасении настоящего и будущих поколений, о спасении нашей республики и всего мира. Пусть наше мужество послужит сигналом к подлинному пробуждению народа! Пусть воспламененный, наэлектризованный нами, он высвободится, наконец, из мертвяще го сна и пусть основывает царство вечного счастья, равенства и свободы! Все готово... Законодательное здание, гарантирующее изобилие, равенство, свободу для всех, ждет лишь крушения колосса порабощения, угнетения и смерти, чтобы предстать сильным и величественным и занять его место. Подготовим же эту счастливую катастрофу. Кодекс, который мы уста-

навливаем, будет, наконец, прочным и вечным.. ибо он обеспечит всеобщее счастье. Он будет создан не для того, чтобы возвысить какого-нибудь отдельного человека, а для того, чтобы служить на пользу всем людям, для которых он предназначен. Пора избавиться от всех честолюбцев, пора уничтожить человеческую гордыню. Пора разрешить, наконец, на деле прекрасную проблему: чтобы каждый из нас зависел только от учреждений и законов и чтобы никто из нас не держал никого в зависимости от себя.

Седьмой документ

МАНИФЕСТ РАВНЫХ⁹³

Действительное равенство — ко-
нечная цель социального искусства.
Кондорсе. Картина человеческого
разума, стр. 329.

Народ Франции!

В течение пятнадцати столетий ты жил рабом и, следовательно, был несчастен. Вот уже шесть лет как ты, затаив дыхание, ждешь независимости, счастья и равенства.

Равенство! Первое требование природы, главная потребность человека, главный узловый пункт всякой законной ассоциации! Народ Франции! Ты не был поставлен в

более благоприятные условия, чем другие нации, прозябающие на этой несчастной земле! Всегда и повсюду жалкий род человеческий, отowany во власть более или менее ловких людоедов, служил игрушкой в руках всяких честолюбцев, жертвой всевозможных видов тирании. Всегда и повсюду людей ублюкали красивыми речами; никогда и нигде слово не претворялось в дело. С незапамятных времен нам лицемерно повторяют, что люди равны; с незапамятных времен над человеческим родом дерзостно довлеет самое унизительное, самое чудовищное неравенство. С тех пор как существуют гражданские общества, существует единодушное признание того, что такое лучший удел человека, но ни разу еще он не был претворен в действительность: равенство являлось не чем иным, как красивой и бесплодной фикцией закона. Сейчас, когда его требуют более настойчиво, нам отвечают: «Замолчите, несчастные! Фактическое равенство лишь химера; довольствуйтесь условным равенством: все вы равны перед законом. Каналья, чего тебе еще надо?» Чего нам еще надо? Законодатели, правители, богатые собственники, выслушайте вы нас!

Все мы равны, не так ли? Этот принцип неопровергим, ибо только лишившись рассудка можно со всей серьезностью назвать день ночью.

Так вот! Отныне мы претендаем на то, чтобы жить и умереть равными. подобно

тому, как мы родились ими. Мы хотим действительного равенства или смерти — вот чего нам надо.

И мы будем его иметь, это действительное равенство, чего бы оно нам ни стоило. Горе тем, кто станет между нами и им! Горе тем, кто будет оказывать сопротивление столь ясно выраженной воле!

Французская революция лишь предвестник другой, более великой, более торжественной революции, которая будет последней.

Французский народ раздавил королей и священников, объединившихся против него; он поступит точно так же с новыми тиранами, с новыми политическими тартюфами, занявшими место прежних тартюфов.

Чего нам еще надо, кроме равенства в правах?

Нам надо, чтобы это равенство было не только записано в декларации прав человека и гражданина; мы хотим иметь его среди нас, под нашей кровлей. Ради него мы согласны на все; согласны смести все, чтобы держаться его одного. Пусть погибнут, если надо, все искусства, только бы нам осталось подлинное равенство!

Законодатели и правители, не обладающие ни талантом, ни добросовестностью, богатые и бессердечные собственники, напрасно пытаетесь вы обезоружить наше святое начинание, заявляя: они хотят воспроизвести лишь аграрный закон, который не раз требовали до них.

Клеветники, замолчите и вы в свою очередь и выслушайте в молчаливом смущении наши требования, продиктованные природой и базирующиеся на справедливости.

Аграрный закон, или раздел обрабатываемых земель, был кратковременным требованием некоторых беспринципных солдат, некоторых племен, движимых скорее инстинктом, нежели разумом. Мы же стремимся к чему-то более возвышенному и более справедливому, к общественной собственности или к общности имущества! Нет более частной собственности на землю, земля не составляет ничьей собственности. Мы требуем, мы хотим общего пользования плодами земли: плоды принадлежат всем.

Мы заявляем, что не потерпим более, чтобы подавляющее большинство людей в поте лица трудилось в подчинении, ради наслаждений ничтожного меньшинства.

Менее миллиона человек слишком долго обладает тем, что принадлежит более чем двадцати миллионам их близких, равноправных с ними людей.

Пусть будет положен конец этому великолепному позору, который нашим потомкам покажется невероятным. Пусть исчезнет, наконец, возмутительное деление на богатых и бедных, больших и малых, господ и слуг, правящих и управляемых.

Пусть не существует более между людьми иного различия кроме различий возраста и пола. Поскольку все обладают одними и

теми же потребностями, как и одними и теми же способностями, то пусть получают одинаковое воспитание, одинаковую пищу. Все они довольствуются одним солнцем и одним воздухом; отчего же им не обходиться одинаковым количеством и одинаковым качеством продуктов?

Однако противники самого естественного, какой только можно себе представить, порядка вещей выступают уже против нас в высокопарном тоне.

Дезорганизаторы, мятежники,— заявляют они нам,— вы хотите лишь бойни и добычи.

Народ Франции!

Мы не станем терять время на то, чтобы возражать им, но мы скажем тебе: святое начинание, организуемое нами, имеет единственной целью положить конец гражданским распрям и нищете народа.

Никогда еще не был задуман и осуществлен более широкий план. Время от времени отдельные гениальные люди, отдельные мудрецы заговаривали об этом едва слышным, неуверенным голосом. Ни у кого из них не нашлось мужества высказать всю правду целиком.

Наступило время великих мероприятий. Зло достигло апогея — оно покрыло лицо земли. В течение многих столетий на ней господствует хаос под именем политики. Пусть всё будет приведено в порядок и станет на свое место. Пусть по призыву равенства сорганизуются элементы справедливости и сча-

стья. Настал момент для основания *Республики равных*, этого великого убежища, открытого для всех людей. Настали дни всеобщего возврата к нормальному состоянию. Страждущие семьи, садитесь за общий стол, накрытый природой для всех ее детей.

Народ Франции, тебе уготована величайшая слава! Да, именно ты должен первый представить миру это трогательное зрелище.

Старые привычки, давнишние предубеждения будут снова препятствовать установлению *Республики равных*. Возможно, что организация действительного равенства, единственного, отвечающего всем потребностям, не приносящего никого в жертву и не требующего жертв, на первых порах понравится далеко не всем. Эгоист, честолюбец будет дрожать от бешенства. Люди, несправедливо обладающие собственностью, будут вопить о несправедливости. Некоторые пресыщенные благодаря чужому труду люди будут весьма скорбеть по наслаждениям, выпавшим исключительно на их долю. Поклонники неограниченной власти, гнусные приспешники самовластья с трудом склонят головы своих высокомерных властителей до уровня фактического равенства. Их близорукому взору нелегко будет проникнуть в ближайшее будущее всеобщего счастья. Но что могут поделать несколько тысяч недовольных против массы счастливых людей, изумленных тем, что так долго искали высшего счастья, которое было у них под рукой?

На другой же день после этой подлинной революции они в полном изумлении скажут друг другу: Как! Общее счастье зависело от столь немногого? Нам надо было только его пожелать. О, почему мы не пожелали его раньше? Разве надо было заставлять говорить нам об этом столько раз? Да, несомненно, стоит только одному единственному человеку на земле быть более богатым, более сильным, чем его ближние, чем другие равные ему люди, и равновесие нарушено: преступление и несчастье пребывают на земле.

Народ Франции, по какому же признаку должен ты отныне распознавать превосходство той или иной конституции?.. Та конституция, которая поконится целиком на фактическом равенстве,— единственная, которая может тебе подойти и удовлетворить все твои чаяния.

Аристократические хартии 1791 и 1795 годов еще более поработили тебя вместо того, чтобы разбить твои цепи. Конституция 1793 г. была действительным шагом вперед к подлинному равенству; так близко к нему еще ни разу не подходили; но эта конституция все еще не касалась конечной цели и не подходила вплотную к вопросу о всеобщем счастье, хотя она торжественно утвердила этот великий принцип.

Народ Франции!

Открой глаза свои и сердце свое открай навстречу полноте счастья. Признай и провозгласи вместе с нами *Республику равных*

Восьмой документ

АНАЛИЗ ДОКТРИНЫ БАБЕФА, ПРЕСЛЕДУЕМОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ДИРЕКТОРИЕЙ ЗА ТО, ЧТО ОН ВЫСКАЗЫВАЕТ ПРАВДУ^{10*}

Статья 1

Природа дала каждому человеку равное право на пользование всеми благами.

*Доказательства, заимствованные из дискуссии,
которая была вызвана этой статьей.*

1. До того как люди сблизились между собой, им в равной мере принадлежали произведения природы, которые та в изобилии разбрасывала вокруг них.

2. Вследствие чего же между людьми могло установиться неравенство в пользовании этим правом, как только они поселились вместе на необработанной земле? Вследствие их природного неравенства? У всех у них одни и те же органы, одни и те же потребности. Вследствие зависимости одних от других? Но ведь никто из них не был достаточно силен, чтобы поработить своих ближних, которые при малейшем недовольстве могли разбрестись в разные стороны; преимущество же взаимопомощи и общего благожелательства делало для них всех необходимым уважать права других людей, которыми те наделены от природы. Вследствие их сердечной жестокости? Но сострадание есть непосредственное

следствие их организации, и эта жестокость рождается от обострения страстей. Не вследствие ли врожденной склонности к унижению и порабощению? Но ведь один вид различий является даже для самых диких людей прискорбным ощущением, источником зависти и ненависти.

3. Если семья являлась прообразом общества, то она является также самым развитым доказательством права, о котором мы ведем речь. Равенство в семье служит залогом нежности родителей, согласия и счастья детей. А когда оно нарушено? Печаль и ревность вводят в дом беспорядок и нарушение покоя. Всё, вплоть до любви родителей, внушает детям ненависть к пристрастию. Сами родители, прибегая к нему, рисуют внести в семью опасные страсти.

4. Первоначальными договорами безусловно было введено самое строгое равенство, ибо что могло заставить людей, бывших до того противниками всяких различий, согласиться на лишения, на плохие условия существования?

5. Забвение этого равенства ввело среди людей:

- ложные идеи о счастье;
- заблуждения страстей;
- вырождение человеческого рода;
- насилия, беспорядки, войны;
- тираннию одних и угнетенное положение других.

Утверждением несправедливости гражданские, политические и религиозные учреждения в итоге разлагают общество, после того как в течение долгого времени раздирали его на части.

Зрелище различий, роскоши и наслаждений, которыми масса народа не пользуется, служило и будет всегда служить для нее неисчерпаемым источником терзаний и беспокойств. Только небольшому числу разумных людей удается уберечь себя от коррупции. Отныне умеренность является благом, которое заурядный человек не ценит более, поскольку сам он далек от нее.

Разве создают себе немногие граждане новые потребности и не вносят в свои удовольствия утонченность, неведомую массе населения? Простоту более не любят, не существует более счастья в деятельном образе жизни, как и в спокойствии души; различия и наслаждения становятся высшим благом; все недовольны своим положением, и все тщетно ищут счастья, которому неравенство закрыло доступ в общество.

Чем больше добиваются различий, чем больше их желают, тем более возбуждают ревность и алчность. Отсюда такое множество сумасбродных начинаний; столь ненасытная и преступная жажда золота и власти; ненависть, насилия, убийства; кровопролитные войны, вызываемые духом завоевания и торговым соперничеством, не дающими ни минуты покоя несчастному человечеству.

Среди этого смятения умов инертность и горести приводят к гибели одну часть человеческого рода, вызывают раздраженное состояние у другой его части и готовят для общества поколения, неспособные его защищать. Привязанность к различиям рождает меры предосторожности, предпринимаемые для их сохранения, несмотря на зависть и недовольство, вызываемые ими; этими мерами предосторожности являются варварские законы, исключительные формы государственного управления, религиозные измышления, рабская мораль — словом, тирания, с одной стороны, угнетение, с другой. Однако полностью заглушить голос природы невозможно иной раз она заставляет трепетать ее неблагодарных детей. Своими внезапными проявлениями она мстит за слезы человечества, и если ей редко удается восстановить человечество в его правах, то она всегда приводит к низвержению обществ, не признававших законов природы.

Равенство имущественного положения есть следствие одинакости наших органов и наших потребностей, раз общественные и личные невзгоды, общественная разруха составляют необходимое следствие наносимого обществу ущерба, то, следовательно, это равенство составляет естественное право.

Статья 2

Цель общества — защищать это равенство, часто подвергающееся неприкрытыму нападе-

нию со стороны сильных и злых, и увеличивать при всеобщем содействии общественное благосостояние.

Доказательства

1. В данном случае под обществом разумеется ассоциация, регулируемая соглашениями, а под естественным состоянием — состояние случайного и несовершенного общества, в котором безусловно пребывали люди до того, как они подчинились законам.

Не вдаваясь в исследование того, могли ли иметь место в естественном состоянии покушения вроде тех, о которых упоминается в данной статье, очевидно, что если неудобства этого состояния привели людей к решению об установлении законов, то это были неудобства, которые порождало нарушение равенства. Как бы то ни было, целью ассоциации является сохранение равенства, ибо только при его наличии объединенные между собой люди могут быть счастливы.

2. Объединением своих усилий люди, конечно, хотели обеспечить себе при наименьшей затрате труда возможно больше средств потребления, о которых они имели представление. Так вот, изобилие предметов первой необходимости обеспечивает это погребление, само же оно обеспечивается трудом членов ассоциации, который возможен для каждого из них только в том случае, когда этот труд распределяется между всеми.

Статья 3

Природа возложила на каждого человека обязанность трудиться; никто не мог уклониться от труда, не совершив тем самым преступления.

Доказательства

1. Труд является для каждого человека предписанием природы.

1) Потому что человек, уединившийся в пустыне, не смог бы без всякого труда обеспечить себя средствами существования.

2) Потому что активное состояние, вызываемое умеренным трудом, является для человека источником здоровья и развлечения.

2. Эта обязанность не могла быть ослаблена обществом ни в отношении всех его членов, ни в отношении каждого из них.

1) Потому что от этого зависит сохранение самого общества.

2) Потому что труд каждого члена общества возможен лишь в том случае, когда в нем участвуют все.

Статья 4

Производство и потребление должны быть общественными.

Разъяснение

Это означает, что все должны нести одинаковую долю труда и одинаково пользоваться его плодами.

Справедливость этого принципа вытекает из доказательств вышеизложенных статей 1 и 3. Однако, что подразумевают под общностью труда? Хотят ли, чтобы всех граждан заставляли заниматься одним и тем же делом? Нет, хотят лишь такого распределения разнообразных работ, чтобы ни один способный к труду человек не оставался праздным; чтобы увеличение числа трудящихся гарантировало обществу изобилие и в то же время сокращало труд каждого его члена; чтобы каждый получал в награду от отечества средства к удовлетворению его естественных потребностей, как и немногих искусственных потребностей, удовлетворять которые могут все.

Могут возразить: что станет с произведениями промышленности, требующими времени и искусства? Не следует ли опасаться того, что, будучи вознаграждаемы не лучше других произведений промышленности, они придут в упадок во вред обществу? Софизм! Усилия человеческого дарования были во все времена обязаны своим существованием любви к славе, а не жажде богатства. Миллионы солдат обрекают себя ежедневно на смерть во имя чести служить капризам жестокого начальника. Как же можно сомневаться в чудесном воздействии, которое окажут на человеческое сердце ощущение счастья, любовь к равенству и к отечеству, побуждения мудрой политики? К тому же, разве была бы у нас потребность в бьющем

в глаза искусстве и в мишуру роскоши, если бы мы имели счастье жить под сенью законов равенства?

Статья 5

Угнетение имеет место тогда, когда один истощает себя в труде и испытывает нужду во всем, в то время как другой, ничего не делая, утопает в изобилии.

Доказательства

1. Неравенство и угнетение являются синонимами: если угнетать кого-либо значит нарушать в отношении его закон, то те, кого отягощает неравенство, являются угнетаемыми, ибо неравенство ущемляет естественный закон, которому абсурдно противопоставлять человеческие законы.

2. Угнетать — значит либо ограничить возможности того или иного человека, либо увеличить его обязанности. Это как раз и есть то, что творит неравенство, сокращая потребление того, чьи обязанности оно увеличивает.

Статья 6

Никто не мог присвоить в свое исключительное пользование земельную или промышленную собственность, не совершая тем самым преступления.

Разъяснение и доказательства

Если доказать, что неравенство не имеет иной причины, кроме этого исключительного

присвоения в свою пользу, то тем самым будет доказано преступление тех, кто ввел различие между моим и твоим.

С того момента, когда земля оказалась поделенной, возникло исключительное право собственности. Тогда каждый человек сделался абсолютным обладателем всего, что он мог извлечь из доставшегося ему поля и из промысла, которым он смог заняться.

Возможно, что люди, отдавшиеся ремеслу первой необходимости, были в то же время устраниены от всякого обладания землей, обрабатывать которую у них не было времени. Таким образом, одни остались обладателями жизненно необходимыми предметами, между тем как другие получили право лишь на заработную плату, которую угодно было им платить. Эта перемена тем не менее не привела к заметному изменению в распределении предметов потребления, поскольку число лиц наемного труда равнялось числу владельцев земли. Но как только вследствие естественных случайностей — экономии или ловкости одних, расточительства или неспособности других — земельная собственность оказалась в руках незначительного числа семейств, число лиц наемного труда оказалось гораздо больше числа лиц, пользующихся наемным трудом; они очутились во власти последних, которые в своем высокомерии богачей довели их до весьма скучного существования.

От этого переворота ведут свое происхождение пагубные последствия неравенства, из-

ложенные в первой статье. С этого времени можно видеть празднолюбца, живущего вследствие возмутительной несправедливости за счет тяжкого труда человека, изнуренного бременем утомительной работы и лишений; можно видеть богачей, завладевших государством и в роли хозяев диктующих тиранические законы бедняку, скованному нуждой, униженному невежеством и обманутому религией.

Несчастья и рабское положение проис текают от неравенства, а неравенство — от собственности. Собственность, следовательно, есть величайший бич общества; это поистине общественное преступление.

Нам скажут, что право собственности более старо, чем само общество, которое было учреждено для того, чтобы это право защищать. Но каким же образом можно было получить представление о существовании подобного права до того, как собственнику путем договоров были обеспечены плоды его труда? Каким образом общество могло оказаться обязанным своим происхождением институту, разрушающему всякое общественное чувство?

Наконец, пусть не говорят, что справедливо, чтобы человек трудолюбивый и бережливый был вознагражден богатством, а чтобы человек праздный был наказан нищетою. Несомненно справедливо, чтобы человек активный, выполнив свой долг, получил от отечества то, что оно в состоянии ему дать без

ущерба для себя; справедливо, чтобы он был за это вознагражден общественным признанием; но этим он не приобретает права отравлять свою страну, точно так же как солдат в силу своей храбрости не приобретает права поработить свое отчество.

Если и существуют дурные люди, которые должны приписать своим собственным порокам нищету, в которую они впали, то это далеко еще не значит, что все неимущие должны быть отнесены к этому классу людей. Множество земледельцев и фабричных рабочих, которых совершенно не жалеют, живут на хлебе и воде для того, чтобы гнусный распутник мирно наслаждался наследством бесчеловечного отца, как и для того, чтобы фабрикант-миллионер отправляя по низкой цене ткани и безделушки в страны, поставляющие нашим праздным сибаритам парфюмерию из Аравии и птиц из Колхиды. Да и разве существовали бы дурные люди, если бы их не втягивали в пороки и безумства социальные учреждения, которые в их лице карают действия страстей, развитию которых они сами же способствовали.

Статья 7

В истинном обществе не должно быть ни богатых, ни бедных.

Статья 8

Богачи, не желающие отказаться от своего избытка в пользу неимущих, являются врагами народа.

Статья 9

Никто не вправе путем накопления материальных средств лишать другого просвещения, необходимого для его счастья: образование должно быть общим для всех.

Доказательства

1. Это накопление лишает людей труда все-го, вплоть до возможности приобретения знаний, необходимых каждому доброму гражда-нину.

2. Если у народа и нет необходимости в широком образовании, то он все же нуждается в просвещении, для того чтобы не сделаться жертвой хитрецов и мнимых ученых. Ему важно знать свои права и свои обязанности.

Статья 10

Цель революции — уничтожить неравенство и восстановить всеобщее счастье.

Доказательства

Найдется ли такой честный человек, который хотел бы подвергнуть своих сограждан конвульсиям и бедствиям политического переворота, цель которого сделать их еще более несчастными, либо поставить их в такое положение, которое должно привести их к полному разорению? Умело уловить момент для реформы — далеко не последняя задача искусного и добродетельного политика.

Статья 11

Революция еще не завершена, так как богачи захватывают все блага и одни

пользуются властью, в то время как бедняки трудятся как настоящие рабы, изнемогают в нищете и не пользуются в государстве никаким значением.

Статья 12

Конституция 1793 г. является для французов подлинным законом, ибо народ ее торжественно утвердил; ибо Конвент не имел права вносить в нее изменения; ибо для того, чтобы добиться этого, он велел расстреливать народ, требовавший ее исполнения; * ибо он изгнал и убил ** депутатов, которые защищали ее, исполняя свой долг; ибо террор против народа и влияние эмигрантов *** играли руководящую роль при выработке и так называемом утверждении конституции 1795 г., не собравшей даже четверти избирательных голосов, полученных конституцией 1793 г.; ибо конституция 1793 г. утвердила неотъемлемые права каждого гражданина давать свое согласие на законы, осуществлять свои политические права, пользоваться правом собраний, требовать того, что он считает полезным, получать образо-

* 1 прерияля III года и в следующие за ним дни.

** Бурбон, Дюруа, Дюкенуа, Гужон, Ромм и Субрани были преданы смерти. Пейссар был сослан, а Форестье приговорен к лишению свободы.

*** Популярных в народе людей открыто убивали или заполняли ими тюрьмы; множество эмигрантов и в частности все те, кто дезертировал после революции 31 мая, были после 9 термидора II года возвращены.

вание и не умирать от голода. Эти права открыто и всецело нарушены контрреволюционным актом 1795 г.

Статья 13

На каждого гражданина возлагается обязанность восстановить и защищать в конституции 1793 г. волю и счастье народа.

Статья 14

Все органы власти, ведущие свое происхождение от мнимой конституции 1795 г., противозаконны и контрреволюционны.

Статья 15

Лица, поднявшие руку на конституцию 1793 г., виновны в нанесении оскорблений народному суверенитету.

Девятый документ

ПИСЬМО СВОБОДНОГО ФРАНКА,
СОЛДАТА АРМИИ, РАСПОЛОЖЕННОЙ
ВОКРУГ ПАРИЖА, ЕГО ДРУГУ ТЕРРОРУ,
СОЛДАТУ РЕИНСКОЙ АРМИИ^{*}

Мы... мой бедный друг Террор; да, мы... * и будем без средств, если до конца проглотим пилюлю, которую нам положили в рот. Напрасно изломали мы копья свои о пласти низ-

* Многоточие в подлиннике.— Ред.

ких приспешников коронованных хищников; напрасно стояли мы бивуаком, голодали, боролись, трудились до седьмого пота и в продолжение четырех лет убивали вшей и рабов. Мы стреляли по воробьям, и эта свобода, достойный предмет наших желаний, священная цель наших трудов, так же как и милое равенство, ее неразлучный спутник, отныне являются лишь пустыми изображениями, запечатленными на кухонных тряпках наследников К...⁹⁶. Лишь пустым дымом, наподобие дыма моей трубы. Под видом порядка и дисциплины мы и все наши братья санкюлоты привязаны, словно собаки к цепи на заднем дворе, с той разницей, что псы, когда они лают, бросают кусок, а нам не дают рта раскрыть.

О, имя трижды мошенника Д...! Мой храбрый Террор, разве покинули бы мы когда-либо свои очаги, своих жен, детей, отцов, матерей, чтобы повергнуть в прах подлецов, угрожавших нашему отечеству, если бы мы предполагали, что пока мы... * рот эмигрантам и наступаем на горло королям, тигры в золоченой шкуре задушат, раздерут на части и сожрут наших родных, друзей, самую свободу? Да, мой друг, да: как ни странно то, о чем я тебе сообщаю, не менее верно и то, что такой... *, как ты, стоит больше сотни таких, как те, кто нами управляет. Когда я набросаю тебе картину, которая уже десять месяцев стоит здесь перед моими глазами, ты

* Пропуск в подлиннике.—Ред.

в этом убедишься. Я не стану сопровождать ее никакой клятвой для того, чтобы ты поверили в нее, ибо после клятвы верности конституции 1793 г. я видел лишь клятвы бездущих и бесчестных негодяев.

1. Неслыханное высокомерие двора и бывшей знати вынудили нас сокрушить трон. Мы установили народное правление или, как выражается отец Лялюль, правление, при котором каждый имел право считать себя буржуа. Пока мы отовсюду собирали вокруг себя ... *, которые считали нужным порицать то, что нам угодно было делать у себя, подлые слуги, которым мы доверили заботу о наших делах, убив сначала тех из их среды, кто хотел оставаться верен нам, водворили под названием Исполнительной директории пять львов, которых они покрыли попонами, на которых надели упряжь и которых разукрасили, словно провансальских мулов, окружив Скаленами, Скарамушами, Картушами, и все они вместе взятые умножили впятеро спесь, наглость, тираннию и деспотизм ... * Капета, их достойного предшественника!

2. Правительство, которое мы оставили в 93 году, даже эгоизм использовало для того, чтобы создать склады вещей и съестных припасов, необходимых для спасения отечества; правительство, которым его заменили наши вероломные слуги, не создало никакого иного общественного склада, кроме склада Клама-

* Многоточие в подлиннике.—Ред.

ра, набитого тысячами трупов погибших от голода республиканцев, которые вот уже 18 месяцев завозятся во всякое время возами в этот ужасный склад.

3. Дворяне всегда предавали нас, и мы одержали настоящую победу лишь тогда, когда, изгнали их из наших армий. Сейчас же... * офицеры из народа, приведшие нас к победе, у которых, как и у нас, вся кожа испещрена рубцами, недостойным образом отстранены и заменены шуанами из знатных и изысканных сословий.

4. Париж, этот прекрасный Париж 1793 г., в котором свобода, равенство и изобилие создали из всего народа счастливейшую семью, сейчас представляет лишь наводящий ужас лес, полный хищных волков и испускающих дух овец; волки — это правители и богачи; овцы — патриоты, наши родные, наши братья.

5. Наши товарищи по оружию, изувеченные в сражениях, здесь раздавлены или оклеветаны, облиты грязью и презрением власть имущими и их подлыми лакеями; большинство из них доведено до нищеты. Да будет проклята неблагодарность отечества, во имя которого они проливали свою кровь. «Они неправы, дорогой товарищ», — скажешь ты. Нет, друг мой, это не так. Их скорбные стенания прекратятся лишь тогда, когда мы отомстим за них. И это, надеюсь, будет скоро!..

* Многоточие в подлиннике.—Ред.

6. Командующие здесь нами генералы — низкие льстецы, которым, в свою очередь, льстят пятеро разукрашенных мулов, — держат нас, под видом дисциплины, в самом гнусном порабощении. Загнав нас, словно глупое стадо, в военное училище, нас лишили возможности общаться с нашими друзьями, нашими родными. О, они, несомненно, боятся, как бы слезы наших близких не тронули наших сердец и не вдохновили наше мужество справедливой местью. Но как бы тираны ни старались..., они скоро узнают, что хотя нас и считают машинами для угнетения, предназначеными главным образом для подчинения, мы являемся также мстителями за права каждого человека и всего человечества.

7. Правительство 93 г. в награду за одержанную нами победу обеспечило за нами, мой дорогой товарищ, все, что осталось от врагов отечества. Нынешнее правительство под названием реституции отдает нашим врагам то, что мы отвоевали у них, и то, что служило гарантней для наших республиканских денежных знаков. Отсюда следует, что правящие нами злодеи бесстыдно попрали красный колпак, который они недостойны были носить, и в довершение своего бесчестия они продолжают обещать нам миллиард, а на деле оставляют нам в награду, чтобы изготовить из них для каждого из нас нищенскую сумму, палатки, которых они лишили нас на протяжении трех походов.

Я никогда не кончил бы, мой милый Тер-

рор, если бы взялся изобразить все ужасы, которые я здесь вижу вокруг себя. Но более привыкший сражаться, нежели жаловаться, столь же терпеливый в скорби, как и страшный в мщении, я жду лишь, мой милый товарищ, вместе с десятью миллионами угнетенных демократов, того момента, когда мир с внешними врагами позволит тебе и твоим товарищам по оружию возвратиться к вашим домашним очагам. Тогда мы все вместе докажем Франции и всему миру, что мы так же хорошо умеем одерживать победы над сворой...*

Привет и братство!

Подпись: Твой брат Свободный франк.
Париж, 24 жерминаля IV года
грядущей демократической
республики

Десятый документ

ПЕРВАЯ ИНСТРУКЦИЯ ТАЙНОЙ ДИРЕКТОРИИ КАЖДОМУ ИЗ ГЛАВНЫХ ВОЕННЫХ АГЕНТОВ⁹⁷

Граждане!

Периоды кризиса и т. д. (см. шестой документ от начала, кончая словами: «что он ока-

* Многоточие в подлиннике.— Ред.

зался бы способным действовать, если бы увидел во главе себя руководителей, достойных полного его доверия»).

Воодушевленные такими настроениями, мы тотчас пришли к необходимости обратить взор на людей, способных помочь нам в этом славнейшем начинании. На вас, граждане, ввиду последовательности вашего поведения, многочисленных актов безупречной преданности отечеству на протяжении всей революции, как и ужасных испытаний в дни преследований всех тех, кто являлся патриотом и добродетельным человеком; на вас остановили свой взор люди, выступившие первыми мстителями за отечество, которое предали — чтобы облечь вас своим главным доверием и возложить на вас первые и главные операции.

Та часть сокровенного, которую Тайная дирекция общественного спасения сообщает вам, весьма цenna и важна. Сохранение ее в тайне требует большой скромности, осторожности, активности и любви ко всеобщему благу. Оно требует всех человеческих добродетелей, которые Директория в вас предполагает.

Свою основную организацию, как и организацию ее взаимоотношений с вами, Тайная дирекция взвесила на весах благоразумия и осмотрительности. Она сочла необходимым установить главных агентов при различных воинских частях, расположенных внутри и вокруг парижской коммуны; при этом она та-

ким образом скомбинировала способы их связи с нею, что общение будет почти непосредственным, с тем, однако, что ни один из агентов не сможет узнать, кто входит в состав Директории.

Смысл такой предосторожности и т. д. (см. шестой документ, стр. 128, начиная от этих слов, кончая словами: «замешательство и ужас, которыми будут охвачены самые отважные граждане»).

Таковы, республиканцы, и т. д. (см. снова шестой документ, стр. 129, начиная от этих слов до слов: «в одинаковой ее непоколебимости у двенадцати человек», вместо чего следует читать: «в одинаковой ее непоколебимости у нескольких человек». Читай затем буквально кончая словами: «вы обнаружите это во всех ее действиях»).

Вооружаясь и т. д. (см. в шестом документе, на стр. 130, весь параграф, без всяких изменений).

Тайная дирекция довела предусмотрительность и т. д. (см. весь параграф, за исключением двух мест, в которых говорится о *двенадцати агентах*, где надо читать: *агенты*, и продолжать до конца, кончая словами: «подвергнуть опасности участь свободы»).

Такие же предосторожности (см. в шестом документе, стр. 131—133, начиная от этих слов до слов: «вам надлежит делать»).

На это вам указывают статьи III, IV и V организационного устава, предназначенные

нами для вас и предшествующие данной инструкции:

«Формировать и направлять общественное сознание солдат вообще, частей и батальонов, переданных вашему надзору,— в частности».

«Стимулировать и давать пищу общественному мнению военных, облегчая прежде всего распространение газет и других популярных сочинений, затем практикуя обычные беседы и частые дискуссии о правах народа, о его настоящем положении, как и о положении армии».

«Вести ежедневные записи о состоянии общественного мнения; в этих записях давать отчет о более или менее благоприятных, более или менее энергичных настроениях солдатской массы; указывать лиц, отмеченных вами как наиболее способных содействовать движению, которое предстоит повести; указывать характер их использования или революционную задачу, для выполнения которой вы считаете каждого из них пригодным; указывать интриганов, работавших при служниках тиранов, давать также отчеты о препятствиях и противодействиях, чинимых этими лицами развитию активности, внушению добрых принципов и возрождающих идей».

Статьи VI, VII и VIII того же организационного устава определяют способы, при помощи которых вы сможете передавать Тай-

ной директории эти записи, сведения или доносения, которых она ждет от вас.

Вы будете передавать их агентам-посредникам, которые получат их непосредственно из ваших рук; точно так же и они будут передавать вам последующие инструкции, которые Тайная директория окажется вынужденной довести до вашего сведения».

Вот чем определяется, граждане, в этот первый момент ваша задача. Нам остается лишь изложить некоторые собрания о деталях, в которые вы сами внесете изменения соответственно тому, как вам подскажет благородное разумение.

Понятно, что призываю вас стимулировать, питать и направлять общественное сознание военных путем чтений, как и путем дискуссий о правах народа, о его настоящем положении, как и о положении армии, мы считаем, что это надлежит делать без излишней аффектации в интересах самого дела, как и в ваших собственных интересах. Возможно, что вы пойдете за собой большое количество храбрецов и что скоро они будут рассуждать так же, как и вы, сами не замечая того, откуда пришли к ним такие рассуждения. Гораздо опаснее было бы, если бы их начальники и все те, интересы которых находятся в противоречии с принципами, которые мы хотим им привить, в какой-то степени заметили роль, которую вы при них играете. Следовательно, вы сами должны будете тщательно соблюдать осторожность и с величайшим вниманием следить

за тем, чтобы не быть обнаружеными ни одним признанием, ни одним секретным сообщением в отношении кого бы то ни было: не при данных обстоятельствах можно позволить себе давать полное удовлетворение самолюбию. Пожертвуй мелким, тщеславным желаниям показать себя ради преимущества быть в состоянии сделать нечто реальное. Ничто так не обеспечивает крупные и подлинные успехи, ничто не может дать лучшего внутреннего удовлетворения, как сознание того, что мы являемся невидимым орудием, при помощи которого приходят в движение великие силы. Мы отдаём в этом случае нашему дарованию и нашей скромности дань заслуженного уважения, гораздо большего, нежели то, какое приписывает себе поспешное самонадувательство всякого, кто хотел бы прослыть главным действующим лицом на политической арене. Достаточно будет еще времени для того, чтобы пожать аплодисменты наших братьев, когда мы спасем их. Нам, следовательно, представляется вполне осуществимым, чтобы главные агенты стимулировали, питали и направляли энергию солдата, почти не подавая виду; ибо, поскольку речь идет о том, чтобы только фиксировать его внимание на нарушении всех прав народа, как и на тяжелом и плачевном положении, до которого доведены сейчас гражданское население и солдаты, то обычные беседы, частые дискуссии, которые, как мы уже говорили, вы будете

вызывать по этому важному предмету, могут вестись исключительно при помощи газет и других популярных сочинений. И вам не трудно будет передавать эти сочинения, непосредственно или через посредников, но не заметным образом и так, чтобы вы везде могли оставаться лишь простыми наблюдателями.

Так как распространение сочинений является главным средством, на которое мы рассчитываем, то для того, чтобы начать серьезные дискуссии, к которым мы хотим приучить солдат, мы и рекомендуем вам это средство. Выбор этих сочинений будет для вас нетруден, и вы легко распознаете те из них, которые являются доброкачественными. Впрочем, Тайная дирекция будет передавать их вам с таким расчетом, чтобы их можно было раздавать в достаточном количестве. Кроме этих сочинений вам будут доставляться, когда в этом явится необходимость, и другие средства воздействия. Упомянутые выше газеты будут в значительной мере служить вам компасом и затем в качестве общих инструкций. До сих пор они проповедовали наши принципы, как и принципы всех истинных демократов. Полагаем, что они и впредь будут продолжать их проповедовать и что в их доктрине вы всегда сможете распознать нашу доктрину. Поддерживать и приветствовать ее — вот почти всё, к чему может свестись ваша видимая роль; а для этого вам незачем выходить за пределы

таких проявлений, при которых вы выступаете лишь в роли рядовых действующих лиц, простых слушателей и присутствующих, как и все прочие. Часть записей и донесений, которые должны быть сделаны лишь в строжайшей тайне, составляют, кроме того, вашу секретную миссию. Эту последнюю часть вашей миссии мы не станем подвергать детальному рассмотрению; ход ее выполнения в достаточной степени определен статьей V организационного устава, как и сказанным нами выше в данной инструкции.

Говоря вам о том, что популярные газеты и т. д. (читай этот параграф, кончая словами: «порыв свободолюбивых людей». См. шестой документ, стр. 138).

Итак, насколько необходимо удерживать умы в должном напряжении, настолько же бесполезно и даже опасно было бы слишком быстро и чрезмерно их воспламенять. Мы уверены, что у народа мнение уже сложилось; мы не сомневаемся, что и мнение ряда батальонов также сложилось; но нам известно также, что существуют воинские части, которых при помощи коварства и вероломства держат до сих пор в заблуждении. Существенно важно, следовательно, для верности победы, чтобы все гражданское население и воины были одинаково настроены. Нельзя, следовательно, толкать одних на крайние меры, которые должны непосредственно предшествовать моменту взрыва, в то время как другие будут оставаться в значительном отда-

лении от этого расположения. Итак, нам надо дать время вывести из заблуждения хотя бы большинство наших товарищей, предстерь их от коварных ласк правительства, желающего использовать их для того, чтобы их же первых подвергнуть угнетению, а вместе с ними и народ. Таким образом, будет благоразумно, как сказано в инструкции, возбуждать наиболее передовые умы лишь в строгом соответствии с термометром, меняющаяся точка нагревания которого будет всегда указываться Тайной дирекtorией.

Мы отнюдь еще не представили вам самый могучий, с нашей точки зрения, рычаг, способствующий возвышению души и нарастанию мужества солдата. Мы предлагаем его вам. Люди — это давно признанная истина — приходят в сильное движение лишь во имя своих интересов; общий интерес составляет из суммы частных интересов. Эти-то интересы и надлежит удовлетворить, для того чтобы в действительности осуществить всеобщее благо, и так как эти интересы являются самой могучей движущей силой, способной заставить людей действовать, то отсюда следует, что когда пускают в ход это великое средство, то этим делают самое правое дело, наиболее способное обеспечить успех. Так поговорим же об интересах большинства, т. е. будем добродетельны и справедливы и тем самым овладеем наиболее верным средством успеха.

Революция была предпринята именно в

интересах большинства. Она была предпринята потому, что до нее большинство находилось в тяжелом социальном положении и хотело его изменить, чтобы добиться лучшего. Интересы большинства побуждали преклоняться перед революцией до тех пор, пока существовала надежда, что эта перемена к лучшему произойдет в действительности. Интересы большинства побуждали к тому, чтобы возненавидеть революцию, как только стало ясно, что ее конечный результат есть перемена в еще худшую сторону. Те же интересы большинства побуждают нас начать новую революцию, которая, согласно нашему желанию, должна быть последней и конечной целью которой превратить самое худшее в самое лучшее. Докажем же большинству возможность этой последней перемены. Более того, внушим ему уверенность в этом, и мы увидим, что его интересы заставят его решиться обеспечить эту перемену путем энергичного и непреодолимого возрастания его воли и его силы.

Говорить об интересах и цели людей, защищавших отчество, можно и должно главным образом с двух точек зрения: с точки зрения их интересов — в применении к их настоящей участии, и с точки зрения их интересов — в применении к их будущей участии.

Разве не правдивую картину нарисуете вы перед глазами солдата, изобразив его настоящее положение так, что он будет представлен неимущим, как и народ, нагим, как

и он, таким же голодным и униженным? Я вижу несчастливца, возвращающегося с границы. В каком он положении? Один его вид вызывает во мне догадку о том, что те, которые им управляют, являются лучшими друзьями деспотов, против которых он сражался. Я вижу его безмерно наказанным ими за то, что их сателлиты пали в бою. И действительно, он исхудал, лицо его бледно, он падает с ног от изнеможения. Я задаю ему вопросы. Он заявляет мне, что нет ничего удивительного в том плачевном состоянии, в каком я его вижу, если судить по причинам, которые он мне разъясняет. Я узнаю, что его жалование ниже жалования самой презренной немецкой солдатчины. С тридцатью су бумажными деньгами и двумя су в день звонкой монетой нельзя не умирать от голода. В общем, с ним обращаются хуже, чем с уланом, этим германским рабом, чем с огрубевшим, опустившимся, почти потерявшим человеческий облик сбиром, входящим в состав легионов, которые австрийские французы почти содержат на свой счет и один жалкий вид которых внушал мне такое сочувствие в начале революции. Солдат моей страны не только умирает теперь от голода; он разут, раздет, не в состоянии отдать в стирку свою рубашку, ибо это стоит тридцать франков, а где ему их взять? Но он не отделался еще тем, что не имеет ни одежды, ни пищи; надо, чтобы он был к тому же полон огорчений, раздражен, раздираем множе-

ством мучений, которые украшаются наименованием воинской дисциплины, являющейся по существу тиранией, более усовершенствованной, чем во времена министров-дворян Людовика XVI. Солдат здесь в гораздо большей степени является автоматом, он гораздо более зависим от своеволия низших чинов. Он всего лишь рабски движущаяся машина, которая не должна ничего знать кроме команды. Рассуждать, говорить и даже думать ему запрещено. К тому же тираническую власть над ним осуществляют не те, кто был вместе с ним в период опасностей военного времени; чинами наделены отнюдь не самые храбрые; почестями вознаграждены вовсе не те, кто наиболее отличился в борьбе против всех врагов свободы. Напротив, те, кто сейчас командаeт, в большинстве своем трусы, интриганы и даже контрреволюционеры — подлинные военные заслуги преданы забвению и позору. Таким образом, защитник отечества изнемогает под бременем всевозможных бедствий. Он раздет, гололен, находится под жестоким кнутом презираемых начальников, которые не сражались за республику, питают к ней ненависть, а вместе с ней ненавидят и тех, кто проливал кровь во имя ее победы. Если среди массы солдат, пребывающих в нищете и лишениях, и существуют некоторые исключения, то это делается умышленно в силу крайнего коварства и низости. Некоторых подкармливают для того, чтобы основательнее поработить всех

остальных. Эти раздачи вина, водки батальонам, наиболее близко расположенным к местам охраны самого революционного из городов (Парижа), от которого постоянно ждут со страхом энергичных порывов во имя свободы; это гораздо более выгодное, даже великолепное жалование, выдаваемое избранным батальонам, назначаемым для непосредственной охраны правительства,— всё это мед на кончике палки, которая должна опуститься на спину народа. Если несчастные, пользующиеся этими щедротами, платят тем, от кого они их получают, слепым повиновением, которое от них за это требуется, то их можно считать людьми, предающими отечество и свободу.

Такова приблизительно более чем правдивая картина нынешнего положения солдата, которую вы можете часто пытаться изобразить перед ним. С этой первой картиной вы должны сопоставить картину его будущего положения, которое весьма легко предвидеть. Ему будет не до смеха.

Покажите, что ждет их, когда они возвратятся к своим очагам. Что найдут они? Величайшую нужду, в тысячу раз большую, нежели нужда, тяготевшая над их несчастными отцами. Чтобы обеспечить себе успех, революция посулила им в высшей степени справедливое и законное возвращение их всем известных грамот на землю; революция посулила им национальные имущества, достаточные для того, чтобы обеспечить каждого

из них пропитанием. С получением этого воздаяния, достойного их трудов, они спокойно и счастливо провели бы в почетной отставке остаток жизни, создали бы множество новых семей, вырастили новое поколение в любви к отечеству, в котором — как они с гордостью могли считать — сами они заложили счастье; тысячу раз, всё с новым воодушевлением, с новой нежностью они рассказывали бы своим восхищенным детям о мужестве, об отважных поступках, благодаря которым им удалось сбросить иго угнетателей и богачей и заложить основы своей независимости. Вместо всего этого кем будут они? Что стало с собственностью, которая была им торжественно обещана и гарантирована множеством декретов? Она употреблена на укрепление миллиарда наличными, т. е. 300 нынешних миллиардов бумажными деньгами. Где они, государственные владения республики, эквивалентные этой сумме? Их вернули изменникам, у которых они справедливо были конфискованы. Возвратившись в свою хижину, защитник отечества не должен был застать ее более во владении наглого мелкопоместного дворянина, который в качестве собственника всей земли заставлял его отца трудиться, подобно рабу, обращаясь с ним во всех отношениях как с рабом, не кормил его и в половину и не допускал, чтобы он был одет. На обширных владениях, захваченных этим иенасытным чудовищем, защитник отечества должен был найти свою долю,

достаточную для того, чтобы собрать с нее необходимое для его пропитания. Ничуть не бывало: он застанет этого чудовищного хищника еще более неистовым, еще более безжалостным чем когда-либо. В несчастном старом солдате тот увидит человека, который сражался против него, когда он был эмигрантом, который горячо желал его окончательной гибели и которому досадно, что эта гибель все еще не наступила. Человек из сословия сеньеров, заставит его долгое время раскаиваться в этом преступлении. Прежний защитник свободы проведет свою старость в жестоком порабощении и в ужасной нищете. Оскорбляемый в гораздо большей степени, чем его предки, унижаемый более чем они, поносимый позорными кличками — *босяк, каналья, чернь*, он должен будет, по прекрасному выражению предвидевшего все это автора подлинно народной газеты, «пресмыкаться перед наглым владычеством богачей, быть их рабом, трудиться за мизерную плату с раннего утра до позднего вечера; смачивать одним лишь потом свой небольшой кусок черного хлеба, иссущенного зноем... Счастливы еще те, которые смогут таким образом влачить далее свое существование; остальные... пойдут нищенствовать. Калеки на деревянных ногах, люди с раздробленными челюстями, руками и т. д. заполнят улицы и дороги; едва передвигая ноги, они будут направляться к дверям людей, живущих в довольстве и изобилии, обращаться с унизительной просьбой».

бой к сотне из них и в девяносто девяти случаях получать оскорбительный отказ, а в одном случае из ста мелкую монету, тысячную долю стоимости куска хлеба, необходимого для того, чтобы позавтракать».

Таково весьма наглядное, основанное на фактах обозрение будущего положения наших защитников, и вы должны приложить все ваши усилия к тому, чтобы помочь им увидеть это собственными глазами.

Скажите им далее, что именно от них зависит отвратить эту ужасную перспективу; что для этого надо только помочь народу и его друзьям вновь отвоевать права для всех. Тех из них, кому вы сможете довериться и кого сочтете способными предварительно распространять то, о чем мы вам сообщим, вы сможете даже заверить в том, что со дня, когда они помогут народу снова завладеть властью, они ни в чем не будут нуждаться: они будут иметь в изобилии все необходимое человеку. Скажите им, кроме того, что на другой день после этого всем воинам будет на всю жизнь обеспечено изобилие и самая счастливая участь. Это вовсе не далекие и легковесные обещания с нашей стороны; все это будет одновременно и немедленно осуществлено в действительности.

Чтобы лучше привести их к единственному подобающему народу и им, воинам, умонастроению, заставьте их призадуматься над тем, кем они являются сейчас и в кого хотят их превратить: над причиной, по которой их

привели к стенам Парижа. Пусть подумают о недостойном применении, которое намерены дать их штыкам, как и их рукам, и о славной роли, которую, напротив, они могут выполнить во имя своего же собственного счастья, как и счастья их сограждан. Изложите им эти соображения приблизительно в том же духе, в каком им излагал это упомянутый уже нами народный журналист, у которого мы заимствуем еще следующие слова:

«Что делают многочисленные отряды войск, окружающие лучший из городов, город революции, колыбель свободы... Зачем их призвали сюда?.. Не подняли ли мятеж его жители?.. Не идет ли речь о том, чтобы их подавить?.. Следовало бы разъяснить все эти вопросы.

Не в защиту подлинного народа воины свободы грозно опоясали стены Парижа. С этим подлинным народом, народом тружеников, народом рабочих... здесь обращаются плохо, ему затыкают рот, его презирают, морят голодом, разоряют... биржевики и мошенники. Это-то отродье и подняло совершенно открыто преступнейший мятеж против подлинного народа. Но разве для того, чтобы подавить угнетателей и защитить угнетаемых наши воины выставляют тройной ряд штыков вокруг всего Парижа? Нет, совсем напротив... их оружие и силу хотят употребить для того, чтобы окончательно закабалить угнетаемого под игом угнетателя, сохранить за последним его ненавистное господ-

ство, удерживать и в дальнейшем народ в жалком бессилии! О, если бы именно народ хотели защитить, то тогда незачем было бы разгонять тех из его братьев, назначение которых как раз и состоит в том, чтобы бороться против его внешних врагов. Народ, кроме того, обошелся бы без помощи извне. Но когда массу народа хотят принести в жертву одной его части, тогда является нужда в посторонней помощи... и эту помощь находят в людях, главной обязанностью которых считают послушание. Именно тогда, когда правительство и единственно покровительствуемая им порочная каста потеряли всякий стыд; когда бесстыдно и неприкрыто в самом гнусном сообществе они с помощью свирепых постановлений, которые они смеют называть законами, узаконили всякого рода несправедливости, самую ужасающую нищету, возмутительнейшее порабощение; когда мера их преступлений перешла всякие границы и сделалась настолько очевидной, что долготерпению народа пришел конец и от его легковерия не осталось и следа... — тогда именно обращают взор к армии! Тогда для сохранения, дляувековечения такой системы угнетения вооружают тех, кто покарал королей! Тогда учреждают военное правление, чтобы принудить народ подчиниться режиму, при котором хотят, чтобы он жил... голодный, раздетый, лишенный свободы... и притом чтобы отцы... мужья... сыновья... братья... родственники... сами навязали ему все это и,

в случае неудачи, убивали своих же детей, жен, отцов, братьев, друзей, родственников! Солдат, вышедших из народа, являющихся тем же народом, противопоставляют другой части народа; при их помощи хотят упрочить это состояние рабства, унижения и голода... в тысячу раз худшее, нежели былое рабство, против которого шесть лет тому назад так разумно было поднято восстание.

Нет, французские солдаты не будут гнусными сателлитами, жестоким и слепым оружием в руках врагов народа и, следовательно, в руках ваших врагов... Только в тех случаях, когда власть стала преступной и хочет продолжать быть таковой, она окружает себя штыками... Когда власть является справедливой, она неизменно сильна силой народа! К... укрепил себя войсками накануне 14 июля; известно, каковы были его намерения и какой суммой преступлений он хотел обеспечить себе безнаказанность... Разве преступным является рассмотрение того, не совершают ли то же самое его подражатели, потому что они руководствуются теми же мотивами, что и он?

Наши воины вспомнят, что армия К..., хотя и прошла школу монархической дисциплины, вела себя прекрасно; она вспомнила, что происходит из народа; французские гвардейцы, опустившие ружья вниз перед санкюлотами,⁹⁸ — вот пример, который будет вызывать восхищение всех поколений...

Нет, нет, никто не скажет, что защитники

республики не оказались столь же великими, столь же благородными. Никто не скажет, что они заговорили таким ужасным языком: «Правители! Узурпаторы всех прав народа! Будьте покойны, не бойтесь; не придавайте значения единодушному воплю, который поднимают против вас и этот негодующий народ и его дерзновенные трибуны; оставайтесь глухи ко всем его жалобам; попирайте его назойливые протесты против вашего цага, ибо в конце концов он ведь создан для того, чтобы это него терпеть. Тираны! Мы ваши виновны: мы поддержим ваш деспотизм и весь ваш разбой. Если потребуется, мы раздавим, разгромим наших отцов и наших братьев! Мы выпустим внутренности из наших сестер и матерей! Мы уничтожим наших сыновей... чтобы поддержать ваше нестерпимое и беспримерное господство! Мы обязаны помочь вам прочно закабалить отчество! Наши собственные цепи должны быть скреплены нашими же руками...»

Нет, и снова нет, никто не скажет, что защитники республики согласились быть лишь одушевленными машинами, живыми паяцами, бездушными марионетками, слепо повинующимися любому побуждению их водителей. Никто не скажет, что они не рассуждают более или что, обманутые лицемерными и пустыми ласками, униzelьной раздачей вина, они помогли узурпаторскому и угнетательскому правительству навсегда поработить 24 миллиона их соотечественников».

И для вас, граждане, к которым мы обращаемся с этими первыми инструкциями, после того как мы разъяснили вам приблизительно каким образом, по нашему мнению, вы должны наставлять на путь истины наших вооруженных братьев, мы не прибавим ничего, чтобы внедрить в вас дух наших принципов и чтобы вы прониклись крайней важностью возлагаемой нами на вас задачи. Мы точно так же ничего не прибавим более, для того чтобы указать вам, какими способами вы можете нам в этом помочь. Ваше рвение, ваши знания, ваша гражданская доблесть дополнят и т. д. (см. шестой документ, стр. 139 и 140, начиная от этих последних слов и до конца).

Одннадцатый документ

СЛЕДУЕТ ЛИ ПОДЧИНЯТЬСЯ КОНСТИТУЦИИ 1795 г.⁹⁹

Давая клятву защищать свободу и равенство, все мы взаимно обязались никогда не признавать иной власти кроме власти народа и покарать тех лиц, кто захочет, силой или хитростью, нарушить его суверенную волю.

Это торжественное обязательство возлагает на всех нас долг хладнокровно и тщательно рассмотреть, является ли или не является правящее ныне Францией правительство под-

линио республиканским правительством, как того хотел народ.

Те, которые на наших глазах постоянно сражались в рядах защитников свободы, отвергают акт 1795 г. как контрреволюционный. Напротив, те, кто всегда настойчиво выступал лишь в защиту своих собственных интересов, превозносят этот акт как превосходнейший из законов, запрещают первым всё, вплоть до его изучения, и хотят навязать нам силой такое же религиозное его почитание, какого пять лет тому назад на Марсово поле требовали в отношении монархической конституции 1791 г.

В борьбу, исход которой должен успокоить сознание добродетельных людей, настоятельно необходимо внести пламенность принципов, развитых и применяемых в силу зрелого и независимого суждения людей и партий, ибо, в конце концов, если конституции 1795 г. присущи все черты законного акта, то мы обязаны ей подчиняться и защищать ее; но если она не обладает этими чертами, то свободолюбивые люди должны ее низвергнуть и покарать тех, кто поработил народ.

Я знаю, что уже одно желание беспристрастно исследовать то, что мы так заинтересованы знать, будет названо анархией, бунтом — излюбленными кличками двора до и после 1789 г., излюбленными кличками Ляфайетта, Дюмурье, венецианского сената, папы и великого султана, кличками, означаю-

щими лишь то, что люди, облеченные властью, хотят ее сохранить за собой любой ценой; но мы, считающие для себя честью быть бунтовщиками и мятежниками по отношению ко всем антинародным властям, каким бы жаргоном они ни пользовались и какую бы маску ни надевали, мы всегда будем рекомендовать нашим согражданам обращаться к своему разуму, беспощадно восставать против всякой власти, идущей против принципов, от нее исходящих.

До знаменитого доклада комиссии одиннадцати¹⁰⁰ мы пользовались конституцией 1793 г. *, которая была повсеместно признана подлинным законом французского народа, ибо она получила его официальную санкцию, выраженную 4800 тысячами голосовавших в первичных собраниях, посланцы которых в количестве 8 тысяч подтвердили эту волю в навсегда памятный день 10 августа 1793 г. Достойными уважения этот закон и принялший его народ делали в глазах человечества именно предписываемое им равенство в правах, гарантируемое каждому французу, в том числе лицам, находящимся в услужении, независимо от их имущественного положения; необходимое участие народа в выработке

* Эта конституция, о которой человек, обладающий чувствительностью, думает с нежностью, являла собой первый пример обеспечения всем гражданам благосостояния и просвещения в силу основного закона государства.

закона и свобода действий, которую он сохранял за собой, чтобы заставить прислушиваться к его голосу и уважать его; обстоятельства, которые — что бы ни говорили наши государственные мужи — подрывали корень всяких конвульсий путем уничтожения всякого противоречия между волей народа и волей его уполномоченных. Пусть соизволят посмотреть, как двадцатая часть народа без всяких потрясений пресекает преступления или ошибки своих агентов и поощряет действительное суждение о них всех граждан!

Когда поклонникам нынешнего строя говорят о прекрасных чертах конституции 1793 г., они в ответ ссылаются на последовавшую за этим волю народа, имевшего право — как они заявляют — внести изменения в конституцию, что он якобы и сделал в действительности, приняв конституцию 1795 г.

Не подлежит сомнению, что если бы французский народ свободно принял эту конституцию, то ей обязаны были бы подчиняться вплоть до того момента, когда он принял бы другую конституцию. Но именно об этом, относительно чего не существует соглашенности, необходимо самым строгим образом повести суждение.

Весь народ или только часть народа требовала этого изменения? Отнюдь не весь народ: народ единодушно и во всеуслышание требовал своей конституции 1793 г., свидетельством чему служат многочисленные обращения коммун, народных обществ и войск;

об этом свидетельствуют сцены, происходившие в прериалие в Париже и почти одновременно на севере и на юге республики; об этом свидетельствуют акты Конвента, который с целью воздания должного уважения воле народа и его успокоения относительно предмета его забот декретом от 1 жерминаля того же года карал ссылкой всякого, кто будет высказываться против конституции 1793 г.

В статье 115 этой конституции народ предписывал, чтобы всякое требование изменения конституции непременно исходило от него и ни в коем случае не могло исходить от Законодательного собрания. Между тем знаменная комиссия одиннадцати, полномочия которой ограничивались предложением организических законов конституции 1793 г., выступила в Конвенте с разглагольствованиями, направленными против воли народа, которую она квалифицировала как *тиранию народа*, и даже сам Конвент, позабыв о своих обязанностях и о данных им клятвах, не уничтожил эту комиссию и, казалось, готов был некоторое время спустя предложить народу ее антинародное творение 1795 г.

Более чем очевидно, что комиссия одиннадцати и члены Конвента, голосовавшие за изменение конституции, превысили свои полномочия и изменили народу, открыто нарушив его ясно выраженную в торжественной форме волю.

Вместе с тем имели место и такие события, которые преступники называли утверждением

народа. Они прикрывались им для того, чтобы узаконить свои преступления и избежать кары, которую со всей очевидностью они на себя навлекли.

Конституционный акт 1795 г. был, правда, направлен в первичные собрания и в воинские части,* протоколами собраний которых, похищенными заинтересованными в этом лицами, было констатировано, что за его утверждение голосовало 900 тысяч граждан. Если это утверждение есть выражение свободной воли народа, то в таком случае берет верх конституция 1795 г., но если это не более как акт насилия... Посмотрим.

За конституцию 1793 г. голосовало 4800 тысяч граждан, акт 1795 г. одобрили только 900 тысяч граждан. Что стало с остальными 3900 тысяч граждан? Либо их пожелание не было зафиксировано, либо они не явились на выборные собрания. Если действительности соответствует первая гипотеза, то этим обнаруживается преступление творцов конституции 1795 г.; если принять вторую гипотезу, то понадобится рассмотреть, можно ли на основании молчания 3900 тысяч граждан, которые до этого высказывались,

* Конституция 1793 г. не рассыпалась по войскам, тем не менее она собрала 4800 тысяч голосов. Какое оправдание можно найти законодателю, который, прибегнув к мнению солдат, находящихся в постоянном подчинении у своих начальников, добивается с помощью штыков согласия граждан?!

строить предположение об изменении воли и о молчаливом на то согласии, или такое воздержание явилось следствием насилия со стороны контрреволюционеров.

Но для того чтобы это молчание могло быть принято за согласие, необходимо, по всем правилам науки о праве, чтобы было доказано:

1. Что эти 3900 тысяч граждан имели возможность принять участие в собраниях и не подверглись бы никакой опасности, в случае если бы они высказались против акта 1795 г.

2. Что этот акт не нарушает естественных и неотъемлемых прав граждан, ибо в противном случае самое официальное согласие должно быть рассматриваемо лишь как акт безумия и ослепления, отнюдь не носящий обязательный характер; и в этом случае согласие одних будет очевидным актом принуждения против других.

Пусть, вспомнят, какая участь постигла в Париже, в Тулоне, в Валансье людей, которые в прериале III года требовали осуществления конституции 1793 г.; пусть вспомнят, как Конвент приказал расстреливать и избивать народ, который этого требовал; как он, не считаясь с законами и формами, им же предписанными, и самым ужасным образом нарушая правосудие и пре-небрегая стыдом, убивал и изгонял тех из своих членов, которые не желали делить с ним позор измены, вина которой ложилась на Конвент; пусть вспомнят о долгом и же-

стоком преследований защитников конституции 1793 г. как в самой Франции, так и в войсках, и пусть затем судят о том, пользовались ли свободой граждане, воздержавшиеся на первичных собраниях, чтобы избежать преследований, которым подвергали в то время всю Францию ее новые тираны.*

О, если такое воздержание, столь настоятельно диктовавшееся террором, учинившимся над лучшими людьми путем казней и тюремного заключения самых пылких друзей народа, — если такое воздержание может оправдать в наших глазах акт 1795 г., тогда не станем более разглагольствовать против восточного деспотизма, покоящегося на такой же основе.

А 200 тысяч граждан, умирающих в темницах, а 100 тысяч граждан, которым пришлось бежать, чтобы избегнуть меча контрреволюционеров, а все те, кого они лишили права голосования в первичных собраниях, — относительно их вы также скажете, что они дали молчаливое согласие? Разве не правда, что акт 1795 г. отнял у народа неотъемлемое право изменить свою конституцию и санкционировать законы? Разве не правда, что этот акт лишает прав гражданства французов, которые не в состоянии платить налог,

* Жертвам террора не мешает напомнить, что в период утверждения конституции 1793 г. 8 тысяч посланцев народа еще не прибегали к террору.

равный трехдневной заработной плате, как и французов, находящихся в услужении? * Разве не правда, что через пять лет люди, не умеющие ни читать, ни писать, не смогут пользоваться правами гражданства при положении, когда конституция не обеспечивает неимущему классу средств просвещения? Разве не правда, что в городах тот, кто не платит квартирной платы, равной 150-дневному заработка, а в сельских местностях тот, кто не является арендатором или половником, ** не может быть ни избирателем, ни присяжным заседателем. Разве не правда, что представителей народа, которые — как предполагается — должны провозглашать волю народа, избирает не народ, и власть свою они получают из рук самого имущего класса, самого жестокого и самого порочного из всех классов нации? Французы, если вы сомневаетесь в этом, откройте акт 1795 г. и вы обнаружите в нем все эти неправедности, скрепленные кровью наших друзей, принесенных в прериалие прошлого года в жертву неистовому властолюбию патрициев.

Вы хотите, тираны, чтобы это воздержание считалось согласием? Но вы, быть может, скажете также, что 24 миллиона человек, лишенных таким образом всех прав, дали со-

* Это исключение касалось по крайней мере шестой части граждан.

** Условие, исключавшее поденщиков и рабочих.

гласие на свое порабощение? Вы, быть может, скажете, что французы, проливавшие свою кровь во имя свободы, сами отказались от всякого участия в осуществлении суверенитета, чтобы, подобно американским неграм, извиваться под ударами беспощадного кнута плантаторов. Скажите лучше, что такова была воля меньшинства, в руках которого ключи к власти и к наслаждениям, и мы ответим вам, что там, где нарушено равенство в правах для каждого члена ассоциации, там не существует более общества, там существует лишь угнетение, с одной стороны, и обязанность сопротивления — с другой.

Повторяем:

За конституцию 1793 г. голосовало 4800 тысяч человек.

Позднее конституция 1795 г. собрала 900 тысяч голосов.

В отношении этой конституции воздержалось 3900 тысяч человек.

Воздержание не есть молчаливое согласие:

1. Ибо это воздержание диктовалось долгим террором, убийствами и тюремным заключением патриотов.

2. Ибо конституционный акт 1795 г. нарушает естественные права человека, отказать в которых ему не может никто.

Следовательно, это воздержание является официальным непризнанием.

Из этого рассуждения, ответить на которое мы вызываем всех виновников неравенства, следует:

1. Что конституция 1793 г. является единственным и подлинным законом французского народа.

2. Что акт 1795 г. является результатом насилия и тирании, защита которого есть преступление.

3. Что никто не может осуществлять полномочия, исходящие из этого контрреволюционного акта, не совершив тем самым измены по отношению к народу.

Париж, 24 жерминаля IV года.

Двенадцатый документ

ОБРАЩЕНИЕ «НАРОДНОГО ТРИБУНА» К ВНУТРЕННИМ ВОЙСКАМ *¹⁰¹

Воины!

Когда-то в республике, стоявшей большего, чем стоит наша нынешняя республика, армия и народ располагали тем, чем мы не располагаем. Рим имел своих народных и военных трибунов. Это были должностные лица, которых закон назначил постоянными защитниками народа и армии. Народные трибуны избирались народом и обязаны были непрерывно заботиться о том, чтобы не было никакого покушения на его права; они дол-

* Выдержка из «Народного трибуна», № 41.

жны были непрерывно и внимательно следить за тем, чтобы обуздывать властолюбие и несправедливость сената и патрициев или богачей, и они имели возможность противиться всякому закону, который, как им казалось, находился в противоречии с общими интересами и общим счастьем. Военные трибуны, таким же образом избиравшиеся воинами, носили такую же обязанность заботиться о них, отстаивать их права, постоянно противодействовать тому, чтобы его притесняли, обманывали и предавали.

Во Франции это высокое звание трибуна не было учреждено в конституционном порядке. Тот, кто обращается к вам, осознал, насколько полезно, чтобы такое звание существовало по крайней мере морально. Через посредство периодического органа я сделался народным трибуном. Это лишь весьма урезанная форма римского трибунаты. Я пользуюсь лишь правом (которое у меня еще оспаривают) наблюдать и следить за деятельностью правительства и предупреждать моих сограждан, когда замечаю такие действия, которые, как мне кажется, нарушают правосудие и противоречат их общим интересам. Правом оппозиции я не пользуюсь. Я лишь частично оказываю влияние на общественное мнение, и это частичное влияние измеряется степенью внушаемого мною доверия.

Разительная очевидность истин, которые я представил народу, привлекла ко мне, если я сужу правильно, значительную часть этого

народа, большую и притом интересную и полезную его часть; ту часть, от которой вы сами происходите, воины! Наконец, ту, которую именуют плебейской. Так что независимо от конституционного установления это звание трибуна, в силу согласия народа и его санкции, вовсе не является иллюзорным. Следовательно, во Франции, как и в Риме, у народа в действительности имеется трибунат. Смею заявить, что французский народ обладает им так же реально, как им обладали римляне во времена лучших трибунов, при Люции-Юнии, при Бисцелине, при Арсе, Дентате, Кануле, Столоне, при Гракхах. Подобно им, я горжусь тем, что заслужил ненависть предателей, доверие и уважение большинства моих сограждан.

При таком доверии право оппозиции, которым я не располагаю ввиду отсутствия легального установления, тем не менее в значительной части осуществляется в пользу народа вследствие того, что он вообще разделяет мои осуждения действий правительства, противоречащих, как я доказываю, истинным интересам и правам народа. Осведомленный о всех испытываемых им несправедливостях, народ лишает силы решения его преступных уполномоченных. И это широкое и всеобщее выражение недовольства с его стороны стебит формальной оппозиции, ибо и самая ловкая тирания не может долгое время сохранять существование того, что отвергает народ.

Почему же при наличии преимуществ,

почти равных преимуществам трибунов Рима, я до сих пор не добился успехов, которые они обычно одерживали? О братья мои, вам следовало бы об этом догадаться! Из того, что я сказал вам, вы увидите, что нам еще кое-чего нехватает, для того чтобы равняться с римлянами. Так, я являюсь лишь народным трибуном, и у вас совершенно отсутствуют военные трибуны.

Если обратиться к заявлению некоторых лиц, то легко можно заметить этот пробел. Если верить им, то ваше общественное сознание и ваши революционные познания стоят вообще далеко не на той высоте, на какой стоят познания и общественное сознание прочих граждан... Они уверяют, что своим поведением вы сумеете оправдать следующее выражение, сорвавшееся с уст некоторых правителей: наши солдаты защищают нас. Тем не менее, мне известно, что далеко не все вы замкнулись в узком кругу рабских идей и взглядов.

Нельзя, однако, скрывать от себя, что значительная часть простых людей среди вас, вследствие отсутствия должного просвещения, может позволить увлечь себя пагубным заблуждениям. Я предлагаю просветить вас как и быть вашим военным трибуном. Разве это звание не совместимо, вполне естественно, со званием народного трибуна... Разве и вы также не являетесь народом?.. Разве ваши интересы отличаются от интересов ваших братьев, составляющих гражданское население?..

И разве тот, кто пользуется его доверием... не может пользоваться и вашим доверием?.. Прислушайтесь же к нему, послушайте, как он смело защищает ваше дело! Как он мужественно отстаивает лучшие ваши права! Как он указывает вам, чтó вам надлежит делать в ваших интересах, как и в интересах народа, часть которого вы составляете и к которому вы принадлежите...

Что делаете вы, окружив в таком большом количестве лучший из городов, город революции, колыбель свободы? Зачем вас призвали сюда? Не подняли ли мятеж его жители? Не идет ли речь о том, чтобы их подавить?.. Вот вопросы, которые следовало бы разъяснить!

Не в защиту подлинного народа вы грозно опоясали наши стены! С этим подлинным народом, народом трудовым, народом рабочим... здесь обращаются плохо, ему затыкают рот, его презирают, морят голодом, разоряют биржевики и мошенники... Это-то отродье и подняло здесь преступнейший мятеж против настоящего народа! По разве вы выставляете тройной ряд штыков вокруг всего Парижа для того, чтобы подавить угнетателей и защитить угнетаемых? Нет, совсем напротив... Ваше оружие и силу хотят употребить на то, чтобы окончательно закабалить угнетаемого под игом угнетателей! Сохранить за ними их ненавистное господство, а народ удерживать и далее в страданиях и в жалком бессилии! О, если бы именно народ хотели защитить,

незачем было бы разгонять тех из его братьев, назначение которых как раз и состоит в том, чтобы бороться против его внешних врагов! Народ, кроме того, обошелся бы без посторонней помощи! Но именно тогда, когда массу народа хотят принести в жертву одной его части, является нужда в помощи посторонних людей, и тогда этих людей находят среди тех, кого считают обязанными быть главным образом послушными... Когда правительство и единственно покровительствуемая им порочная каста потеряли всякий стыд; когда беззастенчиво и неприкрыто, в самом гнусном сообщничестве они с помощью свирепых постановлений, которые они смеют называть законами... узаконили всякого рода несправедливости, самую ужасающую нищету, возмутительнейшее рабство!.. когда мера их преступлений перешла всякие границы и сделалась настолько очевидной, что долготерпению народа пришел конец и от его легковерия не осталось и следа... тогда именно обращают взор к вам! Тогда для сохранения, дляувековечения такой системы угнетения вооружают вас! Тогда учреждают военное правление для того, чтобы принудить народ подчиниться режиму, при котором хотят, чтобы он жил голодный, раздетый, лишенный свободы! Притом хотят, чтобы его отцы... мужья... сыновья... братья... родственники... навязали ему этот режим и, в случае неудачи, убивали своих детей, жен, отцов, братьев, сестер... друзей, родственников! И это вас,

людей из народа, и это вас, воинов республики, противопоставляют таким образом другой части народа!.. При вашей помощи хотят упрочить это состояние рабства, унижения и голода, в тысячу раз худшее, нежели былое рабство... против которого шесть лет назад мы подняли восстание!

Нет! Вы не станете гнусными сателлитами, жестоким и слепым орудием в руках врагов народа... и, следовательно, в руках ваших врагов!.. Повторяю вам, что только в тех случаях, когда власть сделалась преступной... и когда она хочет и в дальнейшем оставаться таковой, она окружает себя щтыками... Когда власть справедлива, она неизменно сильна силою народа! К... укрепил себя войсками накануне 14 июля; известно, каковы были его намерения и какой суммой преступлений он хотел обеспечить себе тем самым безнаказанность... Разве преступным является рассмотрение того, не совершают ли то же его подражатели, потому что руководствуются теми же мотивами, что и он.

Не забывайте, воины, что армия К..., хотя и прошла школу монархической дисциплины, вела себя прекрасно! Она вспомнила, что происходит из народа! Французские гвардейцы, опустившие ружья вниз перед санкюлотами... — вот пример, который будет вызывать восхищение всех поколений...

Увы, зачем напоминать нам о более близком и менее славном времени? 12 жерминаля и 1 прериля, когда батальоны..., рожден-

ные вместе с республикой... и прославившиеся в боях против сателлитов королей... подчинились двум рабам по имени Пишегрю¹⁰² и Мену¹⁰³ и совместно с ними преследовали одетый в лохмотья и умирающий от голода народ, их лавры потускнели!.. О, не будь этого рокового и бесчестного поведения, не существовало бы более ни нашего унижения, ни нашей нищеты! Эта битва против народа... причинила ему больше вреда, чем принесли ему пользу все достигнутые во имя его победы. Французским войскам... надо многое сделать для того, чтобы исправить это зло. Они заслуживают благодарность за 13 вандемьера; ибо если, как правило, оружие воина всегда должно быть опущено вниз перед подлинным народом, то существует исключение в отношении людей из народа, разукрашенных позолотой. Но сколько потребовалось бы таких дней, как 13 вандемьера, чтобы искупить позорные дни прериля? В вандемьере вы одержали победу, вы привели к гибели патрициев и сторонников королевской власти. Это хорошо... Все, что наносит удар этим двум чудовищным породам,— полезно и вполне заслужено ими. Но надо еще знать, с каким намерением наносится удар. Достаточно ли одной победы? Нет, надо, кроме того, использовать победу. Этого-то вы и не сделали в вандемьере. Это сказано в обращении Солиньяка, недавно появившемся от имени первой дивизии внутренних войск. Люди 13 вандемьера сражались ради интерес-

сов правительства. Это печальная истинна и, быть может, единственная, содержащаяся в этом презренном сочинении. Гнусный унтер-офицер Солиньян был столь же достоин ее начертать, как и лицемерно связать с именем внутренних войск свое рабское деяние. Да! К несчастью... вы сражались и победили в вандемьере только в интересах правительства!.. Вы могли сделать победу плодотворной и решающей для народа и для вас; вместо этого, правительство, в интересах которого вы эту победу одержали, отблагодарило вас тем, что еще более поработило и народ и вас. Сможете ли вы оказаться более благоразумными, когда к этому представится случай? Будете ли вы на этот раз сражаться в интересах народа?.. Я не могу не верить в это. Этот гнусный язык, эти верноподданныческие выражения, которые бесчестный Солиньян вам приписал, не могут служить выражением ваших чувств!.. «Как,— скажете вы,— нашими штыками распоряжаются наши начальники!.. Нас вооружают в интересах тех, в чьих руках находится национальная власть!.. Мы являемся защитниками... правительства!..» Боже! Эти рабские слова произносят республиканские воины! Они оскверняют свой язык этим губительным для свободы богохульством!.. Вы сказали бы так: «Правители, узурпаторы всех прав народа, будьте покойны... Не бойтесь... не придавайте значения единодушному воплю, который поднимают против вас и этот негодующий народ и его дерзновенные трибу-

ны! Оставайтесь глухи ко всем его жалобам; попирайте его назойливые протесты против вашего ига, ибо в конце концов он создан для того, чтобы это иго терпеть... Тираны, мы ваши воины! Мы поддержим ваш деспотизм и весь ваш разбой. Если потребуется, мы раздавим, разгромим наших отцов и братьев!! Мы выпустим внутренности нашим сестрам и матерям! Мы уничтожим наших сыновей,

чтобы поддержать ваше нестерпимое и беспримерное господство!! Мы обязаны помочь вам прочно закабалить отчество! Наши собственные цепи должны быть скреплены нашими же руками!.. Что ж! Разве не являемся мы лишь одушевленными машинами, живыми паяцами, бездушными марионетками, обязанными слепо подчиняться любому побуждению наших водителей? Наши штыками управляют наши начальники!.. Мы являемся защитниками правительства. К тому же, разве оно не оплачивает нас за это хорошо? Чего же нам жаловаться? Разве нам не выдают с некоторого времени двойной и тройной порции водки? Что может быть дороже этого? Какое нам дело, что в награду за это неоденимое наслаждение от нас требуют, чтобы мы содействовали закабалению наших современников, как и будущих поколений? Какое нам дело до того, что скоро, через месяц, через восемь дней, с завтрашнего дня наши семьи и мы сами не будем более в живых?

Сегодня у нас есть водка! Нам когда-то обещали и даже гарантировали путем торжественных декретов собственность... на землю... пенсии... но разве мы созданы для того, чтобы пользоваться такими преимуществами? Не глупо ли считать, что революция совершилась ради наших интересов? Она, в добный час, служит на пользу нашим начальникам. Разве не лестно должно быть для нас, что Директория выдает нашему генералу Бонапарту 800 тысяч франков на содержание его дома? начальнику нашего генерального штаба Дювеню — самый прекрасный из дворцовых выездов Орлеанов и т. д.* Все это восхитительно. Все это должно радовать

* Говорят, будто такие же развращающие приемы были предприняты и в отношении Журдана.¹⁰⁴ Добавляют, что учитывая степень сопротивления этого генерала, которую можно было предвидеть, этим приемам, с целью их эффективности, был придан еще более соблазнительный характер, нежели приемам, применявшимся в отношении всех прочих. Говорили о пышки чистокровных лошадях и о полной упряжи; о великолепных празднествах у барона Бенезек;¹⁰⁵ о блестящих балах, устраивавшихся этим любимым министром Директории в честь жены героя Северной армии, об исключительной чести предоставления, кроме того, в распоряжение гражданки Журдан кареты люксембургского двора. Уверяют, однако, что Журдан, весьма мало чувствительный к этому заискиванию, остался таким же, каким был, генералом свободы и что он продолжает заслуженно пользоваться доверием народа и солдат.

глаз солдата, и, несомненно, с него довольно того, что его глаза вдоволь нагляделись на такое зрелище. Чего же нам надо еще, нам, в большинстве своем нищим крестьянам, сыновьям рабочих и неотесанным простолюдинам? Наши отцы были стадом каналий, которые почитали за высшее счастье возможность благоговейно внимать своим господам и сеньерам. Считалась милостью даже самая возможность лицезреть людей высшего общества. Счастье наших отцов состояло в том, чтобы трудиться за четверых и лишь наполовину утолять свой голод; оно состояло в том, чтобы с удовлетворением узнать, что плоды их тяжкого труда доставляют чрезмерные удовольствия и радости незначительному меньшинству погрязших в пороках бездельников. Чего нам еще надо? Разве мы не потомки этой черни? Разве не она произвела нас на свет нагими? Нечего нам, следовательно, претендовать на иные права, нежели те, какими пользовалась сама эта чернь. Пусть нам говорят о земле, о пенсиях в награду за наши подвиги в борьбе против врагов революции. Нет, нет, мы не созданы для этих наград. Хорошо было их обещать в то время, когда надо было побудить нас к тому, чтобы зачисляться в полки и изгнать тех, кто хотел разжечь пожар по всей Франции,— но мы отнюдь не должны считать, что нам давали эти обещания серьезно. Обращая взор на наших нищих отцов, мы должны ожидать, что будем такими же нищими, как

и они; что, подобно им, мы будем пресмыкаться перед наглым владычеством богачей; будем рабами; за ничтожную заработную плату будем трудиться с раннего утра до поздней ночи; будем смачивать одним лишь побтом небольшой кусок черного хлеба, иссохшего под знойными лучами солнца!.. Счастливы еще те из нас, которые смогут таким образом влечь далее свое существование! Остальные... пойдут нищенствовать. На улицах и дорогах то и дело будут встречаться калеки на деревянных ногах, люди с раздробленными челюстями, руками и т. д.; едва передвигая ноги, они будут направляться к дверям людей, живущих в довольстве, обращаться с унизительной просьбой к сотне из них и в девяносто девяти случаях получать отказ вместе с оскорблением, а у сотой двери получать мелкую монету, тысячную долю стоимости хлеба, необходимого для того, чтобы позавтракать... Но, воины республики, не будем на все это обращать внимания. Правительство дает нам сейчас водку, постараемся же забыться, не станем заглядывать в будущее. Не станем даже разбираться в том, почему оно дает нам эту водку. Удалим прочь этих жалких проповедников, твердящих нам о том, что ее выдают нам с целью снискать этим наше рабское послушание и привести тем самым революцию к прямо противоположному результату, нежели тот, в расчете на который она была предпринята. Они утверждают, будто это делается для

того, чтобы побудить нас сдерживать народ, который хочет снова отвоевать свои и наши права в борьбе против правительства, узурпировавшего все эти права. Они заявляют далее, будто это специально делается против наших интересов,— для того чтобы упрочить и гарантировать возвращение эмигрантам и контрреволюционерам их законно конфискованного имущества, которое предназначалось нам в вознаграждение,— возвращение и обратное получение которого вызвали обесценение ассигнаций и разорение народа... Они заявляют, что, поддерживая такие акты правительства, после того как мы содействовали осуществлению революции, мы осуществляем контрреволюцию, поскольку мы способствуем тому, чтобы обратить революцию к выгоде ее врагов; поскольку мы помогаем им вновь войти в обладание имуществом, которое стало нашей собственностью, и, следовательно, делаем для них больше того, чем если бы мы только сами за себя отказывались от этого имущества, ибо мы защищаем тех, кто вырывает его у нас из рук... Вот что утверждают люди, желающие быть более прозорливыми, чем другие. Но не станем их слушать. Нам выдают водку — это всё, что нам нужно! Так будем же притеснять народ, наши семьи и себя самих, не станем считаться ни с кем, кроме наших начальников, будем прислушиваться только к их голосу; они одни должны направлять наши штыки. Мы не более как

автоматы, грубые и дикие, неспособные ни думать, ни чувствовать, ни рассуждать. Голову направо, голову налево — вот все, что нам надлежит знать. Целься! Огонь! — мы не должны спрашивать, кто стоит перед нами».

Вот какие ужасные, бредовые рассуждения приписывают вам, воины республики. Но какое счастье, что вы не рассуждаете так! Нет, вы не станете палачами отечества и своими собственными палачами. Вы любите народ, так же как и он вас любит, вы постоянно будете его защищать, так же как и он защищает вас. Если бы оказалось возможным, чтобы вы забыли себя, чтобы вы не настаивали на ваших неоспоримых правах и не требовали их, то народ настаивал бы на них и потребовал бы их для вас. Вам следовало бы уже заметить, насколько не безразлично он относится к вашей участи, насколько он братски озабочен ею. Его заботы о вас, его тревога за ваше будущее — это нежность отца к своим детям. О, разве в действительности это не так? И эта любящая мать, родина, которая никогда не теряет вас из виду; которая беспокойным взглядом и сердцем, полным любви, постоянно следит за вами как во время случайных, так и во время знаменитых ваших удач; которая в период, когда тираническая извращенность, одержав верх над ее доброжелательством, осуждала вас на лишения и на дурное во всех отношениях обращение, отдала вам последнюю дань сво-

его сердца, исходя в стенаниях о вашем положении. Эта нежная мать — говорю я — всегда питает к вам неизменный интерес. Нет сомнения, что она не встретит неблагодарности со стороны своих сыновей. Прислушайтесь к тому, о чем она бывает к вам устами народных писателей. Вслушайтесь в последние звуки голосов на патриотических собраниях, разогнанных и преследуемых главным образом за то, что они требовали для вас того, что было обеспечено за вами в лучшие дни республики, в 93 году! Общество Пантеон стало преступным в глазах деспотизма, как только оно осмелилось в обращении к Совету пятисот выразиться следующим образом:

«...Ухудшили общественное благосостояние тем, что вернули всем без различия семьям предателей... справедливо конфискованные у них владения; нацию отдали в некотором роде на произвол и разграбление торговцам, и одни только богачи получили патент на привилегированное существование... Все декреты, исходящие от Законодательного собрания, носят отпечаток системы предшествовавшей сессии; они увеличивают предубеждения и недоверие, вместо того чтобы их уменьшить. Установив различия между звонкой монетой и бумажными деньгами, зафиксировав пропорцию между теми и другими деньгами как один к ста и к ста пятидесяти, вы собственной рукой нанесли денежной системе смертельный удар...»

Пантеон! Воины отечества, при этом слове, при слове якобинцы, те из вас, кто одержим предубеждениями, которые сеет аристократия, отступают, преисполненные отвращения. Те же, которые правильнее все оценивают и не подвержены заблуждениям, знают, что эти два наименования тождественны словам *лучшие друзья народа*. И тогда эти люди задают себе вопрос: где они, эти якобинцы и эти люди из Пантеона? Успокойтесь, друзья, они живы. Войско, которое отступило, вовсе не потерпело поражения. Каждый из них продолжает втайне работать в интересах народа, входящего в состав гражданского населения, как и в интересах народа, находящегося под ружьем. Пантеон существует не в одном только Париже, он существует также в различных пунктах республики. Мне, в качестве трибуна всей этой республики, в качестве почетного члена и участника всех этих академий настоящего республиканизма, собирающего результаты их лучших работ, мне надлежит довести о них до сведения наших братьев, показать им, где находится их самая прочная поддержка. Воины! Отправляйтесь на север; ищите истинных защитников ваших прав в краях, где сам климат создает дарования гораздо более глубокие, нежели блестящие, более упорные в своей непоколебимости, нежели увлекающиеся на короткое время, более смелые в своем ревностном стремлении к добру, нежели способные к поверхностному суждению. Отправляйтесь в

город, который был свидетелем рождения героя демократии и где ваш трибун отбывал ссылку. В Аррасе также существует общество Пантеон, не менее плебейское, нежели общество, которое неограниченная власть считала нужным превратить в руины в центральной коммуне. Вот, республиканские воины, те места, где у вас и у народа имеются еще мужественные, энергичные друзья. Прочтите же о том, что они для вас сделали, и скажите нам: не служат ли они вам так же хорошо, как если бы вы сами это сделали?

*Обращение нижеподписавшихся патриотов
Арраса к совету пятисот*

Законодатели!

Национальный конвент, издавая декреты от 4 и 16 июня 93 года, от 16 вандемьера, 5 нивоза, 21 плювиоза, 24 флореяля и 13 прериля II года, несомненно имел целью обеспечить родственникам мужественных защитников отечества пособия, которые могли бы удовлетворить настоятельные их нужды!.. Чрезвычайная дороговизна съестных припасов, полное обесценение бумажных денег, которыми приходится за них расплачиваться, отсутствие работы и незначительная плата, которую они получают за свой труд,— всё это должно очевидностью доказать вам, что суммы, которые им до сих пор пожалованы, не только недостаточны, но и весьма далеки от действительной цели, имевшейся в виду...

Законодатели! Вам-то и надлежит устраниć злоупотребления, столь же губительные для человечества, сколь позорные для республики... Именно за вами сохраняется честь осуществления законов, недавно изданных в интересах отважных и мужественных воинов свободы!.. Один из декретов гласит о том, что будет сохранено на 300 миллионов национальных имуществ, которые будут им разданы частями, как только они окончательно возвратятся из армии! Принятая вами недавно резолюция определенно гласит, что будут исключены из продажи и оставлены в резерве имущества на сумму в миллиард франков наличными.* Эти распоряжения несомненно хороши, однако их недостаточно, чтобы успокоить наших воинов и друзей равенства относительно колебаний законодательных органов. Почему же нельзя уже сейчас издать приказ о необходимости принять меры, способные снова поднять дух наших братьев по оружию и помочь им бодро переносить тяготы и опасности войны? Почему их семьи, которые все почти пребывают в ужасающей нищете, не могут до их возвращения воспользоваться вознаграждением, пожалованным за заслуги их близким?

* Миллиард наличными! При нынешнем курсе — один к тремстам — это 300 миллиардов бумажными деньгами. Это стоит того, чтобы заявить протест. Однако где же резервированные на эту сумму национальные владения?

Почему не могут они заселить и обработать те самые земли, за обладание которыми столько героев пролили и продолжают ежедневно проливать свою кровь на фронтах! Законодатели! Не станем скрывать от вас, мы опасаемся, как бы обманным путем не лишили их привилегии, доставшейся им столь дорогой ценой! Положите же конец клеветническим выпадам врагов республики! Поскорее докажите демократам, что данные нашим воинам обещания отнюдь не призрачны! Немедленно издайте приказ о раздаче той части национальных имуществ, которая предназначалась вами в награду за их неустрашимость. Дайте их неимущим родственникам удовлетворение пользоваться плодами их мужества до их возвращения! Предоставьте всем им возможность возвести на этих местах строения, которые годились бы им для жилья по окончании их славных походов! Пусть им остается только одно — выражать пожелания о процветании государства, увековечению славы которого они так сильно содействовали!

Следуют подписи.

Воины! этими словами с вами говорит истинный народ. Не ради его блага вас хотят заинтересовать! Не для того, чтобы побудить вас служить народу, вас осыпают лицемерными ласками, вас спаивают вином и водкой. Это делается для того, чтобы вы решились продаться его врагам за ничтож-

ную плату. Они плохо знают вас, эти вероломные люди, которые хотят развратить вас. Они судят о вас по себе. Именно потому, что они подписали уже столь позорный договор, они считают, что вы, подобно им, падете так низко, что подчинитесь ему. Нет, нет! Оставайтесь неизменно людьми из народа. Поклянитесь на ваших саблях умереть только за народ. Вы видели, каков он, вы это и впредь увидите; он точно так же готов умереть за вас и вместе с вами. Я покидаю вас сегодня. Иначе я представил бы вам, вслед за пожеланием демократов Арраса, другие свидетельства о пожеланиях народа, высказанные в том же духе. Откладывая это до другого раза, мы вместе с тем неизменно предупреждаем деспотизм о том, что повсюду голос свободы и равенства возвышается над всеми человеконенавистническими заговорами. Пусть сейчас деспотизм еще пытается заглушить этот голос с усердной помощью тех, кто является его рупором!. Наученные несчастьем, раздраженные новым воспоминанием о глубоких, утонченных, многообразных изменах, жертвами которых они являются; предупрежденные о том, что произойдет с ними, если они уступят, все они в состоянииказать сопротивление новым попыткам; они знают, какое искусство и силу они должны противопоставить тем, кто посмеет снова вступить в борьбу с ними. В свою очередь и вы, благородные воины, тем более не станете ни сообщниками, ни жертвами обмана привер-

женцев угнетения. Власть имущие пустили в ход все ухищрения, но ни одно из них им не удастся. Они прибегают к хитрости, часто обновляя внутреннюю армию; они вас отдают от нас, считая, что, после того как мы открыли вам глаза, вы можете перестать видеть в нас врагов. Колонны, которые держат нас в состоянии осады, ежеминутно сменяются другими колоннами. К чему приведет нас вся эта уловка? К тому, что все французские войска одни за другими пройдут через нашу школу, прочтут наши пламенные писания и постепенно сбросят пелену, мешавшую им познать истину и оценить по достоинству злодеев, обманывающих их и нас.

Гракх Бабеф, народный трибун

Париж, 10 жерминаля IV года республики.

Тринадцатый документ

Париж, 30 плювиоза IV года

ГРАКХУ БАБЕФУ, НАРОДНОМУ ТРИБУНУ*

Я также хочу подлинного равенства. Мне скоро исполнится шестьдесят лет, а я не имею никакой или почти никакой собствен-

* Письмо, следующее далее в тексте, являлось ответом на это письмо.

ности. Я обременен шестью детьми, слишком юными еще, чтобы работать. Я имею несчастье не знать никакого ремесла, я не коммерсант, не посредник, не биржевик, не банкир, даже не конторский служащий; сколько настоящих мотивов желать подлинного равенства! Но, увы, разве оно возможно? Какая польза от того, что мне показали это блаженство в таком туманном отдалении, что я не надеюсь когда-либо до него добраться? Каким образом претворить его в жизнь? Это одни слова.

Я читал о том, что существовал раздел земли, но это продолжалось недолго. А почему? Вот что следует рассмотреть более глубоко.

Земля — это не всё, что следовало разделить, и я нигде не читал о том, чтобы где-либо, кроме как в религиозных или в приближающихся к ним общинах, существовала даже попытка произвести раздел произведений человеческого ума и изобретательности. Мы будем разбиты на мелкие общины? Допустим, что это так и будет и что я, например, отношу мою прелестную картину, превосходную машину, прекрасное изобретение, открытия в области физики, химии, гидравлики, естествознания, мою поэму, музыкальное произведение, виртуозное исполнение на скрипке, арфе и клавесине, гармоничные звуки моего голоса и т. д., и т. п. в общую сокровищницу действительного равенства вместе с моим соседом-сапожником,

чтобы получить одинаковые с ним боны на мясо, хлеб, вино и т. д., и т. п. Этого еще недостаточно; необходимо, чтобы это было длительно, необходимо чтобы не был уничтожен вкус, склонность и страсть к красоте, к совершенству в искусствах и ремеслах. Но допустим, что во имя подлинного равенства я окажусь способен на монашеское самоотречение от самых милых мне вкусов и наклонностей в интересах моего соседа-сапожника. Не понадобятся ли в таком случае начальствующие, настоятели, аббаты, исполнительные директории и т. д., и т. п., ибо не в наименованиях дело. Не понадобятся ли законы, т. е. взаимные соглашения? Не понадобится ли доверить абсолютно бескорыстным начальникам власть, равную по силе действия той реакции, на которую следует всегда рассчитывать, и рассчитывать со всей точностью, с точностью приспособлений для вращения вертela или часовой пружины. Какие только размышления не приходят на ум в данном случае!

Я слышал ссылки на Руссо и Мабли. Первый положительно заявил: чтобы жить в условиях подлинной демократии, людям необходимо быть полубогами. Второй далек от того, чтобы верить в возможность подлинного равенства на таком обширном и многонаселенном пространстве, как наша страна. Когда я размышляю об этом, а я размышляю об этом часто, моя голова кругом идет.

Трибун! изложи нам свой план; докажи нам со всей очевидностью возможность подлинного равенства; докажи нам, что оно может быть прочным, и дай нам в совершенно положительной форме способ его достижения, т. е. способ, в результате которого мы не будем годами находиться в состоянии анархии и при котором после попыток, после прискорбных и бесполезных жертв мы не окажемся в еще худшем положении, чем сейчас.

Подпись: М. В.

Продолжение тринацатого документа

ОТВЕТ НА ПИСЬМО ЗА ПОДПИСЬЮ М. В., ОПУБЛИКОВАННОЕ ПРОШЕДШЕГО 30 ПЛЮВИОЗА И АДРЕСОВАННОЕ НАРОДНОМУ ТРИБУНУ ГРАКХУ БАБЕФУ.¹⁰⁶

В подавленном обществе не должно существовать ни богатых, ни бедных.

Богачи, не желающие отказаться от своих излишков в пользу неимущих, являются врагами народа.

Конечная цель революции — уничтожение неравенства и восстановление всеобщего счастья.

Ст. 7, 8 и 10 Анализа доктрины трибуна, опубликованного в провозглашенного 20 жерминаля сего года.

Следует возможно скорее опубликовать следующие истины, адресованные в ответ автору письма от 30 плювиоза. Я отнюдь не

огорчен тем, что особые соображения заставили меня ждать до сих пор. Тезис, о котором идет речь в этом письме, более чем когда-либо стоит сейчас в порядке дня, и я льщу себя надеждой, что сейчас я привлеку разумное внимание к самому крупному из всех сюжетов, интересующих людей.

Каждого истинного республиканца должны радовать сомнения относительно осуществимости системы подлинного равенства, выдвинутые гражданином М. В. Если борьба, начатая во имя этой вершины человеческого возрождения, будет вестись друзьями свободы с тем же пылом, с каким они некогда боролись против феодально-монархического сооружения, то нет сомнения в том, что крушение варварской системы частной собственности приведет в скором времени к счастливым временам золотого века и подлинного братства на земле, совершенно изгнанного из нашего чудовищного общества честолюбием и алчностью.

Благородные души, устремившиеся на по-прище революционной борьбы исключительно в силу любви к человечеству! Настала пора атаковать при помощи великой силы разума неизменную причину всех зол, всех видов тирании — частное богатство. Проповедуемая нами доктрина имеет на своей стороне трезвые вычисления философии и авторитет великих людей античности, а также нашего времени. Она одна дает разумное определение революции, которая превратится в пре-

ступление, если, изменив лишь форму угнетения, она попрежнему оставит массу народа в несчастьях и порабощении, усугубленных обманутой надеждой на облегчение и упрощенных ростом числа и развращенностью угнетателей.

Прежде чем в ответ на сомнения гражданина М. В. бросить взгляд на доказательства возможности, справедливости и привлекательности системы подлинного равенства, необходимо снова поставить вопрос, который повидимому, ему неизвестен, если судить по тому, что, сказав о разделе земли, он добавил: «речь идет не только о самом разделе, но и о том, чтобы этот раздел был длительным».

Ничуть не бывало. Система равенства исключает всякий раздел; именно этому разделу наше общество, плод потребностей, страсти и невежества наших предков, обязано всеми видами тирании и всеми бедствиями, жертвой которых мы являемся.

До того как любой из наших предков мог заявить, что то или иное поле принадлежит ему, за ним должно было быть обеспечено пользование этим полем путем ясно выраженного, либо молчаливого соглашения. Счастливы были бы люди, если бы этого пагубного соглашения никогда не существовало. Именно оно и ввело в общество гибельные последствия силы и ловкости, которые вызывают вполне естественные и обоснованные

жалобы.* Именно оно и разобщило людей, возбудило в них алчность и на этом разрушительном пороке построило фундамент общества. Именно оно предоставило силе, хитрости и развращенности средства для уклонения от естественных условий социального пакта, предав истощению и скорби слабых, простых и добродетельных людей. Именно оно осудило на всевозможные лишения производителей всех благ и наградило празднолюбцев изобилием наслаждений. Именно оно способствовало тому, что насильственно удерживаемая в невежестве народная масса попала в расставленные для нее честолюбием и фанатизмом сети. Наконец, именно оно является источником всех видов тирании: 1) так как если бы не надежда утопать в удовольствиях, ничего не делая, никто не хотел бы быть монархом, дворянином, правителем; 2) так как нет большего вероломства, чем называть свободными людьми, осужденных на изнурительный труд без надежды пользоваться его плодами; людей, которые не могут заставить высушать себя за неимением свободного времени и вследствие вынужденного невежества, в котором они пребывают при нашем социальном строе.

Вот почему ничто не противоречит в боль-

* Естественное право существенно отличается от того, что называют естественным состоянием. Первое есть результат опыта и размышления; второе — продукт первобытных восприятий и невежества.

шай мере равенству и счастью, чем частная собственность или раздел земли, являющийся ее основным источником.

Более того. Этот раздел земли, к которому, по мнению некоторых, сводится предел нашего социального благополучия, еще более усугубит зло: он устрашит эгоизм собственников, на котором исключительно и покоится то, что ныне называют общественным процветанием; оно предопределит в ближайшее время возврат беспорядков, избавлением от которых — как на это претендуют — именно и является такой раздел.

Посмотрим теперь, что понимают под действительным равенством. В основе его лежат два существенных условия: общий для всех труд; общее пользование его плодами.

Прежде всего, поскольку труд является необходимым условием существования ассоциации, без которого она погибла бы, то никто не имел права уклониться от него, не совершая тем самым несправедливости. Тот, кто это сделал, уменьшил общественное благосостояние или переложил свою работу на соседа.

Два могучих соображения приходят на помощь этой системе: 1) этот общий для всех труд увеличит благосостояние общества, которое при настоящем положении может рассчитывать на полезный труд лишь небольшой части его членов; 2) труд, распределенный между всеми трудоспособными членами общества, избавит от нестерпимого бремени

тех, кого мы обрекли исключительно на тяжелый труд, и отнимет у других лишь весьма незначительную долю, которая в скопом времени превратится для всех в источник удовольствия и развлечения. Мне непонятно, как могут искренно считать наше положение наилучшим из возможных, тогда как огромная масса народа живет хуже, чем в первобытном состоянии. Взгляните на дикаря: охотится ли он, занимается ли он рыбной ловлей, земледелием — плоды его труда принадлежат ему одному, и он пользуется полным счастьем, доступным ему. Напротив, наши наемные рабочие, наши крестьяне, не сохраняя за собою никакого права пользования произведениями своего труда, как и права на счастье, каким оно представляется им в условиях нашей цивилизации, принуждены всё уступить алчным и праздным собственникам и в действительности страдают от голода, жажды и суровой погоды.

Пусть каждый трудится во имя великой социальной семьи и пусть каждому его труд дает возможность существования, наслаждения и счастья. Таков голос природы; таково положение, при котором равенство не является химерой, а свобода прочно обеспечена каждому человеку.

Ты говоришь, гражданин М. В., об отречении от всех вкусов, от всех склонностей, о равенстве, которое будет существовать в обществе между питанием артиста и пита-

нием сапожника, об уплате изящных искусств и о пагубных последствиях системы действительного равенства, претендую доказать тем самым абсурдность этого равенства. Это возражение доказывает, что ты не избавлен от наших старых предрассудков. Тот, кто считает, что вернуться к равенству значит стать дикарем и примитивно грубым, не понимает существа этого равенства. Возражать нам ссылкой на самое ужасное самоотречение, в то время как мы хотим положить конец неисчислимым и беспрерывным лишениям большинства людей, хотим, чтобы труд каждого человека давал ему удобное и приятное существование,— значит либо ничего не понимать, либо показать себя сообщником тех людей, кого изнеженность и ненависть к труду делают врагами равенства.

Поистине, было бы ужасно, господин М. В., если бы вы получали свой хлеб, мясо, вино, одежду из того же склада, что и сапожник, и они были бы одного вкуса и стиля, что и хлеб, мясо, вино, одежда сапожника! Но почему же природа догадалась дать этому грязному животному такой же желудок и чувства, как и вам? Несчастный! Утопая в изобилии, вы разве нуждаетесь для полноты счастья в том, чтобы иметь перед глазами картину страданий других людей?

Так называемый упадок ремесл и изящных искусств — другое решительное возражение задумывающихся над этим вопросом людей, которые хотят нас уверить, что раз у

них отнимают узурпированные ими отличия, привилегии и уважение, то все потеряно. Бесспорно, если бы такой упадок и имел место, народная масса, которая не пользуется преимуществами изящных искусств, и не почувствовала бы неприятной для себя перемены. Но этого нечего опасаться. Очевидно, что в условиях нашей системы равенства возрастет общественная полезность искусства; оно приобретет печать возвышенного, соответственно великим чувствам, которые с необходимостью породит необъятная ассоциация счастливых людей. Граждане будут хорошо питаться, хорошо одеваться, усиленно развлекаться при отсутствии всякого неравенства, всякой роскоши. Одна лишь республика будет богата, величественна, всемогуща.

Правда, некоторые ремесла, произведения которых служат развлечением для ничтожного числа паразитов, как и средством выкачивания у них огромных денег, уступят место другим ремеслам, которые будут способствовать счастью многочисленной социальной массы. Но какой же человек станет сожалеть об этой счастливой перемене? Когда науки и изящные искусства избавятся от острой, вечно возрождающейся, вечно тягостной нужды, то даровитый человек будет руководствоваться лишь любовью к славе и, очень скоро, стряхнув с себя иго лести и эгоизма меценатов, будет видеть свою единственную цель в благодеятении общества.

Место фривольных поэм, пошлой архитектуры, не представляющих интереса картин займут цирки, великолепные храмы и портики, которые суверенный народ, живущий в настоящее время хуже наших животных, будет посещать для того, чтобы в монументах и в философских произведениях черпать доктрину и пример мудрости, любовь к ней.

В этом пленительном плане, прелести которого я лишь бегло набрасываю, можно будет найти решение такой задачи: отыскать положение, при котором каждый индивид при наименьшей затрате труда мог бы пользоваться наибольшими жизненными удобствами.

Таким образом, самые разнообразные произведения труда всех людей будут принадлежать всей массе народа, которая распределит их затем в интересах наибольшего счастья каждого человека. Ты видишь, следовательно, гражданин М. В., что речь идет не о том, чтобы обрекать людей на самоотречение, а, напротив, о том, чтобы сократить лишения народной массы.

Ты не можешь также не видеть, что при таком положении искоренение алчности приведет к прекращению зависти, хитрости и недоверия; люди действительно станут братьями, весьма заинтересованными в сохранении строя, приносящего всем счастье.

Французской революции надлежало претворить в жизнь философские концепции, которые еще незадолго перед ней считались несбыточными. Мы начали это дело. Так

завершим же его. Если мы остановимся на том месте, на котором мы находимся сейчас, то человечеству не придется выносить нам большой благодарности.

Для того чтобы от нашего скверного положения перейти к положению, которое я защищаю, необходимо:

1. Объединить все ныне существующие богатства в руках республики.

2. Заставить трудиться всех работоспособных граждан, каждого в соответствии с его способностями и свойственными ему привычками.

3. Утилизировать труд, сближая те виды его, которые взаимно помогают друг другу, и давая новое направление тем из них, которые являются только следствием нынешнего накопления богатств.

4. Скоплять постоянно в общественных складах все произведения земли и промышленности.

5. Равномерно распределять продукты и развлечения.

6. Искоренить частную собственность, частную торговлю и заменить их разумным распределением, осуществление которого вверить общественной власти.

7. Учредить общественные воспитательные дома, в которых каждому человеку будут прививаться навыки к труду, наиболее соответствующему его силам и наклонностям.

Таким образом, эгоизм не будет более побудительной причиной деятельности и труда

отдельных лиц; эти лица, как бы различны ни были произведения их труда и как бы различно ни было их применение, будут получать одинаковое вознаграждение питанием, одеждой и т. д.

Против этого наши богачи выставляют два следующих возражения:

1. Потребность в пропитании и надежда на улучшение своего положения являются источниками труда и воспроизводства; как только эта потребность и эта надежда исчезнут, прекратится труд, прекратится воспроизводство, и общество придет в упадок.

2. Раз любой труд вознаграждается одинаково, то исчезает побудительный мотив для того, чтобы отдаваться научным изысканиям, приводящим к полезным для общества открытиям.

Я отвечаю:

1. Нетрудно дать всем понять, что кратковременное ежедневное занятие обеспечит каждому более приятную жизнь и притом свободную от постоянно снедающих нас тревогений. Тот, кто в настоящее время трудится до истощения ради ничтожного вознаграждения, безусловно согласится трудиться немного и получать много.

К тому же это возражение базируется целиком на прискорбном представлении о труде, который в нашей системе при разумном и всеобщем распределении превратится в приятное и забавное занятие, уклониться от

которого ни у кого не будет ни желания, ни заинтересованности.

2. Вполне доказано, я полагаю, что достижения наук следует приписывать скорее любви к славе, чем жажде материальных благ. А в этом случае наше поистине философическое общество, имея в своем распоряжении все средства, чтобы решительно, безоговорочно воздать должное своим благодетелям, будет вправе рассчитывать на них в большей мере, чем наши развращенные общества, в которых дарование и добродетель встречают пренебрежительное отношение и обречены на нищету, меж тем как почти всегда глупость и преступление пресыщены богатством.

Я достаточно все объяснил, для того чтобы, читая меня, не сомневались сколько-нибудь серьезно в том, что принцип алчности и эгоизма, лежащий в основе всех наших учреждений, отвратителен и что положить конец волнениям, несчастьям и всем видам тирании, разделяющим и угнетающим нас, можно лишь в том случае, если мы снова перейдем в условия такого общественного положения, при котором каждый человек, делая равный вклад, сможет извлечь равную выгоду. Ибо все рассуждения экономистов никогда не смогут убедить здравомыслящих и добросовестных людей в неоспоримой справедливости того, что люди праздные пользуются всеми благами и порабощают,

унижают и третируют людей, которые, делая все, не имеют почти ничего.

Гражданин М. В. выставляет также против нашей системы равенства необходимость правительства и слишком большую протяженность республики.

Ответить на это нетрудно.

1. Лица, на которых будет возложена охрана этой системы, механизм которой будет крайне упрощенным, должны будут рассматриваться как работники, необходимые для общего счастья; поскольку они никогда не смогут получить в свое пользование более того, что будут получать другие граждане, весьма заинтересованные в том, чтобы установить надзор за ними, то нечего будет опасаться, что они попытаются сохранить за собой власть, пренебрегая волей народа.

2. Если среди небольшого племени легко могут быть преодолены все трудности, которые предрассудки выставляют против общего для всех труда и общего пользования его плодами, то ничто не мешает тому, чтобы эти трудности были также преодолены в такой обширной ассоциации, как Франция. Прежде всего, что касается труда, то легко понять, каким образом все граждане будут ему отдаваться каждый на том месте, на которое он будет поставлен, а также соответственно плодородию почвы. Что же касается равного распределения продуктов потребления между всеми **общинами** республики, либо между теми из них, которые

смогут в этом распределении участвовать сообразно отношению, которое они будут иметь к различным климатическим условиям, то я не вижу, почему мудрое правительство, избавленное от помех, которые в настоящее время вносит в эти операции алчный эгоизм правителей и тех, кем они управляют, не сможет осуществить такое распределение с большим удовлетворением для граждан, нередко обреченных в нынешних условиях на голод вследствие корыстных побуждений спекулянтов.

При таком порядке вещей мне представляются:

1. Ремесла, применяемые благодаря разумным учреждениям там, где они могут оказаться наиболее полезными. Став ближе к земледельцам, они будут способствовать исчезновению больших городов, являющихся вместе с тем источником всех пороков, и насаждению во всей Франции сельских местностей, красующихся многочисленным счастливым населением, размножению которого ничто не будет препятствовать.

2. Люди просвещенные, получившие благодаря общественному воспитанию навыки к труду, любящие родину больше, чем они сейчас любят свои семьи. Обсуждая со знанием дела общественные вопросы, они покажут миру первый образец демократии и доблести, защищаемых многочисленным населением с львиной храбростью.

3. Французы, живущие без денег, без ли-

шений, без огорчений и жадного стремления к накоплению на будущее, с радостью воздающие отечеству общую для всех дань в виде труда; французы, наслаждающиеся природой и проводящие остающееся время в общественных празднествах, в обсуждении законов и в просвещении молодежи.

4. Общество, избавленное от судебных процессов, от ненависти, зависти, от всех пагубных последствий частной собственности.

5. Законодательство, вернувшееся к крайне простым принципам и являющееся не более как искусством увеличения познаний и радостей общества.

6. Отечество, которое, оказавшись в опасности, находит путем удлинения на полчаса рабочего дня больше солдат и ресурсов, чем их могут найти в настоящее время все финансисты Европы.

О соотечественники мои! — вот они: свобода, мир и счастье. Вот единственное исцеление от стольких раздоров и группировок, которые могут привести лишь к порабощению, либо ко всеобщему счастью! Какие же могучие препятствия противостоят тому, чтобы, взявшись, наконец, за ум, мы перестали питать зависть друг к другу, вести борьбу между собой, взаимно уничтожать один другого? Глупость одних, лень других и порочные привычки, сделавшие спесивыми сердца людей, которые хладнокровно смотрят на нищету их ближних, плод их пагубного богатства. Друзья отечества! Патриоты-филол-

софы! Вам именно надлежит завершить революцию. Именно ваши рассуждения, ваши писания должны искоренить эгоизм, источник тирании и несчастья. Именно истина и должна сокрушить, наконец, монархический строй, следствие и причину огромного неравенства, который будет существовать всегда, при любой форме правления, до тех пор, пока подлинное равенство и демократия не объединят все интересы, не уничтожат всякое пристрастие и не лишиат кого-кого возможности, вопреки интересам общества, стеснять, ущемлять, поносить и угнетать всех других людей.

Если бы власть имущие не были заинтересованы в том, чтобы противиться успехам общения между людьми, то я считал бы успех этого предприятия обеспеченным. Ибо если заговорить с народом в ясных выражениях и искренно, то нет сомнения в том, что он тут же склонится к равенству. Но стбит только всему этому не понравиться порочным сердцам и помраченному воображению власть имущих, и люди, которые найдут в себе мужество выполнить свой долг по отношению к массе народа, должны ожидать того, что их будут не только терзать на тысячи ладов, но и обзвывать — что имеет место уже сейчас — разбойниками, подстрекателями и роялистами. Правда, едва ли кто поверит, чтобы людям, сокрушившим трон и неспособным выносить какое бы то ни было неравенство, власть до неравенства в кругу праздных и богатых,— чтобы этим людям нравил-

ся монархический строй, верх всякого неравенства. Но все же найдутся глупцы, которые поверят этому, и надо, чтобы патриоты великолодушно стерпели это новое оскорбление; если они не будут отстаивать всеобщее счастье ценою своей жизни, то в глазах потомства революция наложит пятно на философию и станет преступлением.

Мне остается рассеять последнее сомнение гражданина М. В., опасающегося анархии при переходе от нынешней системы к системе равенства.

Патриоты, воскликните вместе со мною: «О наши сограждане! Бросим наше золото в море, будем все трудиться, будем все пользоваться плодами нашего труда, изгоним праздность и роскошь». И эта ободряющая речь, поддержанная разумным рассуждением, отбросит всякие сомнения в отношении реформы, устранит всякие вызывающие опасения пререкания. Но если и вправду этот переход должен привести к отклонениям в сторону, которые, однако, никогда не сопровождали наши великие национальные движения, то я утверждаю, что это будут последние воздействия умирающей анархии. В сущности, беспорядок и анархия существуют фактически во всех современных обществах Европы, в которых под различными предлогами и различными способами у народа отнимаются все его права. И конечно, стоит подвергнуться опасности некоторых кратковременных отклонений в сторону, только бы

был положен конец великой анархии, организованной и постоянной; только бы снова была установлена система счастья, которая претворит в действительность предсказания философов относительно революции и, по всем признакам, сокрушит, наконец, правительства, которые все еще не дают нам покоя, вследствие того, что их подданные до сих пор не усмотрели в наших преобразованиях ясную и безусловную печать всеобщего счастья, которое мы так превозносили.

Париж, 28 жерминаля IV года Республики.

Приложение
к тринацатому документу
НОВАЯ ПЕСНЬ ДЛЯ ПРЕДМЕСТИЙ *¹⁰⁷

Народ, лишенный прав своих,
Ты, мучим голодом, притих
И только стонешь, бедный,
Меж тем как наглый мироед,
Тобой щадимый столько лет,
Возносит клич победный.

Мошны набившая орда,
Ни сил не тратя, ни труда,
Жрет мед, забравши улей,

* Составлена Сильвеном Марешалем.

А ты, трудящийся народ,
Попробуй — может, впрок пойдет —
Глотать, как страус, пули.

Тень Гракхов, Брутов призови,
Народной баловней любви,
И дрогнут богатеи.
Трибун, услышь наш скорбный стон,
Святого равенства закон
Нам начертай скорее.

Все привилегии долой!
Пусть Люксембург перед тобой
Склонится и Верона.*
В стране, где граждане равны,
Султаны пышные смешны — **
Пусть делят участь трона.

Довольно голодал народ
Под властью тяжкою господ,
Он стал теперь умнее.
Шуанов люксембургских нам
Не надо, как и тех, что там
Бесчинствуют в Вандее.

Вы, мудрых планов мастера!
Спасти их от огня костра
Напрасны все усилия.
Оставьте же в покое нас,

* Королевский двор и аристократия, верхушка которой находилась в Люксембурге.

** Султаны служили украшением для членов Директории.

Сумеет равенство без вас
Создать в стране обилье.

Нам Директорией писать
Запрещено, на нас печать
Наложена молчанья.
Так в братский заговор молчком
Для блага общего войдем,
Собратья по призванью.

Двойной Совет, ценимый в грош,
Директора, которых в дрожь
Приводит слово «пика»,
Кормимый ласками солдат
И ущемленный демократ —
Вот лик страны великой.

Солдаты! Королевский трон
Был нами вместе сокрушен,
Нам святы ваши раны.
Но — ах! — вас пынче не узнать:
Ужель вы согласитесь стать
Дворцовою охраной?

Когда с войсками шел народ,
Он кривды сокрушил оплот
И сбросил рабства узы;
Тираны новые! Солдат
Поймет, что бедняку он брат,—
Страшитесь их союза!

Себе пою я на беду:
За эту песню попаду
В узилище, я знаю:

И все же говорю я: пусты!
Ее заучит наизусть
Народ родного края.

Второе приложение
к тринадцатому документу¹⁰⁸

Долой неправедный закон,
Делящий род людской на части!
Раб не на веки обречен
У господина быть во власти.

Внемлите зову моему,
Простые люди из народа!
Покиньте черной почти тьму,
Всем солнце светит с небосвода.

} пришев

Природа-мать людей рожит
Всех равными между собою,—
Так почему ж теперь царит
Меж них неравенство такое?
Внемлите зову моему и т. д.

Зачем вокруг нескольких господ
Толпа немых рабов теснится?
Восстань, отважный санкюлот,
Сотри сословные границы.

Внемлите зову моему и т. д.

Когда был молод род людской,
Не знали войн, не знали злата,
Не знали роскоши лихой,
Не знали нищеты проклятой.

Внемлите зову моему и т. д.

Тогда повсюду без помех
Святое равенство царило,
И одинаково для всех
Дневное искрилось светило.

Внемлите зову моему и т. д.

Все жили дружною семьей.
Был дух стяжания неведом;
Чтоб общий оградить покой,
Сосед не ссорился с соседом.

Внемлите зову моему и т. д.

Но в скорости к господству страсть,
Обманом пользуясь негодным,
Решила взять над миром власть
Наперекор правам природным.

Внемлите зову моему и т. д.

На свете государи вдруг
И подданные появились,
Хозяева и толпы слуг —
Людские доли разделились.

Внемлите зову моему и т. д.

Теперь бессовестный грабеж
В наряд закона одевают,
И злодеяние и ложь
Добром и правдой называют.

Внемлите зову моему и т. д.

Не мог, о Гракхи, жизнь спасти
Вам замысел ваш благородный,

Мечи убийц он отвести
Не мог от гордости народной.

Внемлите зову моему и т. д.

Марат, Сен-Жюст и Робеспьер,
Мы чтим вас, о Ликурги наши!
Ведь жизнь от ваших мудрых мер
Уж становилась легче, краше.

Внемлите зову моему и т. д.

Уже палаты богачей
Ушли под черной ночи своды,
И клич пошел: для всех людей
Сняет солнце с небосвода.

Внемлите зову моему и т. д.

К природе нас вернули вы,
Не пожалев на то усилий,
За каждый смелый шаг, увы,
Обильной кровью вы платили.

Внемлите зову моему и т. д.

Сулят нам новую напасть
Злой крик д'Ангla и деньги Питта;
Нам пресмыкаться иль пропасть,—
Лишь преступление нам защита.

Внемлите зову моему и т. д.

Народы, спите вы давно,
Пора настала пробуждению,—
Пусть, грозное, подаст оно
Сигнал к благому преступлению.

Внемлите зову моему и т. д.

Четыриадцатый документ

НАСТОЯТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПАТРИОТАМ¹⁰³

Друзья! Мне отнюдь не следовало бы говорить с вами сегодня. Я отрываюсь от весьма напряженной работы, чтобы наспех обратиться к вам с несколькими крайне необходимыми словами. Выслушайте же их: они бесконечно интересны для вас.

Истина восторжествовала. Все угнетатели в ужасе. Друзья народа раскрыли ему глаза. Армия также видит все воочию. Никакая плотина не может остановить бурного потока энергии. Наши властители увидели все это и принимают новые меры, чтобы предотвратить крушение, ожидание которого служит нам утешением, а их приводит в отчаяние.

Десять-двенадцать дней назад они пришли к заключению, что преследования, поношения лучших граждан не являются более действенным оружием в их руках. Они заменили их коварством и отвратительной лестью. Лютие волки превратились в изворотливых и предупредительных лисиц. Не обманывайтесь на их счет, они и впредь остаются хищными животными; их природа все та же и никогда не изменится. Они лицемерно заигрывают с вами сегодня. Завтра они сожрут вас.

Вот от чего я должен вас предостеречь.

Агенты Тальенов, Лежандров, Баррасов, как и сами эти почтенные люди, суетятся и

усиленно трудятся над тем, чтобы попытаться ввергнуть вас в самую ужасную западню; они используют ваше нерасположение ко всем преступным виновникам ваших несчастий, в первых шеренгах которых они сами фигурировали; они имеют бесстыдство прикидываться, будто это были не они или, по крайней мере, будто сейчас они ничего общего не имеют со сворой преследователей, которая действовала именно по их винованию и согласно их предписаниям; они смеют заявлять вам о том, что сейчас они готовы стать мстителями за злодеяния, которые они совершили сами и толкали на них других. Необходимо показать вам, куда простираются их цели, какую глубокую пропасть они снова роют для вас. Но прежде чем это сделать, необходимо изложить перед вами ход их интриг.

К Фер.* и прежней компании они присоединили новых мошенников, полный список которых мы могли бы здесь привести. Но сегодня мы ограничимся указанием на двух из них, которые действовали более открыто, нежели другие. Риш...* и Сул...* (последний выдает себя за литератора) вот уже несколько дней как получили задание обработать группы в Тюильри. Они превосходно выполняют свою миссию — довести народ до высшей степени возбуждения. Они заявляют

* Пропуск в подлиннике.—Ред.

тем, кто к ним прислушивается, что оба Совета состоят из одних злодеев; что Баррас и Карно являются прекрасными республиканцами, которые обязательно положат конец бедствиям народа и спасут отчество; что именно поэтому существует гнусный заговор с целью умертвить их; что, следовательно, необходимо сплотиться вокруг них и их друзей, вооружиться без промедления и ударить в набат.

К этим фактам мы должны прибавить следующие обстоятельства. Истинный демократ, за которого принялся в последние дни на террасе Тюильри агент Риш...,* чтобы вбить ему в голову эти идеи, выставил возражения по поводу странной поспешности, которую, повидимому, хотят внести в столь важное дело. В это время их встретил Лежандр, у которого Риш... спросил, нет ли новостей. Прериальский мясник ответил, что ему непонятно, каким образом патриоты могут следовать внушениям народного трибуна, который — как это очевидно — сильнее всего ополчается против лучших республиканцев, таких, как Баррас и Карно; что следует со всей силой напасть на тех, относительно которых он твердо знает, что они причинили много зла, на таких, как Инар и его клика; что необходимо, чтобы патриоты сплотились с целью уничтожения этих лиц, но что для

* Пропуск в подлиннике.— Ред.

этого надо, чтобы с одной и с другой стороны были забыты небольшие промахи, которые могли быть взаимно допущены, и т. д.

В нескольких шагах оттуда другой мерзавец спросил еще у одного демократа, не известен ли ему такой человек, который пользуется влиянием в каком-либо из кварталов Парижа, что он может сообщить ему кое-что хорошее от имени Тальена. Интриган добавил: «Ты являешься патриотом, ты можешь пригодиться; надо, чтобы через несколько дней бомба разразилась; необходимо забить тревогу. Я ищу такого человека, чтобы поставить его в курс дела».

Заговор сплетен весьма ловко, приманка подготовлена не хуже многих других, которыми вас одурачивали и жертвой которых вы являлись. Но возможно ли, чтобы вы стали также жертвой и этой приманки?

Ясно, что именно этого хотят люди, которые непрестанно терзают вас, морят голodom, отягощают тысячами оков.

Для них прежде всего важно спасти свои головы, так как они видят, что великое правосудие народа, убежденного в их бесчисленных и не имеющих себе равных преступлениях, готово свершить над ними давно вынесенный им ужасный приговор. Они считают, что могут добиться этого лишь прикинувшись, будто они бросаются в объятия демократов; они тем легче рассчитывают снискать себе хитростью расположение демократов, что воображают, будто им удастся убедить их

в том, что народ не может найти себе спасения без помощи некоторых из тех, кто делит с ними власть.

Но каким путем — надо полагать — хотят они добиться того, чтобы спасти свои головы? Неужели патриоты столь простодушно верят в то, что они добьются этого путем чистосердечного служения демократии в качестве искупления за бесчестное истребление ими этой демократии при помощи самых злодейских способов, как и с тем, чтобы заслужить этим исправлением их великодушное прощение? Неужели патриоты столь простодушно верят в то, что они откажутся от власти, от верховенства и инициативы в период революционного движения и после него для того, чтобы жить мирно под сенью простых демократических законов, под сенью священной амнистии снисходительной нации? Нет, нет, не в этом состоит их план. Эти угнетатели увидели, что принципы демократии одерживают верх, что их трон зашатался, что к ним потеряно всякое доверие, что таким доверием пользуются только защитники народа... (в нашем экземпляре в этом месте имеется большой пропуск; другой, полный экземпляр невозможно было найти), что задача состоит в том, чтобы залечить зло, которое они причинили нам. Мы не будем настолько глупы, чтобы поверить им, когда они заявят нам (да они и не заявляют нам этого), что хотят искупить все свои злодеяния и что для этого они сами пресекут их ужас-

ные последствия. Мы не должны позволить даже того, чтобы эти гнусные существа взяли оружие в руки и в качестве рядовых воинов становились в ряд с нами. Если бы французский народ позволил себе действовать по-иному в отношении их, он был бы самым презренным из народов; он не заслуживал бы более, чтобы хотя бы один сильный и мудрый человек приложил свои силы для торжества свободы.

Граждане, прислушайтесь внимательно к этой истине. Не бойтесь же до такой степени роялистов, засевших в сенате,— они находятся у нас на службе. Мы в состоянии бороться со злом, которое они намерены нам причинить; а раз это так, то их борьба с оппозиционной им партией для нас полезна. Если все власть имущие будут принадлежать к одной партии, они будут иметь больше силы против партии народа.

Необходимо, чтобы партия народа одна оказалась в силах победить и ту роялистскую партию, кумир которой находится в Вероне, и роялистскую партию, кумиры которой находятся в Люксембурге,¹¹⁰ не прибегая к помощи ни той, ни другой партии. Было бы безумием скрывать от них наши враждебные настроения в отношении их обеих будто бы с целью помешать им принять меры предосторожности против них. Они давно уже приняли во внимание эти настроения и сделали все, что могли, чтобы их пресечь. Они бессильны победить нас силой, а также с по-

мощью общественного мнения — вот почему они прибегли к хитрости. Мы одержим победу над ними и при этом их последнем средстве. Я выступаю против них совершенно открыто. Простофили, глупцы из группы осторожных, быть может, еще скажут, что лучше было бы оставаться в тени. Я заявляю, что совершенно необходимо, что настало время для того, чтобы армия санкюлотов всей массой своей обозрела поле сражения и чтобы существование ее не могло более оставаться скрытым от врага. Не неожиданным для него образом можем и хотим мы одержать над ним победу, а более достойным народа путем — путем открыто действующей силы. Мы далеки от малодушия, которое заставило бы нас думать, что собственными силами мы ничего не можем сделать и что нам постоянно необходимо иметь с собой власть имущих. Власть имущие устраивают всегда революции лишь для того, чтобы самим властвовать. Мы же хотим осуществить, наконец, революцию, которая навсегда обеспечила бы счастье народу путем истинной демократии. Санкюлоты! Откажемся от ненависти к известным лицам; ведь мы поднялись во имя хлеба, благосостояния и свободы. Не позволим же обмануть себя. Не станем отвлекаться от действительной цели, интересующей нас. Я заявляю вам об этом и повторяю: ошибочно думать, будто одни, без посторонней помощи, вы бессильны. Только сам народ, действуя один, сможет сделать

для себя нечто великое и достойное его. Не трогайтесь, следовательно, с места до тех пор, пока не увидите пришедшими в движение именно людей из народа. Не попадайтесь в ловушку; не ищите нигде в другом месте своих освободителей; не признавайте никаких других знамен. Ни в коем случае не позволяйте обманывать себя при помощи другого софизма шпионам, толкователям всех ложных заключений наших врагов: они утверждают, будто имеют своих солдат. Солдаты на нашей стороне, в силу самой их сущности, как и в силу их нынешних настроений. Да, солдат пойдет только с нами и ради нас. Тем лучше, что злодеи, которые на нас наседают, способствовали тому, что мы собрали большую армию. Они поступят еще лучше, если увеличат ее, и мы будем еще сильны. Дело сделано, поучение пустило корни среди наших зачисленных в армию братьев, которые, как и мы, вышли из народа и у которых одно общее с нами дело. Тираны все еще обманывают сами себя, когда переводят их ежеминутно с места на место: вновь прибывающих наставляют те, кто им предшествовал, а переведенные оттуда переносят в другие места догматы, которые мы втолковывали им, так что наши *отравляющие* народ обращения действуют повсюду. Нет, нет, ни гражданская, ни военная инквизиция не в силах более помешать тому, чтобы эти обращения зачитывались перед нашими воинами и нашими рабочими, которые жадно на-

брасываются на них и в них черпают ферменты самой действенной и самой опьяняющей демократической заразы. Народ, тебе достаточно, таким образом, своих собственных людей, ибо ты целиком на их стороне; на их стороне и значительная часть солдат-санкюлов, которых надеялись ввести в заблуждение, чтобы противопоставить их тебе. Итак, когда настанет день народа, мы все вместе пойдем к верной победе, вслед за людьми из народа и исключительно под их руководством, как только они укажут нам этот счастливый день

Гракх Бабеф, народный трибун.

Пятнадцатый документ

ОБРАЩЕНИЕ ПОВСТАНЧЕСКОГО КОМИТЕТА ОБЩЕСТВЕННОГО СПАСЕНИЯ К НАРОДУ

Акт о восстании¹¹¹

РАВЕНСТВО. СВОБОДА.

Французские демо¹¹¹краты!

Принимая во внимание, что угнетение народа и его нищета переходят всякие границы; что это состояние тирании и несчастья в действительности исходит от нынешнего правительства;

что многочисленные преступления правителей вызывают против них повседневные и всегда бесполезные нарекания со стороны управляемых ими;

что народная конституция, которой он присягнул в 1793 г., была отдана народом под охрану всех добродетелей;

что следовательно, когда весь народ утратил все средства гарантии против деспотизма, то самые отважные, самые неустрашимые из добродетельных людей должны взять на себя инициативу восстания, как и руководство освобождением масс;

что призванные в этот же период 93 года права человека вменяют всему народу и каждой его части в качестве священнейшего из прав и необходимейшей обязанности восстание против правительства, нарушающего его права, и что они предписывают каждому свободному человеку немедленно лишать жизни тех, кто узурпирует суверенитет;

что заговорщицкая группа узурпировала суверенитет, подменив своей частной волей общую волю, свободно и законно выраженную в первичных собраниях в 1793 г., навязав Французскому народу, под прикрытием преследований и убийств всех друзей свободы, мерзкий кодекс законов, именуемый конституцией 1795 г., вместо демократического соглашения 1793 г., принятого с таким энтузиазмом;

что тиарнический кодекс 95 года нарушает самые драгоценные права в том отношении,

что устанавливает различия между гражданами, воспрещает им санкционировать законы, менять конституцию и собираться, ограничивает свободу выбора ими общественных агентов и не дает им никакой гарантии против узурпаций правителей;

что творцы этого ужасного кодекса находятся в состоянии постоянного мятежа против народа, тем, что, пренебрегая его верховной волей, присвоили себе власть, которую один только народ мог им доверить; что они создали себе собственными силами либо с помощью горстки мятежников и врагов народа, одни — королей под скрытым именем; другие — независимых от народа законодателей;

что эти угнетатели, после того как они сделали все для того, чтобы деморализовать народ; после того как они подвергли поношению, унизили и совершенно устранили атрибуты и учреждения свободы и демократии; как они привели к гибели лучших друзей республики, призвали и взяли под свое покровительство ее жесточайших врагов, расхитили и опустошили государственную казну, выкачали все национальные ресурсы, совершиенно обесценили республиканский денежный фонд, привели к позорнейшему банкротству, предоставили алчности богачей всей, вплоть до последних отрепьев неимущего, вот уже около двух лет умирающего каждодневно от голода, и, не довольствуясь столькими преступления-

ми, хотят путем утонченной тирании отнять у народа даже право выражать недовольство;

что они сплели заговоры и благоприятствовали им с целью поддержания гражданской войны в западных департаментах; обманули нацию притворным умиротворением, тайные статьи которого содержали условия, противоречившие воле, достоинству, безопасности и интересам французского народа;

что еще недавно они призвали на помощь свору иноземцев и что все главные заговорщики Европы находятся в настоящее время в Париже с целью осуществления последнего контрреволюционного акта;

что они расформировывают и недостойным образом обращаются с батальонами, доблестно отказавшимися от содействия им в их ужасных замыслах, направленных против народа; что они посмели предать суду храбрых воинов, наиболее энергично боровшихся против угнетения, и что в добавление к этому бесчестию они назвали роялистским внушенiem их мужественное сопротивление воле тиранов;

что трудно и слишком долго было бы проследить и полностью обрисовать антинародную деятельность этого преступного правительства, каждая идея, каждое действие которого являются преступлением против нации; что доказательства всех этих преступных действий кровью начертаны во всей республике; что из всех департаментов раздаются едино-

душные вопли о пресечении его деятельности; что наиболее близко стоящей к угнетателям части граждан надлежит перейти в наступление против угнетения; что эта часть граждан ответственна перед всем государством за сохранение свободы и что слишком долгое молчание сделает ее соучастником тирании;

принимая, наконец, во внимание готовность всех защитников свободы,—

с организовались в Повстанческий комитет общественного спасения и берут на себя ответственность и инициативу восстания, постановив о следующем:

1

Народ находится в состоянии восстания против тирании.

2

Целью восстания является восстановление конституции 1793 г., свободы, равенства и всеобщего счастья.

3

Сегодня, с раннего утра, граждане и гражданки выступят со всех пунктов, не соблюдая порядка и не дожидаясь движения соседних кварталов, которое они вызовут своим выступлением. Они сберутся при звуке набата и

труб под предводительством патриотов, которым Повстанческий комитет вручит значки со следующей надписью:

Конституция 1793 г.

Равенство

Всеобщее счастье

Свобода

На других значках будут начертаны следующие слова:

«Когда правительство нарушает права народа, то восстание является для всего народа, как и для каждой его части, священным правом и необходимейшей обязанностью.

Лица, узурпирующие суверенитет, должны быть преданы смерти свободолюбивыми людьми».

Народных генералов можно будет отличить по весьма заметным трехцветным лентам, развевающимся вокруг их головных уборов.

4

Все граждане с оружием в руках или, заимением оружия, с другими разнообразными орудиями наступления направляются под исключительным предводительством вышенназначенных патриотов к административному центру их округов.

5

Повстанцы изымают всякое оружие везде, где только они найдут его.

6

Заставы и водные пути должны строго охраняться: никому не должно быть позволено выходить из Парижа без официального и специального распоряжения Повстанческого комитета; в город могут входить лишь курьеры, разносчики и развозчики съестных припасов, которым будет обеспечена защита и безопасность.

7

Народ должен завладеть государственным казначейством, почтой, правительственные зданиями и всеми общественными и частными складами продовольствия и военной амуниции.

8

Повстанческий комитет общественного спасения дает легионам близлежащих к Парижу военных лагерей, поклявшимся умереть во имя равенства, приказ о повсеместной поддержке действий народа.

9

Патриоты, проживающие в провинции и бежавшие в Париж, храбрые офицеры, отрешенные от должности, призываются к тому, чтобы отличиться в этой священной борьбе.

10

Оба Совета и Директория, являющиеся узурпаторами народной власти, подлежат

роспуску. Все входящие в его состав члены немедленно предаются суду народа.

11

Так как любая власть уступает власти народа, то никакой так называемый депутат, член узурпаторской власти, никакой член Директории, никакое начальствующее лицо, никакой судья, офицер, унтер-офицер национальной гвардии, никакое другое общественное должностное лицо не вправе осуществлять какой бы то ни был акт власти или издавать какое-либо предписание; лица, которые нарушают это постановление, будут немедленно преданы смертной казни.

Любой член так называемого Законодательного собрания, либо член Директории, застигнутый на улице, должен быть задержан и немедленно отведен к месту его обычного поста.

12

Всякое сопротивление должно быть немедленно подавлено силой. Сопротивляющиеся подлежат истреблению.

Подлежат также смертной казни:

лица, которые будут сами или заставят других бить сбор;

иностранцы, к какой бы национальности они ни принадлежали, которые будут застигнуты на улице;

все председатели, секретари и командиры вандемьерского монархического заговора, которые посмеют открыто выступить.

13

Всем посланникам иностранных государств предписывается оставаться дома на время восстания; они находятся под охраной народа.

14

Народу должны доставляться на общественные площади все виды продовольствия.

15

Все пекари подлежат мобилизации для непрерывной выпечки хлеба, который будет бесплатно раздаваться народу; их будут оплачивать согласно их заявлению.

16

Народ не должен успокаиваться до тех пор, пока тираническое правительство не будет уничтожено.

17

Все имущество эмигрантов, заговорщиков и других врагов народа подлежит немедленной раздаче защитникам отечества и неимущим.

Неимущие со всей республики должны быть немедленно вселены в дома заговорщиков и снабжены мебелью. Всё принадлежащее народу вещи, заложенные в ломбарде, должны быть немедленно возвращены бесплатно.

Французский народ принимает на свое содержание жен и детей героев, павших в этом священном предприятии; он будет кормить и содержать их; он поступит точно так же с их отцами и матерями, братьями и сестрами, находившимися на их иждивении.

Сосланным и скитающимся по всей республике патриотам будут оказаны всяческая помощь и содействие с целью их возвращения в лоно семьи. Они будут вознаграждены за понесенные ими убытки.

Так как война против внутренней тирании находится в наибольшем противоречии со всеобщим спокойствием, то те из мужественных защитников свободы, которые докажут, что они содействовали ее окончанию, получат возможность вернуться домой с оружием и багажом; по возвращении они, кроме того, получат так давно обещанное им вознаграждение.

Те из них, которые изъявят желание продолжать служить республике, будут также вознаграждены немедленно достойным великой и свободолюбивой нации образом.

18

Общественная и частная собственность становятся под охрану народа.

19

Забота о завершении революции и о предоставлении республике свободы, равенства
17*

и конституции 1793 г. будет доверена назначенному восставшим народом по представлению Повстанческого комитета Национальному собранию, состоящему из демократов, по одному от каждого департамента.

20

Повстанческий комитет общественного спасения заседает непрерывно вплоть до полного завершения восстания.

Шестнадцатый документ

9 флореяля

НАРОД САНКЮЛОТОВ ПАРИЖА —
ПОЛИЦЕЙСКОМУ ЛЕГИОНУ¹¹²

Отважные братья!

Ваш сигнал услышен, ваш поступок получил одобрение, ваша непоколебимая решимость вызывает наше восхищение. Настал ли момент сокрушить новые скипетры? Будет ли установлена свобода в дни, когда наше общее угнетение достигнет предела? Народ в полной готовности.

Нет, вы не покинете нас. Нет, вы не отправитесь умирать под яром иноземных рабов, соучастников наших. Вот что для вас уготовано. Наши тираны заключили ужасное соглашение с теми, против кого мы боремся

в продолжение шести лет: они договорились выдать им на заклание всех преданных защитников отечества; вы, наши братья, достойны того, чтобы первыми принести себя в жертву: вы взяли на себя защиту интересов народа; вместе с ним вы протестовали против всех покушений его угнетателей; при виде злодейских приготовлений вы показали, что отнюдь не желаете быть в числе его палачей. Париж, осажденный, под угрозой быть преданным огню и мечу за недовольство тем, что его вместе со всей республикой морят голодом, обирают, унижают; наконец, Париж, попавший под иго горстки жестоких узурпаторов, вызвал в вас сострадание и живой интерес. Дорогие товарищи, от вас зависит наше спасение, которое покроет вас славой. Вы можете взять на себя инициативу в числе освободителей народа. Вы и возьмете ее: ваши друзья, ваши братья, ваши жены, ваши родственники требуют, чтобы, подобно тому, как они не отдали вас на уготованную вам гибель, и вы, со своей стороны, не дали им погибнуть в стенах этого города. Ваши братья, незаконно заточенные в лагерях, уже услышали от вас правду; пример ваш окончательно их убедит. Вопреки всяким запретам и препятствиям к общению с остальными смертными, они узнают, что в борьбе народа против тех, кто им управляет, правым является народ. Они узнают, что не народ надо убивать. Обратимся с призывом к этим храбрецам, и они придут к нам. Что касается народа,

то он сам неоднократно заявлял о своей готовности. Его руководители дадут ему сигнал. Он прислушивается к ним, он на вашей стороне. Его тираны рассеются, свобода вновь вернется; снова будет изобилие и счастье; повсюду восторжествует республика и будут приняты надежные меры к тому, чтобы она не пала больше.

Семнадцатый документ

ЗАМЕТКА ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ¹¹²

Убежденный в том, насколько необходимо полностью обыграть роялистов и ввести их в заблуждение относительно наших истинных намерений в подготовляемом движении, для того чтобы не позволить им и правительству применить против нас в период движения их банальные клички — террористов, якобинцев, прериальских мятежников и т. д., я полагаю, что следовало бы с самого начала начертить мелом на головных уборах у всех людей: *народная армия, долой тиранов*.

Надо будет выступить также со знаменами трех видов со следующими надписями на них: *народная армия; долой тиранов; народное мщение*. Этот способ представляется мне вполне пригодным для того, чтобы заставить служить нашим замыслам самих наших врагов. Об этом можно судить по 'апплодисмен-

там, которые вызывают с их стороны в театре слова: «Трепещите тираны» и т. д. Когда успех окажется на стороне народной партии, тогда надо будет показать в театральной форме словно спускающиеся с облаков знамена с надписями: «Конституция 93 года; всеобщее счастье; победа народа» и т. д.

Вы увидите, как среди аплодисментов и тысячекратного «браво» восстание само собой направится к своей естественной цели.

Только таким путем можно надеяться направить усилия всех людей против общего врага, извлечь пользу из народной ненависти и предупредить противодействие роялистской фракции, которая может оказаться весьма вредной при начале действия.

Восемнадцатый документ

РЕЧЬ К ПОСЛАНЦУ КОМИТЕТА МОНТАНЬЯРОВ¹¹⁴

Вам известно, гражданин, какие усилия приложили некоторые демоны для восстановления прав народа.

Вы знаете, что, несмотря на все преследования и эшафоты, мы находили в себе достаточно мужества и неустранимости, чтобы отстаивать священное дело человечества и плоть до настоящего времени пренебрегать

опасностями во имя создания партии оппозиции против тирании:

Из темниц, куда нас удостоила бросить тирания, мы вышли в период вандемьера лишь для того, чтобы снова на нее обрушиться. Священный огонь в это время погас; народная масса была роялизирована; часть патриотов, сломленных, усталых, переродившихся в тюрьмах, была весьма счастлива очутиться на свободе; если их не надломила тюрьма, то они готовы были вступить в сделку с жестоким и узурпаторским правительством и даже перейти к нему в услужение, принять его планы. Если некоторые еще достойные свободы люди показывали им, насколько бесчестно и постыдно было это соглашение, то большинство из них находило для себя еще более позорное оправдание: они заявляли, что делают это с задней мыслью и что они братаются со своими врагами лишь для того, чтобы завладеть их доверием и суметь задушить их, когда будут достаточно для этого сильны.

Мы хотим внести больше законности в войну добродетели против преступления. Мы атаковали это последнее в лоб, мы извлекли его, заставили республиканцев играть роль, более достойную их; мы вернули им их прежнее достоинство; мы отвоевали также у роялизма народ; мы открыли ему глаза на ложное мнение, которое злодеи с целью подстрекательства внушали ему,— мнение о том, будто плачевное состояние, в которое они

привели его, есть результат республиканской системы; нам удалось показать народу, что оно, напротив, является результатом жестоких реминисценций роялизма и крушения здания республики и что если бы это здание было завершено, оно принесло бы величайшее счастье.

Нам посчастливилось добиться цели, к которой мы стремились путем этого наставления — настроить патриотов и народную массу на то, чтобы низвергнуть существующее тиранническое правительство и поставить на его место правительство, более достойное великой революции, которую французы имели мужество предпринять.

Мы поняли, что революционных газет будет недостаточно, для того чтобы привести нас к нашей цели. Мы сочли своим долгом несколько месяцев назад объединиться в комитет, в состав которого входит ряд мужественных демократов, сорганизоваться с целью восстания и организовать вокруг себя все необходимое для успешного осуществления этого восстания.

Мы многое сделали для этого; считаем, что мы собрали значительную часть материалов и подготовили почти все распоряжения, необходимые для такой цели.

У нас имеются сведения о местах, где хранятся боевые припасы, как и о способах овладения ими. Мы располагаем списками патриотов, людей твердого характера, со всего Парижа; мы располагаем средствами по

первому сигналу поднять народ на восстание. Мало того, мы располагаем организацией гражданских и военных агентов, готовых к действию. У нас отпечатано полностью воззвание о нашем восстании.

Это восстание должно было уже вспыхнуть, когда нами были получены сведения и нам представлены были соображения, наведшие нас на некоторые серьезные размышления.

Мы должны заявить вам совершенно откровенно: для осуществления этого восстания мы решили обойтись без всех тех, кто входил в состав различных национальных собраний. Не имея ничего общего ни с какими фракциями, действуя только в интересах народа, мы полагали, что лучшее, что мы можем сделать,— это удалить из возглавляющего народ правительства всех, кто смог бы привнести в него бывые страсти и бывые предрассудки, способные нанести вред полному возрождению народа.

Вам, граждане, придется выслушать от нас несколько резко сказанных истин, их неизменно следует приписать нашей предельной чистосердечности. Мы ставили в укор монтаньярам то, что они не выполнили долга, возложенного на них народом в силу полученной от него миссии; мы ставили им в укор, что они не отстаивали его прав ценой своей жизни.

Мы опасались также того, как бы в след за тем, как мы снова призовем их к кормилу законодательной власти, не возродились

дряэги и раздоры, естественные плоды бывших расхождений, семена которых продолжают существовать в головах большинства из них.

Мы, наконец, были убеждены в том, что можем всё сделать, и сделать лучше, без них.

Мы считаем, что в эти последние дни мы получили если не доказательство, то, по крайней мере, презумпцию того, что дело обстоит как раз наоборот, и мы не хотели подвергать отечество гибели.

Нам было сделано несколько сообщений, что, действуя со своей стороны в тех же целях, что и мы, вы желали, чтобы мы объединили наши усилия.

Мы решились принять это предложение, тем более, что опасались, как бы мероприятия, предпринимаемые с вашей и с нашей стороны, не столкнулись и не нанесли вреда друг другу; мы опасались также того — что надо признать — как бы в решающий момент вы не стали поперек нашим проектам и как бы не вышло так, что различные отряды защитников народа окажутся в разногласии между собой и ко всем тем войнам, которые приходится вести республике против ее различных врагов, прибавят новую междоусобную войну. Такое несчастье и все вытекающие из него последствия привели нас в ужас. Мы решили предупредить всё это, объединившись с вами. Мы призывали вас, чтобы передать вам это решение. Нам хотелось бы, чтобы оно

оказалось для вас приятным, чтобы мы могли полностью договориться, объединить и сочетать наши возможности во имя спасения народа и его избавления от тирании. Забудем всё во имя достижения этой счастливой цели.

Девятнадцатый документ
Париж, 18 флореяля IV года республики

**ДИРЕКТОРИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО
СПАСЕНИЯ — АГЕНТАМ ДВЕНАДЦАТИ
ОКРУГОВ¹¹⁵**

Граждане!

Никогда еще заговор по своим мотивам и цели не был столь священным, как наш; никогда не существовало также такого заговора, действующие лица которого показали бы себя столь достойными оказанного им доверия. Никто никогда столь долго и столь удачно не действовал тайно против вероломного правительства. Как ни старалось оно в своей беспокойной бдительности применять пытки и до конца использовать все рычаги самой жестокой инквизиции, ему до сих пор всё еще не удалось добиться чего-либо положительного.

Этот результат делает честь нашему выбору, павшему на вас. Он дает нам величайшую гарантию для еще большего — если это только возможно — доверия, нежели то, кото-

рое мы оказывали вам до сих пор. От таких людей, как вы, у нас не должно быть более никакой затаенной мысли. Вы должны читать в наших сердцах, как читаем мы сами, и мы обязаны говорить вам всю правду до конца.

Вот уже несколько дней, как наша переписка с вами стала с нашей стороны менее активной; тон ее менее твердый, менее решительный, более неуверенный, чем когда-либо до сих пор. Наши действия должны были показаться вам отмеченными печатью какой-то небрежности, вялости, неуверенности. И в какой, однако, момент! В момент, когда, казалось, энергия должна была быть удвоена, когда патриоты и народная масса громогласно требовали сражения и когда обстоятельства казались им весьма благоприятными для того, чтобы это сражение выиграть. Это дает вам возможность высказаться, заслуживает ли тем не менее наше поведение оправдания; если оно не может быть оправдано, необходимо, чтобы вы первые, а вслед за вами все патриоты, умонастроение которых вы направляете, навсегда заклеймили и даже по карали тех, кто взялся ими руководить.

Мы могли бы ограничиться заявлением, что когда мы окинули взором имеющиеся у нас средства нападения, то с полным основанием нашли их недостаточными, вследствие чего сочли своим настоятельным долгом пристановить патриотический порыв, который мог стать сигналом к истреблению демокра-

тов, тем более, что ужасные уроки жерминаля и прериалия должны быть постоянно перед глазами республиканцев и что достаточно еще лишь одного такого урока, чтобы погубить их навсегда.

Нас остановило не одно только это соображение. Нам известно, что во время восстания необходимо дерзать, необходимо, так сказать, быть более чем дерзновенным. Вот в основном то, что вызвало с нашей стороны кажущиеся промедления.

Все мы хотим, как вам известно, чтобы это восстание было последним, чтобы оно осуществило, наконец, счастье народа. Нам пришлось принять все предосторожности, способные обеспечить этот результат. Мы хотели, чтобы воззвание, которое это восстание провозгласит, служило гарантней первого благодеяния, простого вступления в состояние высшего счастья, которое мы намереваемся доставить народу; мы хотели,— говорим мы,— чтобы это воззвание прежде всего гарантировало раздачу неимущим имущества всех заговорщиков; чтобы затем было сказано, что неимущие будут вселены в дома заговорщиков и наделены мебелью и т. д., и т. п. Для того чтобы эти и другие столь же счастливые перемены могли быть осуществлены, необходимо быть убежденным в том, что власть, уйдя из рук злодеев, обладающих ею, перейдет в руки истинных, безусловных и абсолютных демократов, людей из народа и самых больших его друзей. Каким же

образом передать в их руки эту власть? — вот какое затруднение удерживало нас и все еще продолжает удерживать. Именно обсуждение этого деликатного вопроса и вынудило нас упустить ряд преимуществ, которые могли быть весьма ценныхми для нас, и установить, в чем состоит успех сражения, которое нам предстоит дать.

Выигрыш сражения — ничто, если мы не обеспечим себе возможности использовать победу.

Вот почему мы отпечатали в количестве 30 тысяч экземпляров первое возвзвание, в котором мы установили, что Директория общественного спасения заменит существующую тираническую власть Национальным собранием, состоящим из членов, избранных из числа наиболее деятельных и испытанных демократов,— по одному от каждого департамента,— список которых будет представлен самой Директорией и одобрен народом. На это Собрание и будет возложено завершение вместе с Повстанческой директорией революции и обеспечение всеобщего счастья.

Множество соображений привело нас затем к выводу, что мы будем сильнее и более уверены в успехе, если призовем преследуемых депутатов бывшей Горы, не участвовавших в нарушении конституции 1793 г. и насилиственно изгнанных. Мы установили, что в глазах демократов эти люди составляют законную власть, отнюдь не отрешенную народом и, стало быть, все еще существую-

щую. Мы, однако, не скрывали от себя, что эта часть членов Конвента была почти так же виновна и так же нарушила конституцию, как и остальные его члены. Прежде всего потому, что со времени 9 термидора они снова начали действовать сами и позволяли действовать другим; что они без сопротивления позволили разрушить камень за камнем здание демократии, что 5 мессидора они не сказали своего слова, когда бесчестный Буасси д'Англа появился на трибуне и заставил принять его антинародный кодекс законов; они были виновны в дальнейшем трусивом воздержании от открытого протesta против этого мерзкого покушения; * что они, наконец, имели необычайную низость принимать в большинстве случаев поручения от узурпаторского и угнетательского правительства. Однако сильнейшие доводы, которые мы приведем вам позднее, так же как приведем их народу, принудили нас на короткое время закрыть глаза на эти обстоятельства и пойти на большие жертвы, чтобы извлечь пользу из людей, без участия которых — как мы видели — было бы, вероятно, невозможно освободить отечество от нестерпимого порабощения, в котором оно пребывает. Мы решились, таким образом, использовать их; но

* Три последних обвинения, предъявленные в такой общей форме, представляются мне преувеличенными.—*Примечание автора.*

в то же время мы хотели оградить народ, чтобы он не попал в тиски новой тирании, когда власть окажется в их руках. Мы условились, что восстановим тех из членов Конвента, которые остались наименее запятнанными, т. е. преследуемую их часть, числом приблизительно в 68 человек; что мы приставим к ним по одному члену от каждого департамента. Выбор этих людей, сделанный нами вместе с восставшим народом, послужит против них оппозиционным фронтом, насчитывающим более 100 самых деятельных и наиболее выраженных демократов, не считая того, что мы сохраним звание и власть Повстанческого комитета общественного спасения вплоть до того времени, когда весь народ будет вполне счастлив и спокоен.

Об этом мы договорились с бывшими монтаньярами. Они приняли все наши условия и обещали содействовать нам всеми имеющимися в их распоряжении средствами. Ввиду этого было отпечатано новое воззвание в количестве 50 тысяч, и мы приступили к подготовке восстания.

Понерите ли вы нам, граждане? Эти члены Конвента раздумали и заявили нам, что не желают более давать патриотам гарантий против их тирании, которую легко было предвидеть; они заявили нам, что не согласны более на присоединение к ним по одному демократу от каждого департамента, т. е. что они требуют уничтожения всякого насилия над ними с тем, чтобы установить иное на-

силие; они требуют, чтобы было низвергнуто насилие сегодняшнего дня во имя установления их собственного насилия.

Свои притязания они подкрепляют самыми жалкими софизмами и ставят почти ни во что единственный довод, который мы считаем превосходным: довод о том, что мы хотим низвергнуть господство мошенников исключительно для того, чтобы наиболее прочно установить власть народа.

Вот, друзья наши, совершенно откровенно причина того, что остановило нас. Мы всё еще не сдвинулись с места. Эти добропорядочные монтаньяры ставят нам препятствия; их мало смущает то обстоятельство, что пока они препираются относительно цены, может навсегда погибнуть отечество — только бы удовлетворены были их честолюбие и спесь. Повторяем, обстоятельства, объяснить которые мы сейчас не можем, ставят нас, к несчастью, в такое положение, что мы вынуждены к ним обратиться.

В заключение этого послания нам хочется сказать вам, что тем не менее, если только сумеем, мы обойдемся без них и что если это нам не удастся, то надо будет руководить народом так, чтобы предупредить зло, которое они все еще смогут нам причинить,— таким образом, чтобы помимо их воли противопоставить им уравновешивающее начало, которое они отвергают.

Народ обвиняет нас в инертности. Как прискорбно, что мы не можем сказать ему,

так же как вам, что служит для нас препятствием! Наши народные писатели не смогут это сделать, не подвергая опасности самое существенное. При таком крайне досадном для нас положении мы просим вас: выведите, по крайней мере, из заблуждения патриотов отнюдь не путем передачи им всех частностей, которые мы только что изложили исключительно для таких людей, как вы, а призвав их к терпению и к сохранению энергии, которая так или иначе сдерживает лишь на весьма короткий срок.

Необходимо умереть или победить. Лучше умереть в славном бою, чем ждать гибели от руки наших тиранов, которые убывают нас одним из тысячи способов, которые они применяют и будут применять в дальнейшем.

Ждите же непрестанно решающего момента. Никоим образом не беспокойтесь в случае, если увидите, как и в том случае, если не увидите рядом с нами остатков Горы. Запомните, однако, одну из важнейших для вас инструкций — инструкцию о том, чтобы окружить огромной народной мощью Повстанческий комитет в момент, когда он — как это может случиться — отправится на заседание возобновленного Конвента, чтобы предписать ему волю народа и обеспечить счастливые результаты восстания, как и немедленное осуществление того, чего потребует народ, того, что согласно желанию народа должно быть поставлено рядом со скелетом Конвента, гарантировать претворение в жизнь

полного возрождения, которое необходимо осуществить.

Р. С. Сообщи нам немедленно, приготовлены ли у тебя значки; это мелочь, но весьма существенная.

№ 18-го, в 9 часов вечера. Мы только что узнали, что монтаньяры уступают настоятельным аргументам, которые мы повторно выдвинули перед ними. Они окончательно соглашаются на все, что нам угодно. Таким образом, чрезвычайно дорога каждая минута. Заявляем, что заключение нашего послания, касающееся выступления народных масс во главе с Повстанческим комитетом, остается в силе, и вам особо рекомендуется сдержанность, которого оно требует.

Двадцатый документ

С ВОБОДА. РАВЕНСТВО.
ВСЕОБЩЕЕ СЧАСТЬЕ ИЛИ СМЕРТЬ.

26 ЖЕРМИНАЛЯ IV ГОДА.
АВТОР ПИСЬМА СВОБОДНОГО ФРАНКА
БРАТЬЯМ РЕСПУБЛИКАНЦАМ
ПОВСТАНЧЕСКОЙ ДИРЕКТОРИИ¹⁶

С неизъяснимым удовольствием получил я, братья республиканцы, инструкции и свидетельство о присвоении мне звания агента, которое мне пожаловано было в силу нашего

доверия через посредство брата Д. Т. Г. Надеюсь в скором времени оправдать мнение, составленное вами обо мне, если не своими дарованиями, то, по крайней мере, своим рвением, постоянством, отвагой и главным образом своей скромностью.

Детальное знание Парижа, в котором я проживал в продолжение восьми лет, я соединяю в себе с еще более ценной осведомленностью о состоянии духа военных, изученного мною всесторонне в качестве наблюдателя на протяжении семи лет, а со временем этой войны главным образом во время походов. На основании этих сведений я считал долгом набросать следующие соображения, которые предлагаю на ваше мудрое рассмотрение.

Было бы поистине ошибочно полагать, что те же стимулы, по которым было осуществлено восстание в 89 году, могут еще и сейчас эффективно служить для целей нового восстания. Машина приобрела другую форму, следовательно, нужна иная комбинация пружин, чтобы привести ее в действие. Я объяснюся.

При монархическом режиме солдат, правда, был в меньшей мере порабощен, нежели в настоящее время. Но он знал, что является рабом, от него это не скрывали, его офицеры не упускали ни одного случая, чтобы беспрерывно напоминать ему об этом. Огромная дистанция, отделявшая солдата от офицера, весьма сильно давала чувствовать солдату его унизительное положение.

Отсюда вытекало то, что в 1789 г. солдат принял сторону народа в меньшей степени из-за любви к свободе и равенству, о которых он в то время мог иметь лишь смутное представление, нежели в силу закоренелой ненависти его к своим офицерам, ненависти, взрыв которой был тем более ужасен, что он долгое время подавлялся; эта ненависть, это бродильное семя, была в то время если не единственной, то по крайней мере сильнейшей побудительной причиной, поднявшей на восстание наши войска. Эта истина слишком очевидна, чтобы ее можно было оспаривать.

Сейчас все обстоит по-иному: за исключением лишь самых высших чинов почти вся масса офицеров состоит из бывших солдат, источником существования которых является их жалование, сводящееся приблизительно к восьми су звонкой монетой в день для командира батальона. Это обстоятельство вынуждает большинство офицеров, капитанов и прочих есть из общего котла со своими солдатами и, следовательно, вступать в самую тесную близость с ними. Эта одинаковая степень нуждаемости порождает между солдатом и офицером дружбу, взаимную привязанность и доверие, в противоположность тому, что было до 89 года. Отсюда следует, что солдат, привыкший, так же как и другие люди, судить о своей участии путем сравнения ее с участью других людей, глядя на своих офицеров, находит, что между ними и им

существует слишком незначительное различие, чтобы питать к ним большую зависть. Офицер же, которого убаюкивают надеждой на лучшую часть в ближайшем будущем, делится этой призрачной надеждой с солдатом; это их утешает и усыпляет обоих в летаргическом оцепенении. Кроме того, современное гражданское состояние готовит большинству военных еще худшую часть, нежели та, которую они в настоящее время испытывают под мушкетом, что в немалой степени способствует тому, чтобы держать их под ярмом, в рабском подчинении.

Но, могут сказать, как же это не находятся среди офицеров, не все из которых являются автоматами, такие, которые раскрыли бы глаза своим товарищам? Как? По очень простой причине: все те, кого заставила взяться за оружие истинная и исключительная любовь к свободе, бросили военную службу, если это только им удалось после 9 термидора, т. е. после того как потерпело крушение дело, защиту которого они на себя взяли. Те из них, кому невозможно было уйти в отставку, вынуждены были еще остаться; но Исполнительная директория, которой угодны лишь совершение покорные существа, декретом от 6-го текущего месяца о новой организации армии назначила им срок для ухода в отставку. Отсюда следует, что офицерами в армии отныне останутся лишь лица, которые, будучи лишены состояния, не обладая дарованиями и ресурсами, состарившись к тому

же в рабском подчинении, не смогут не повиноваться из боязни лишиться эполетов, на которые они смотрят как на вершину доступного для них счастья; офицерами в армии будут, наконец, лишь такие лица, которые при королях имели честь носить шерстяные нашивки на рукаве и бить солдат наотмашь клинком сабли. Вот именно какие офицеры сейчас нужны нынешнему правительству.

Что касается массы солдат, то это уже не те пламенные защитники свободы периода 1792 и 1793 годов: большинство тех храбрецов осталось на полях славы; масса же оставшихся состоит из завербованных в армию сельских жителей, которые служат свободе так же, как каторжники отбывают службу на галерах. Нередко в батальоне из четырехсот человек можно едва встретить сорок солдат, умеющих кое-как читать и писать. Городская молодежь, получившая некоторую грамотность, почти вся нашла способы избежать военной службы. Единственным предметом желаний большинства солдат (которых ошибочно все еще называют волонтерами), их желание, говорю я,— поскорее вернуться к своим очагам. И я могу заверить, что среди них имеются тысячи, которые придают так мало значения революции, что они охотно пожертвуют республикой ради одного своего деревенского пирога. Но зато мы знаем также среди них около одной трети, которые, будучи солдатами по профессии и предназначенными для этой профессии

при любом режиме, способны на все, когда их используют с умением. В большинстве своем это настоящие сорви-головы, которые, пользуясь своим влиянием, постоянно увлекают за собою нерешительных и апатичных. Чтобы привести этих людей в движение, нет надобности в пространных речах — для этого достаточно вина и видов на грабеж: без этих двух вещей от них ничего нельзя ожидать. Конвенту было хорошо известно это средство; 13 вандемьера он сумел найти ему хорошее применение.

Последние, о которых я скажу, — это всеобщие конные войсковые части, особенно драгуны, гусары, егеря.

Руководствуясь этими общими наблюдениями, я хочу наметить средства, которые, по моему мнению, следует применить для осуществления столь желанного всеобщего возрождения:

1. В наших письменных и устных выступлениях подрывать авторитет генералов и их генеральных штабов, но вместе с тем щадить низших офицеров.

2. Провоцировать если не дезорганизацию воинских частей, то, по крайней мере, максимальное неповинование, для того чтобы в дальнейшем суметь, в случае необходимости, расформировать их.

3. Говорить одновременно о разграблении богачей и о безусловных отпусках; в зависимости от обстоятельств можно будет избегнуть выполнения этих обещаний; не следует,

однако, слишком много говорить об абсолютном равенстве, ибо начальники-шуаны уже с давних пор до такой степени восстановили военных против этой системы, что они не только считают ее неосуществимой, но и вообще полагают, что она является верным признаком для опознавания роялистов. Это покажется странным, но тем не менее это так.

И, наконец, 4. Когда приблизится день великого действия, весьма важно, на мой взгляд, устроить нечто вроде балов в соседних с казармами харчевнях; туда можно будет привлечь солдат, и там, напоив их, можно будет с известной ловкостью поднять их настроение до необходимого уровня.

Предлагаю вашему вниманию, братья республиканцы, эти соображения с тем, чтобы дать вам совет. Если вы сочтете нужным следовать моим взглядам, то я прошу вас извести меня об этом; в ближайшие дни я займусь работой, которую назову «Диалог между Деревянной ногой и Свободным франком». Этот диалог подробно коснется нынешней нищеты и унизительного положения солдата в сравнении с его положением в 92 году.

За этой работой, написанной в солдатском стиле, последует вскоре (насколько мне позволит свободное время) другая работа под названием: «Ответ Террора Свободному Франку».

Я читал и перечитывал инструкцию, и я

еще буду перечитывать ее, чтобы вникнуть в ее содержание и точно придерживаться ее.*

С братским приветом.

Двадцать первый документ

СВОБОДНЫЙ ФРАНК — ТАЙНОЙ ДИРЕКТОРИИ и т. д.¹¹⁷

17 флореяля

В продолжение трех декад я делал тщетные усилия отыскать брата среди моих товарищ из Гренельского лагеря. Я уже отчаялся было добиться этого, когда счастливый случай принес мне успех, причем такой, который доставит мне в скором времени другие, более солидные успехи.

Вот как было дело. Вчера я провел часть послеобеденного времени за бутылкой вина с лейтенантом моего батальона по имени Монсюон (человеком с ораторскими и военными способностями, старым солдатом из Фландрии). Я давно подозревал в нем добрые принципы, и именно для того, чтобы прощупать его, я и уединился с ним. После долгого разговора о политике вообще и после того как я достаточно напоил его, чтобы заставить

* Письмо написано предателем Гризелем.

говорить (ибо от природы он весьма сдержан), он признался мне с тем сердечным излиянием, которое служит верным признаком искренности, что он всегда оставался демократом, но, потеряв надежду увидеть в скором времени республиканцев вновь воспрянувшими, он и некоторые из его старых друзей из Фландрии, превращая необходимость в добродетель, прикинулись сторонниками правительства. Я воспользовался случаем, чтобы придать ему мужества, и, заверив его, что разделяю такой же образ мышления, дал ему понять, что мне известно совершенно точно о готовности к восстанию более 40 тысяч санкюлов, которые сокрушили бы уже тиранов, если бы не опасение, что им придется вступить в борьбу с нами, солдатами правительственных войск.

Я добавил, что всё говорит о том, что это не помешает им в скором времени восстать и что мы наверняка окажемся жертвами, подобно тому, какими оказались 10 августа швейцарцы. Ничего больше я не сказал, но этого было достаточно, чтобы мы договорились о следующем:

1. Сегодня же он увидится с тремя его давнишними друзьями, которых он хорошо знает, и склонит их подготовить вместе с ним войска к тому, чтобы в решительный момент оказать помощь народу; он познакомит меня со своими друзьями, не назвав им моего имени; он заявит им (что весьма существенно) и уверит их в том, что 300 человек уже завер-

бовано, но что существует договоренность о том, что знакомы между собой могут быть только четыре человека с другими четырьмя — с целью предотвращения предательства; по усмотрению количества их может быть доведено до 15—20 человек, в том числе не более трех офицеров (так как это наименее поддающийся чин). Когда это небольшое ядро будет сформировано, я вручу каждому из них около тысячи франков ассигнатами для вербовки солдат и распространения среди них идей о неповиновении. Вот откуда я получу эти деньги (ибо, на мой взгляд, это великий рычаг): 1) у одного из моих братьев в Абевилле хранятся мои 35 тысяч ливров ассигнатами; я попросил прислать их мне, письмо находится уже в пути; 2) у меня имеется двоюродный брат по имени Понтикур, нотариус, проживающий на улице Сен-Круа де ла Бретонери, с которым я вижусь редко, так как он очень богат и, следовательно, отъявленный роялист; он часто предлагал мне взаймы денег, чтобы приодеться, ибо — говорил он — у меня скорее вид санкюлота, нежели капитана. Я всегда пренебрегал его предложениями, так же как и им самим, однако нессорился с ним из известного уважения к его отцу и т. д. Я отыщу этого двоюродного брата, скажу ему, что скоро буду назначен чиновником в военном ведомстве, и попрошу его одолжить

мне тысяч десять франков, чтобы приодеться; он сделает это с готовностью.*

Двадцать второй документ¹¹⁸

Этот документ совпадает с пятнадцатым (см. стр. 250), за исключением следующих изменений:

Между 4 и 5-й мотивировкой читай следующее:

«Принимая во внимание, что Национальный конвент никогда не был распущен; что он был лишь разогнан силой по воле тиранической контрреволюционной фракции; что по праву он существует и поныне; что он мог быть заменен лишь Законодательным собранием, свободно избранным народом в соответствии с его демократической конституцией».

Между статьями 10 и 11-й читай следующую статью, которая становится десятой:**

«Конвент немедленно соберется и вновь приступит к своим функциям».

Номера всех последующих статей увеличиваются на одну единицу.

В конце статьи 11-й, которая становится 12-й, добавь следующие слова:

* Это письмо принадлежит предателю Гризелю, который написал его после того, как выдал намерения демократов.

** Неточность: следует читать одиннадцатой.—Ред.

«Члены Конвента будут опознаваться по особому признаку; этим признаком будет красная обшивка вокруг шляпы».

Вместо статьи 19-й, которая становится 20-й, читай следующее:

«Ввиду того, что в результате удаления узурпаторов из органов национальной власти представительство народа будет неполным, а также ввиду невозможности избрать в настоящее время через первичные собрания людей, достойных доверия народа, Национальный конвент включит немедленно в свой состав по одному члену от каждого департамента, отобранному из числа наиболее выраженных демократов и главным образом из числа лиц, которые наиболее активно будут содействовать свержению тирании. Список этих лиц будет представлен уполномоченными той части народа, которая возьмет на себя инициативу восстания».

Двадцать третий документ¹¹⁹

ПРОЕКТ

РАВЕНСТВО. СВОБОДА. ВСЕОБЩЕЕ СЧАСТЬЕ.

Принимая во внимание, что народ долгое время убаюкивали пустыми обещаниями и что настало, наконец, пора действительно позаботиться о его счастье, составляющем единственную цель революции;

принимая во внимание, что величественное восстание сегодняшнего дня должно навсегда уничтожить нищету, постоянный источник всех видов угнетения, Повстанческая дирекция общественного спасения постановляет:

Статья 1

По окончании восстания неимущие граждане, находящиеся в настоящее время в плохих жилищных условиях, не вернутся более в занимаемые ими жилища; они будут немедленно вселены в дома заговорщиков.

Статья 2

У вышеназванных богачей будет изъята мебель, необходимая для того, чтобы с удобствами обставить квартиры санкюловотов.

Статья 3

На революционные комитеты Парижа возлагается обязанность принять все меры для быстрого и точного выполнения настоящего постановления.

Двадцать четвертый документ

(Отрывок)

ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ О НАРОДНОМ СУДЕ

Принимая во внимание, что наказание ве-
роломных уполномоченных, узурпировавших

национальный суверенитет, есть первая обязанность восставшей части народа по отношению ко всему народу в целом;

принимая во внимание, что это наказание должно налагаться таким образом, чтобы устрашить одних лишь предателей и отнять у врагов равенства всякий предлог для клеветы на парижский народ;

Повстанческий комитет общественного спасения постановляет:

Статья 1

Узурпаторская деятельность и тирания членов обоих Советов и Исполнительной дирекции очевидна. Закон* карает смертью узурпаторов народного суверенитета.

Статья 2

Восставшим народом создается комиссия, в состав которой входят нижеследующие лица.

Статья 3

Эта комиссия действует на глазах у народа:

заслушав Повстанческий комитет или назначенного им обвинителя, она объявляет, имеется ли у народа основание для того, чтобы помиловать нарушителя своего долга.

Статья 4

Восставший народ, собравшись по секциям в той форме, в какой это будет указано,

* Ст. 27 Декларации прав 1793 г.

удовлетворяет либо отказывает в просимом помиловании.

Статья 5

Граждане..., * члены нынешних обоих Советов, достойны народного доверия; они ставятся под его особую защиту.

Статья 6

С целью установления надлежащего наказания предателей каждый окружной агент называет и представляет на утверждение собравшегося народа четырех граждан от каждой секции.

Статья 7

Комиссия разделяется на 6 секций; в каждой секции выносят суждение 22 члена; остальные замещают отсутствующих; председательствует старший из членов; состав каждой секции решается жребием.

Статья 8

• • • • • • • • • • • • • • • • • • •

— — — — —

Двадцать пятый документ

ДИРЕКТОРИЯ — АГЕНТАМ

Все меры приняты; мера преступлений тиранов перешла границы; необходимо восстать.

* Многоточие в подлиннике.— Ред.

Вот наши предписания и инструкции, с которыми вам надлежит точно сообразоваться.

1. Завтра в... часов утра вы ударите в набат во всех секциях вашего департамента и огласите улицы звуками как можно большего числа труб, которые вы сможете раздобыть. Командующий вами генерал снабдит вас ими когда начнется восстание, если только он сможет овладеть местом, где они хранятся. Хорошо, если впереди каждого из выступающих взводов или, по крайней мере, впереди выступающих округов будут шествовать трубачи.

2. Одновременно вы расклейте и широко распространите воззвания, которые мы посылаем вам, и с помощью заранее извещенных вами агентов поднимете весь народ.

3. Нижеследующих граждан, а именно . . . и т. д. Директория назначила народными генералами на время восстания.

Обеспечьте, чтобы их признали прежде всего их подчиненные, избранные нами, а затем весь народ; позаботьтесь также о том, чтобы их предписания точно выполнялись.

4. При сем прилагается список граждан ваших округов, которых, на основании представленных вами сведений, мы сочли наиболее способными, чтобы повести народ на завоевание своих прав. Следует разбить народ на взводы; каждый из этих граждан будет командовать отрядом; гражданин, назначенный над ними начальником, будет коман-

вать округом; помощники начальника будут командовать секциями.

5. Предупредите немедленно начальников округов и сообщите им имена генералов, которым они должны будут подчиняться. Одновременно прикажите им предупредить помощников начальников о том, чтобы они были наготове, не говоря им ничего более; о том же надлежит сообщить взводным командирам, внушающим вам полное доверие; остальных следует лишь предупредить в нужный момент. Вы свободно можете не использовать взводных командиров, в отношении которых у вас имеются сомнения.

6. Передайте начальникам, помощникам начальников и взводным командирам указанные в возвзвании значки.

7. Отдайте приказ о том, чтобы они любым способом завладели немедленно оружием и боевыми припасами, имеющимися уunter-офицеров и в секционных центрах.

8. Соберите в воинские части всех явившихся артиллеристов, — с тем, чтобы они были готовы выполнить приказы генералов.

9. Подберите деятельных патриотов, которым вы поручите обратиться с речью к народу и воодушевить его.

Одновременно используйте патетическое и убедительное красноречие женщин. Направьте их, как мы уже сказали вам в наших предыдущих инструкциях, к солдатам, которым они преподнесут венки за гражданскую доблесть и с помощью самых сильных из

имеющихся у них доводов призовут их влиться в ряды народа.

10. Как только начнется брожение, поощрите его путем распространения слуха о том, что Гренельльский и Венсенский лагери уже перешли на сторону народа.

Необходимо, чтобы солдаты, начав браться с народом, влились в ряды санкюловтов и не выступали ни все вместе, ни под начальством своих офицеров.

11. Отдайте приказ начальникам и командирам о насильственном приводе или разгоне всех лиц, которые захотят подчиниться приказаниям правительства и стать под начальство офицеров Национальной гвардии. Следует задерживать любой приказ и любого вестового с приказами любого из существующих органов власти.

12. Позаботьтесь о том, чтобы поднять население вашего округа и сплотить его вокруг себя; покажите пример преданности и мужества; каждые 15 минут будете отчитываться перед нами через нарочных о положении дел.

13. В случае, если генералы отдадут людям вашего округа приказ разбиться на части, вы последуете за самой многочисленной частью и доверите надзор за другой частью ревностному гражданину, имя которого вы немедленно сообщите нам; вы прикажете ему точно так же отчитываться перед нами каждые четверть часа.

14. Все ваши инструкции сообщите наиболее заслуживающему вашего доверия санкю-

лоту с тем, чтобы он заместил вас в случае, если произойдет что-либо неожиданное.

15. Прикажите от нашего имени, чтобы при первых звуках набата три члена революционного комитета от каждой секции вашего округа, находившиеся на службе 9 термидора и оставшиеся незапятнанными, вернулись к исполнению своих обязанностей. В случае, если таковых не окажется, отберите других патриотов; поручите им принять, в согласии с вами, все меры к осуществлению акта о восстании; особенно необходимо, чтобы они занялись статьями, касающимися пекарей и продовольствия, которым необходимо обеспечить народ.

16. Прикажите им также реквизировать немедленно лошадей, мулов и повозки, необходимые для перевозки продовольствия, боеприпасов и раненых.

Завладев мучными складами, позаботьтесь о том, чтобы немедленно установить дежурный склад и бесперебойно снабжать соседних пекарей.

17. В момент начала восстания направьте к нам немедленно десять вооруженных и решительно настроенных санкюловтов вашего округа. Они пригодятся для того, чтобы относить приказания, и в самом крайнем случае мы вместе с ними похороним себя под руинами свободы.

18. Заседания Повстанческой директории будут происходить в... *

19. Национальный конвент будет немедленно после восстания водворен Повстанческой директорией в... *

Вы уведомите о его существовании.

20. Проследите за тем, чтобы точно выполнялись приказания генералов относительно охраны застав, и особенно позаботьтесь об охране мостов, как и о том, чтобы прервать всякое сообщение между органами существующей власти.

21. Используйте первый момент для того, чтобы в каждом округе побудить народ явиться всей массой к нам и помочь нам представить список демократов, которые должны быть введены дополнительно в Национальный конвент, а также для того, чтобы поддержать законы, которые будут тут же предложены нами в интересах народа и его возрождения и построены таким образом, чтобы не оставить более несчастным ни одного гражданина.

Двадцать шестой документ

НАБРОСОК ПРОЕКТА РЕЧИ К ПОБЕДИВШЕМУ НАРОДУ

Народ-победитель!

Граждане! Если для того, чтобы вызвать интерес слушателей, необходимо, чтобы пред-

* Многоточие в подлиннике.—Ред.

метом речи были вещи величайшего значения, то никогда еще ни один оратор не должен был быть выслушан с таким вниманием, с каким должен быть выслушан я. Я требую кроме того этого внимания, я требую его у тебя, счастливый народ, и хочу заранее подготовить тебя ко дню, который сияет нам. Я хочу попытаться увеличить его сияние, предупредив тебя о том, что вещи, которые я намерен тебе сообщить, имеют для тебя еще большее значение, нежели величественная победа, которую тебе предстоит одержать. Наконец, если доверие к тому, кто обращается с речью, и к тем, от имени которых он с этой речью обращается, может в еще большей степени увеличить внимание слушателей, то я полагаю, что не отдаляюсь от этой цели, заявив, что в этот момент ты слушаешь голос Повстанческого комитета общественного спасения.

Еще раз, свободный народ, освобожденный от оков, народ-победитель! Отдайся без стеснения восторгу: твоих господ больше не существует. Прошло то время, когда они, будучи у власти, говорили о свободе, о твоей жизни, о самых дорогих для тебя интересах и при этом хотели превратить тебя в презренный автомат. Мы же не скажем тебе, чтобы ты не подавал никаких признаков одобрения или неодобрения. Народ-суверен! Если мы совершим измену по отношению к тебе, если отныне наши речи также послужат предвестниками нашего вероломства и наших преступ-

лений,— во имя отечества и свободы не давай нам их закончить: предай нас позору на месте, покарай нас!

Я считаю также уместным в начале своей речи объявить тебе, французский народ, кто является членами Повстанческого комитета общественного спасения, от имени которого я обращаюсь к тебе с речью. Вот их имена...

Франция! Вся ты слышишь меня! И вы, мои слушатели, составляющие вместе с нами ее первых освободителей, я обещал вам, так же как и ей, сообщить вещи, достойные этого великого дня, и представляющие еще больший интерес, нежели выдающаяся победа, которую этот день озарил. Я сообщу и предложу такие вещи, которые гарантируют народ от того, чтобы быть лишенным плодов этой победы.

Я неизменно обращаюсь к народу; я все еще вижу здесь только его одного. В акте о восстании речь шла о представительстве; оно не существует еще вовсе, поскольку оно еще не признано. Оно не существует еще вовсе, ибо народ, все еще пребывающий в состоянии восстания, сам неизменно осуществляет свои права, ибо всякая иная власть исчезла перед его властью. Оно не существует еще вовсе, ибо плоды восстания еще не собраны и даже не гарантированы народу. Граждане, учтите, как следует, это обстоятельство. Пусть старые авторитеты не создают для вас иллюзии; здесь находитесь только вы, и я не вижу здесь никакого сената. Следовательно, к вам,

только к вам хочу я обратиться с речью, и, повторяю, полезно, в высшей степени полезно, чтобы вы хорошенько вникли во всё это. Дорогой момент, он единственный и не представится более. От того, как мы используем его, может навсегда зависеть наша участь.

Двадцать седьмой документ

ВОЗЗВАНИЕ К СОЛДАТАМ

Солдаты! Приближается момент для спасения отечества или для того, чтобы погубить его навсегда. Народ, истомившийся под бременем своих бедствий, возмущенный угнетением, поднимается на борьбу: он хочет уничтожить тиранию или погибнуть вместе со свободой. Нет, нельзя быть патриотом и выносить дальше существование правительства, возникшего против воли народа, ценою гибели самых пламенных его друзей, путем насильственного нарушения прав народа и уничтожения всех законов, изданных в его интересах.

Нищета народа достигла наивысшей степени. У него отняты все средства, способные заставить услышать его голос; у него нет более ни народного общества, ни общественного собрания, где он мог бы найти поддержку своим жалобам. У обоих Советов и у Директории, столь мягких и гуманных по

отношению к сильным мира сего и к порядочным людям, не существует для народа ни сердца, ни слуха, ни голоса. Всякого, кто говорит или пишет от имени народа, сажают в тюрьму, убивают. Нет, никогда еще тирания не была более жестокой, более нестерпимой. С народом, в интересах которого была совершена революция, стоящие у власти обращаются, как с низкой чернью, которую ради их собственной безопасности необходимо заковать в цепи, а люди, которых такое чрезмерное варварство возмущает, люди, разрушившие Бастилию и трон, этими же власть имущими обзываются роялистами, для того чтобы обмануть и вооружить против таких людей слабых и невежественных. Именно путем такого коварного макиавелизма они расчитывают ввести вас в заблуждение и перерезать вам горло штыками, подобно тому, как они сделали это в жерминиале и в пре-риале III года. Вы сами санкюлоты и не станете бороться против людей, которые, так же как и вы, повергли в прах монархию. Слушайте же и не создавайте себе никаких иллюзий.

Народ желает конституцию 1793 г., которую он единодушно утвердил и которая была у него коварным образом отнята путем истребления и лишения свободы патриотов, получивших кличку террористов.

Народ желает эту конституцию, так как, упраздняя всякие отличия для богачей, она делает всех людей равными, так как она

гарантирует имущество и помощь защитникам отечества и неимущим и так как, согласно этой конституции, народ вправе протестовать, когда законы противоречат его интересам.

Если вы не друзья королей, дворян и бояр, вы будете с нами; вы не станете прислушиваться к лживому голосу ваших генеральных штабов, которые, столь много раз нарушая повторяемую присягу, бросались, очертя голову, в объятия нынешнего правительства, потому что оно дорого оплачивает их подлость и особенно потому, что оно разрешает им применять к вам нестерпимый деспотизм, который вы свергли в 1789 году.

О! Когда вы проливали кровь на фронтах во имя защиты отечества, вы не подозревали об ужасах, творящихся в стране. Вы воображали, что сражаетесь за свободу, за народ; а ведь ваши победы, ваша кровь послужили лишь для того, чтобы на руинах старого деспотизма воздвигнуть новую тиранию, новые различия, новое высокомерие.

Посмотрите на эту Директорию: на ее неслыханную роскошь, на ее великолепные дворцы, многочисленную гвардию, на ее высокомерие, на низкопоклонство ее приближенных — разве не узнаём мы в ней двор Капетов? А наши генералы, столь изысканно одетые, — разве не походят они со своей роскошью и спесью на высокомерную знать, место которой они заняли. О храбрые солдаты! Как видите, революция, которая

должна была восстановить равенство, заменила лишь пока шайку прежних мошенников толпой новых.

Руководители-патриоты направляли революцию к облегчению участи неимущих; начальники, друзья равенства, вели вас к победе; они были смещены с кличкой террористов. Террор, спасший отечество, был превращен в преступление, а мужественные люди, которые с величайшей самоотверженностью презирали всякие опасности, были отданы контрреволюционерам на заклание как самые гнусные злодеи.

После двух лет контрреволюции ваши заблуждения должны были рассеяться. Террористами называют людей, которые с самого начала революции борются за права народа, людей, непрерывно требующих вознаграждения для вас и помощи для неимущих людей, нанесших смертельный удар врагам народа, людей, вместе с которыми вы столько раз заставляли бледнеть от страха приспешников тирании. Посмотрите, кто же заслуживает вашего уважения: мы или наши враги?

Солдаты, откройте глаза: вы люди из народа, разве вы сможете вести вооруженную борьбу против него? Зачем же питать такую вражду к вашим братьям из полицейского легиона? Их разгоняют, потому что они все хорошо видят, потому что они не желают нас убивать; если завтра вы будете выведе-

ны из заблуждения, то с вами поступят точно так же.

Солдаты с красными и белыми воротниками, разве не все вы сыновья защитников отечества! Разве не сражались вы вместе во имя торжества свободы? Друзья, обнимите друг друга и соедините ваше оружие в борьбе против узурпаторов, которые, страшась мщения народа, рассчитывают найти для себя поддержку в ваших распрях. Родина, ваша общая мать, в гневе против пролитой вами крови ваших братьев, раздавит вас под бременем ее проклятий.

Эзучит набат!

Вы не солдаты правительства, вы солдаты народа; не правительство, а народ оплачивает вас ценою своего тяжкого труда и лишений. И если вы выступите с оружием в руках против него, как этого требуют тираны, то, каковы бы ни были опасности, мы будем бороться; жребий брошен; молчать было бы величайшим из преступлений; терпеть — значит санкционировать рабство будущих поколений. Мы поднимемся на борьбу, и мы увидим, являетесь ли вы защитниками свободы или рабами тирании. О солдаты! Вы люди из народа, угнетаемые, неимущие, как и мы; вы придетете в наши ряды, и мы заставим бледнеть от страха угнетателей отечества.

Двадцать восьмой документ

НАБРОСОК ПРОЕКТА ДЕКРЕТА ОБ УПРАВЛЕНИИ

Статья 1

Лица, ничего не делающие для отечества, не могут пользоваться никакими политическими правами; они иностранцы, которым республика оказывает гостеприимство.

Статья 2

Ничего не делают для отечества те люди, которые не служат ему полезным трудом.

Статья 3

Закон рассматривает как полезный труд: земледельческий труд, скотоводство, рыболовство, судоходство;

машинальное и ручное производство;

мелочную торговлю;

перевозку людей и вещей;

военную службу;

преподавание и научную деятельность.

Статья 4

Преподавательский и научный труд не будут, однако, признаваться полезным трудом, если занимающиеся им лица не представлят в течение..... * свидетельства о гражданстве, выданного в установленной форме.

* Многоточие в подлиннике.— Ред.

Статья 5

За гражданами, полезный труд которых был временно приостановлен вследствие болезни или вследствие обстоятельств революционного времени, сохраняются политические права.

Статья 6

Иностранцам вострещается участие в народных собраниях.

Статья 7

Иностранцы находятся под непосредственным надзором верховной администрации, которая может выслать их из места их постоянного жительства и отправить в места исправительного труда.

Статья 8

Всякий иностранец, которому разрешено пользоваться гостеприимством, становится кандидатом на пользование политическими правами в случае, если он вступает в члены национальной общины. Он получает эти права, как только он в состоянии представить свидетельство о гражданстве.

Статья 9

Закон определяет срок, в течение которого никто не вправе пользоваться гражданскими правами, не будучи членом национальной общины.

Статья 10

Все граждане получают оружие.

Статья 11

Иностранцы сдаают, под страхом смертной казни, принадлежащее им оружие революционным комитетам.

Статья 12

Граждане должны собраться в первую декаду после обнародования настоящего декрета для реорганизации Национальной гвардии.

Статья 13

В окрестностях Тулона, Валанса, Гренобля, Макона, Мецца, Валансьена, Сент-Омера, Анжера, Ренна, Клермона, Ангулема и Тулузы будут в кратчайший срок созданы военные лагери, назначение которых поддерживать спокойствие, защищать республиканцев и благоприятствовать преобразованиям.

Статья 14

Для этой цели революционные комитеты наметят по четыре республиканца от каждой роты Национальной гвардии и немедленно направят их в указанные им места в полном вооружении, экипированными и снабженными лагерными принадлежностями.

Статья 15

Предписания военного декрета распространяются и на вышеупомянутые лагери.

Статья 16

Эти лагеря будут распущены немедленно после того, как в мирной обстановке будут выработаны новые законы.

Статья 17

Острова Маргариты и Онорэ, Гиерские острова, острова Олерон и Ре будут превращены в места исправительного труда, куда будут высылаться для принудительных работ подозрительные иностранцы и лица, арестованные за обращение с воззваниями к французам.

Статья 18

Доступ к этим островам будет прекращен. На них будет существовать администрация, подчиняющаяся непосредственно правительству.

Статья 19

Те из заключенных, которые дадут доказательства исправления, активности в работе и доброго поведения, смогут вернуться на территорию республики и приобрести в ней права гражданства.

* * * * *

Двадцать девятый документ

НАБРОСОК ПРОЕКТА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ДЕКРЕТА¹²⁰

Статья 1

В республике будет учреждена большая национальная община.

Статья 2

Национальная община является собственником нижеперечисленного имущества, а именно:

имущества, объявленного национальным и не проданного до 9 термидора II года;

имущества врагов революции, пожалованного неимущим согласно декретам от 8 и 13 вантуза II года;

имущества, доставшегося или подлежащего передаче республике в результате судебных приговоров;

зданий, занятых в настоящее время под государственные учреждения;

имущества, которым пользовались общины до издания закона от 10 июля 1793 г.;

имущества, предназначенного для госпиталей и учреждений народного просвещения;

квартир, занимаемых неимущими гражданами, во исполнение воззвания к французам от ... *

* Многоточие в подлиннике.—Ред.

имущества лиц, отказавшихся от него в пользу республики;

имущества, узурпированного лицами, разбогатевшими при исполнении общественных должностей;

имущества, покинутого его владельцами.

Статья 3

Упраздняется право наследования согласно закону или по завещанию. Все состояния, являющиеся в настоящее время собственностью частных лиц, после их смерти перейдут в собственность национальной общины.

Статья 4

Сыновья, у которых жив отец и которые по закону не подлежат призыву на военную службу, рассматриваются как самостоятельные собственники.

Статья 5

Французы обоего пола, отказывающиеся в пользу отечества от всего своего состояния и отдающие ему самих себя и труд, на который они способны, являются членами великой национальной общины.

Статья 6

Старики, достигшие шестидесятилетнего возраста, а также инвалиды, лишенные состояния, являются по праву членами национальной общины.

Статья 7

Членами национальной общины являются в равной мере также молодые люди, воспи-

тыавшиеся в национальных воспитательных домах.

Статья 8

Собственностью национальной общины пользуются сообща все трудоспособные ее члены.

Статья 9

Великая национальная община содержит всех своих членов в одинаковом и честном среднем достатке. Она доставляет им всё, в чем они нуждаются.

Статья 10

Республика призывает добрых граждан сотрудствовать успеху преобразования путем добровольного отказа от своего имущества в пользу общины.

Статья 11

Начиная с.....*, никто не сможет занимать гражданскую или военную должность, не будучи членом названной общины.

Статья 12

Великая национальная община управляет местными должностными лицами по выбору ее членов, согласно законам и под руководством верховной администрации.

Статья 13

* Многоточие в подлиннике.— Ред.

Об общественном труде

Статья 1

Каждый член национальной общины обязан ей своим трудом в области сельского хозяйства и полезных ремесл, на которые он способен.

Статья 2

Исключения допускаются в отношении стариков, начиная с шестидесяти лет, и инвалидов.

Статья 3

Граждане, которые путем добровольного отказа от своего имущества станут членами национальной общины, не должны подвергаться тяжелому труду, если они достигли сорокалетнего возраста и если до опубликования настоящего декрета они не занимались машинным производством.

Статья 4

Граждане каждой общины делятся на классы. Существует столько классов, сколько полезных промыслов; каждый класс составляется из совокупности лиц, занимающихся одним и тем же промыслом.

Статья 5

У каждого класса имеются должностные лица, назначаемые лицами, которые этот

класс составляют. Эти должностные лица руководят работами, следят за тем, чтобы они были равномерно распределены, выполняют предписания муниципального управления и подают пример усердия и активности.

Статья 6

Закон определяет для каждого времени года продолжительность рабочего дня членов национальной общины.

Статья 7

При каждом муниципальном управлении существует Совет, состоящий из стариков, delegированных в него каждым из классов трудающихся. Этот Совет осведомляет администрацию обо всем, касающемся распределения, облегчения и усовершенствования труда.

Статья 8

Верховная администрация введет в обиход национальной общины машины и методы, способные сократить труд человека.

Статья 9

Муниципальная администрация имеет постоянно в своем распоряжении сведения о положении трудающихся каждого класса и о выполняемом ими задании. Она регулярно доводит об этом до сведения верховой администрации.

Статья 10

Перемещение трудящихся из одной административной коммуны в другую производится по предписанию верховной администрации, на основе сведений о численности и потребностях общины.

Статья 11

Верховная администрация осуждает на принудительные работы под надзором указываемых ею общин лиц обоего пола, подающих обществу опасный пример отсутствия у них гражданских чувств, праздности, роскоши и распутства.

Статья 12

Должностные лица каждого класса обеспечивают сдачу в хранилища национальной общины плодов земли и произведений искусств, пригодных к хранению.

Статья 13

Результаты учета этих предметов регулярно сообщаются верховной администрации.

Статья 14

Должностные лица, прикрепленные к классу граждан, занимающиеся сельским хозяйством, следят за широким применением и улучшением качества животных, пригодных для пропитания и одежды, для перевозок и для облегчения человеческого труда.

• • • • •

*О распределении и использовании имущества общины***Статья 1**

Любой член национальной общины может пользоваться только тем, что предоставляет-
ся ему на основании существующих законов
о передаче.

Статья 2

Национальная община обеспечивает с этого момента каждому из ее членов:

полезную для здоровья, удобную и при-
лично меблированную квартиру;

одежду для работы и для отдыха, бумаж-
ную или шерстяную, в соответствии с нацио-
нальным костюмом;

стирку белья, освещение и отопление;

достаточное количество продуктов в виде хлеба, мяса, птицы, рыбы, яиц, масла жи-
вотного или растительного, вина и других напитков, употребляемых в различных райо-
нах, овощей, фруктов, приправ и прочих пред-
метов, совокупность которых составляет уме-
ренный и скромный достаток;

врачебную помощь.

Статья 3

В каждой общине будут иметь место в определенное время общественные трапезы, присутствие на которых будет обязательным для всех членов общины.

Статья 4

Содержание должностных лиц и военных не отличается от содержания членов национальной общины.

Статья 5

Член национальной общины, получающий денежное вознаграждение или хранящий у себя деньги, карается по закону.

Статья 6

Члены национальной общины получают общественный рацион только в том округе, в котором они проживают, кроме случаев перемещений с разрешения властей.

Статья 7

Местом жительства граждан является коммуна, в которой они проживали ко времени опубликования настоящего декрета.

Местом жительства молодых людей, воспитывавшихся в национальных воспитательных домах, является коммуна, в которой они родились.

Статья 8

В каждой коммуне существуют должностные лица, на обязанности которых лежит распределение между членами национальной общины по месту их жительства продуктов сельского хозяйства и ремесла.

Статья 9

Правила этого распределения устанавливаются законом.

Статья 10

Об управлении национальной общиной

Статья 1

Национальная община по закону управляемася верховной государственной властью.

Статья 2

В отношении управления общинами республика делится на области.

Статья 3

В область входят все смежные департаменты, продукция которых приблизительно одна и та же.

Статья 4

В каждой области существует промежуточное административное управление, которому подчиняются департаментские управления.

Статья 5

Благодаря телеграфной связи будет улучшено сообщение между департаментскими и

* Многоточие в подлиннике.— Ред.

промежуточными административными управлениями, как и между промежуточными и верховным административным управлением.

Статья 6

Верховная администрация определяет, в согласии с законом, характер и количество распределяемого между членами общины каждой области.

Статья 7

В соответствии с этим определением, департаментские административные управления сообщают промежуточным административным управлениям о нехватке или излишках в их областях.

Статья 8

Промежуточные административные управления пополняют, если это возможно, нехватку в одном департаменте излишками другого, издают распоряжение о необходимой оплате и перевозке и отчитываются перед верховным административным управлением в своих нехватках или излишках.

Статья 9

Верховная администрация заботится о нуждах районов, испытывающих нехватку вследствие излишков в тех районах, у которых всего в избытке, или вследствие обмена с другими государствами.

Статья 10

По распоряжению верховной администрации прежде всего ежегодно изымается и складывается в военные склады десятая часть урожая всей общины.

Статья 11

Верховная администрация заботится о том, чтобы излишки, имеющиеся у республики, бережно хранились на случай неурожайных лет.

• • • • *

О торговле

Статья 1

Воспрещается всякая частная торговля с иноземными народами. Товары, прибывающие из-за границы, подлежат конфискации в пользу национальной общины. Нарушители сего караются по закону.

Статья 2

Республика доставляет национальной общине недостающие ей предметы путем обмена излишних произведений сельского хозяйства и ремесл на соответствующие излишки иноземных народов.

Статья 3

Для этой цели устраиваются удобные склады на сухопутных и морских границах.

* Многоточие в подлиннике.—Ред.

Статья 4

Верховная администрация ведет переговоры с иностранцами при помощи своих агентов; по ее распоряжению излишки, которые она желает обменять, складываются в амбары; там же она получает от иностранцев обусловленные товары.

Статья 5

Агенты верховной администрации при торговых складах часто сменяются; нарушающие свои обязанности строго караются.

О перевозках**Статья 1**

В каждой общине существуют должностные лица, на которых возлагается руководство перевозками общинного имущества из одной обины в другую.

Статья 2

Каждая община снабжается достаточным количеством перевозочных средств, как сухопутных, так и водных.

Статья 3

Члены национальной обины призываются по очереди сопровождать и осуществлять надзор за предметами, перевозимыми из одной обины в другую.

Статья 4

Промежуточные административные управления возлагают ежегодно наиболее дальние перевозки на известное число отобранных из всех подведомственных им департаментов молодых людей.

Статья 5

Граждане, на которых возлагается та или иная перевозка, находятся на содержании общины, в которой они находятся.

Статья 6

По распоряжению верховной администрации из одной общины в другую кратчайшим путем, под надзором нижестоящих административных управлений, перевозятся предметы, при посредстве которых она покрывает нехватку в областях, испытывающих недостаток в чем-либо.

О налоговых обложениях**Статья 1**

Единственными плательщиками налогов являются граждане, не входящие в состав национальной общины.

Статья 2

Эти граждане платят налоги в прежде установленном размере.

Статья 3

Налоги взимаются натурой и доставляются на склады национальной общины.

Статья 3

Долги любого француза, ставшего членом национальной общины, по отношению ко вся кому другому французу аннулируются.

Статья 4

Республика берет на себя долги членов общины по отношению к иностранцам.

Статья 5

Всякий обман в этом отношении карается пожизненной каторгой.

О денежных знаках

Статья 1

Республика не изготавливает больше денежных знаков.

Статья 2

Денежные средства, поступающие в распоряжение национальной общины, употребляются на покупку у иностранцев необходимых для нее предметов.

Статья 3

Всякое лицо, не являющееся участником общины, уличенное в даче денежных средств одному из членов общины, карается строжайшим образом.

Статья 4

Ни золото, ни серебро не ввозятся более в пределы республики.

* Многоточие в подлиннике.— Ред.

Тридцатый документ

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО ГРАКХА БАБЕФА¹²¹*Моей жене и детям*

Добрый вечер, друзья мои. Я готов к тому, чтобы погрузиться в вечную ночь. Отправляю другу два письма, которые вы увидите; ему я лучше объясню свое положение для передачи вам, нежели я смог бы это сделать вам лично. Мне кажется, что я потерял чувствительность после всего, что я переживал. Вашу участь я вручаю ему. Увы, не знаю, окажется ли он в состоянии сделать то, что я от него прошу; не знаю, как вы сможете добраться до него. Ваша любовь ко мне привела вас сюда, несмотря на все препятствия, которые чинила вам наша нищета. Вы не сдавались, несмотря на горести и лишения; со своей неизменной ко мне любовью вы ежеминутно следили за этой долгой и жестокой судебной процедурой, горькую чашу которой вы, как и я, испили до дна. Не знаю, каким образом вам удастся снова вернуться туда, откуда вы прибыли; не знаю, какую память я оставлю по себе, хотя считаю, что вел себя безупречно; не знаю, наконец, что станется со всеми республиканцами, с их семьями и даже с их грудными детьми, среди роялистских ужасов, к которым приведет контрреволюция. О друзья мои! Как раздирают мне душу эти размышления в последние мои минуты!... Я легче перенес бы смерть во имя

отечества, прощание навеки с семьей, с детьми, с любимой женой, если бы я не видел в конечном итоге гибели свободы и страшнейших преследований всех тех, кто являлся искренними республиканцами. О мои нежные дети, что будет с вами? Тут я не могу устоять, чтобы не дать волю своим чувствам... Не думайте, что я сожалею о том, что пожертвовал собой во имя самого прекрасного дела; если бы даже все мои усилия оказались бесполезными для этого дела, я и тогда выполнил бы мою задачу...

Если против моего ожидания вам удастся пережить ужасную бурю, разразившуюся сейчас над реопубликой и над всем, что было с нею связано; если вам удастся снова оказаться в спокойной обстановке и найти нескольких друзей, которые помогли бы вам одолеть вашу злую участь, то я посоветовал бы вам жить в тесном единении между собой; я посоветовал бы моей жене стараться воспитывать своих детей с большей мягкостью, а детям своим — заслужить доброту своей матери почтанием ее и постоянным послушанием. Семья мученика свободы должна служить образцом всех добродетелей, чтобы вызвать к себе уважение и преданность у всех добродетельных людей. Мне хотелось бы, чтобы моя жена сделала всё от нее зависящее, чтобы дать должное воспитание своим детям, побуждая всех своих друзей оказать ей помощь во всём, что они смогут для этого сделать. Я призываю Эмиля¹²² следовать в

этом воле отца, которого — как я полагаю — он горячо любит и который так его любил; я призываю его пойти по этому пути, не теряя времени, как можно скорее.

Друзья мои, надеюсь, вы будете помнить обо мне и будете часто об этом говорить. Надеюсь, вы поверите, что я всех вас очень любил. Я не видел иного способа сделать вас счастливыми, как путем всеобщего счастья. Я потерпел неудачу; я принес себя в жертву; я умираю также ради вас.

Рассказывайте много обо мне Камилю; скажите ему тысячи и тысячи раз, что я нежно хранил его в своем сердце.

Скажите, то же самое Каю,¹²³ когда он станет способен это понять.

Лебуа¹²⁴ сообщил, что он издаст отдельно наши защитительные речи. Мой речи надо придать наименее возможно широкую огласку. Я советую моей жене, моему доброму другу, не давать ни Бодуэну, ни Лебуа, никому другому, рукописи моей защиты, пока у нее не будет в руках другого, вполне исправного экземпляра, чтобы быть уверенной в том, что эта защитительная речь никогда не будет утеряна. Тебе известно, мой дорогой друг, что эта защитительная речь весьма ценна, что она всегда будет дорога добродетельным сердцам и друзьям своей страны. Единственное достояние, которое тебе останется от меня, это мое доброе имя. И я уверен, что для тебя и твоих детей будет большим утешением пользоваться им. Вам приятно будет слы-

шать, как все чувствительные и честные сердца будут говорить о вашем муже и отце: он был в высшей степени добродетелен.

Прощайте. Меня связывает с землей лишь тонкая нить, которая завтра оборвется. Это верно, и мне это совершенно ясно. Надо ити на жертву. Злые люди оказались сильнее, я уступаю. Приятно, по крайней мере, умирать с такой чистой совестью, как у меня. Самое жестокое, самое душераздирающее — это то, что меня вырывают из ваших объятий, о, нежно любимые мои друзья, о, самое дорогое, что есть у меня!! Я вырываюсь из ваших объятий; насилие совершиено... Прощайте, прощайте, прощайте, десять миллионов раз прощайте...

...Еще слово. Напишите моей матери и моим сестрам. Пошлите им почтой или иным путем мою защитительную речь, как только она будет напечатана. Расскажите им, как я умер, и попытайтесь объяснить им, этим добрым людям, что это славная смерть и что она отнюдь не позорна...

Еще раз прощайте, мои дорогие, нежно любимые друзья. Прощайте навсегда. Я погружаюсь в лоно добродетельного сна.

Г. Бабеф

КОММЕНТАРИИ

Ф. БУОНАРРОТИ

Биографическая справка

Буонарроти, Филипп (Buonarroti Philippe) родился в Пизе 11 ноября 1761 г. в дворянской семье. Родство его с Микель-Анджело вероятно, но точно не установлено. Учился в Пизанском университете. По окончании его жил во Флоренции, уже тогда отличался своими передовыми взглядами. В 1786 г. у него был произведен обыск и изъята антирелигиозная литература.

Вскоре же после первых известий о французской революции Буонарроти в октябре 1789 г. отправился на остров Корсику. Там он стал издавать итальянскую революционную газету «Друг итальянской свободы» и «Патриотическую газету Корсики». Активная деятельность Буонарроти на острове вызвала ненависть к нему со стороны реакционных элементов. В июне 1791 г. во время мятежа в Бастии Буонарроти был изгнан оттуда «за распространение учений, враждебных религии и направленных к тому, чтобы вызвать презрение к священнослужителям». Его на-

сильственно посадили на корабль и отправили в Ливорно. После подавления волнений в Бастии он возвратился на Корсику, где работал в администрации департамента. 2 сентября 1791 г. Генеральный совет Корсики возбудил ходатайство о присвоении ему французского гражданства. Возобновляя свое ходатайство в 1792 г., Совет указывал в своем решении, что «Филипп Буонарроти, тосканский уроженец, поселившийся в департаменте с начала революции, оказал большие услуги родине..., своими писаниями и речами чрезвычайно сильно послужил делу свободы и равенства и... во всех отношениях заслужил включение в число иностранных философов, которых собрание удостоило звания французских граждан».

В конце 1792 г. Буонарроти отправился в сардинскую экспедицию. Его мужественное поведение в ней было засвидетельствовано командующим экспедицией адмиралом Трюге. «Я отправляюсь в Сардинию,— писал Буонарроти Конвенту 17 ноября 1792 г.,— с мечом в одной руке и Декларацией прав в другой». Высадившись на острове Сен-Пьер, он выработал проект конституции для Сардинии и получил полномочия ходатайствовать перед Конвентом о присоединении острова к Франции.

Неудача сардинской экспедиции явилась результатом двусмысленной тактики Паскаля Паоли, защищавшего в свое время независимость Корсики от французов, вернувшегося

на родину после революции, но оставшегося сепаратистом и готовившегося изменить революционной Франции в пользу Англии. С этого момента вся деятельность Буонарроти была направлена к разоблачению Паоли. По дороге в Париж он провел в тулонаском якобинском клубе (март 1793 г.) резолюцию с требованием ареста Паоли и Потто ди Борга, генерального прокурора-синдика Корсики (ставшего позднее русским министром иностранных дел). Благодаря настойчивости Буонарроти, Конвент 2 апреля принял декрет о вызове Паоли и Потто для объяснений. Признанием заслуг Буонарроти явилось присвоение ему Конвентом 27 мая 1793 г. французского гражданства. Тогда же он был принят в якобинский клуб.

Летом 1793 г. Буонарроти был послан с миссией на Корсику, но пробраться туда ему, повидимому, не удалось. Некоторое время он пробыл на юге Франции, помогая Саличетти — члену Конвента, своему близкому другу. По возвращении в Париж Буонарроти продолжал свою борьбу против Паоли, издал новый памфлет против него «Окончательное разоблачение заговора в Корсике» (*Conspiration de Corse, entièrement dévoilée*) и по настоянию корсиканских членов Конвента Мальтедо и Казабьянки был отправлен на Корсику, как комиссар Конвента с чрезвычайными полномочиями. Английская блокада задержала Буонарроти в Тулоне, где он блестяще выполнил ряд задачий пред-

ставителей Конвента — Робеспьера младшего, Саличетти, Рикора — высоко оценивших деятельность Буонарроти. В это время с ним старался сблизиться Наполеон. Буонарроти познакомился с ним и со всей семьей Бонапартов еще на Корсике. Жозеф Бонапарт сотрудничал в его газете. Буонарроти оказывал всей семье Бонапартов материальную поддержку, и Наполеон в письмах к матери и Жозефу упрекал их в том, что они не платят долга Буонарроти.

Уже тогда у Буонарроти сложилось мнение о Наполеоне, как об опаснейшем честолюбце и мнимом республиканце.

С апреля 1794 г. до марта 1795 г. Буонарроти выполнял обязанности национального агента на территории, состоявшей из присоединенной к Франции части Сардинии и из временно оккупированной части Генуэзской республики, причем он и непосредственно участвовал в ряде боев. Его деятельность носила ярко выраженный якобинский, демократический характер. Буонарроти вступил в конфликт с маркизом Палестрино, крупнейшим землевладельцем, и конфисковал его поместье. В результате Комитет общественной безопасности, перешедший уже в руки термидорианцев, принял 1 вантоза III года решение об аресте Буонарроти, «как сторонника террора и истребления населения». 5 марта 1795 г. Буонарроти был арестован и препровожден в Париж, где находился в заключе-

нии в тюрьме Плесси до 9 октября. Здесь он познакомился с Бабефом, который оказал на него сильнейшее влияние. После выхода из тюрьмы Буонарроти из последовательного якобинца-робеспьериста превратился в коммуниста.

Роль Буонарроти, как одного из руководителей бабувистского движения, освещена им самим в «Заговоре равных». Он не прекращал в это время и своих связей с Италией. Саличетти немедленно же после своего назначения представителем директории при итальянской армии в начале 1796 г. обратился за помощью к Буонарроти. 1 вантоза IV года он представил директории докладную записку, в которой наметил план создания в Турине революционного правительства, как базы для распространения движения на всю Италию. Директория дала Буонарроти официальные полномочия, о чем министр иностранных дел Делякруа поставил в известность Каю, французского представителя в Италии. Однако отъезд Буонарроти в итальянскую армию не состоялся в связи с подготовкой бабувистского выступления в Париже. На вандомском процессе Буонарроти заявил, что «должен бы выехать в связи с делами, о которых известно правительству».

На суде Буонарроти держался чрезвычайно мужественно. Вместе с еще четырьмя осужденными к ссылке он был отправлен на остров Пеле, около Шербурга, причем их перевозили в железной клетке.

В 1800 г. Буонарроти был отправлен на остров Олерон, на западном побережье Франции (департамент Нижней Шаранты), где он находился под наблюдением полиции.

В 1803 г. Наполеон лично подписал распоряжение о высылке Буонарроти под наблюдение на остров Эльбу. Этому предшествовал отказ Буонарроти от сделанного ему наполеоновским правительством предложения о полной амнистии и предоставлении должности, при условии признания нового режима. До Эльбы Буонарроти не доехал. С 1803 по 1806 г. он находился в Соспелло (департамент Приморских Альп) под полицейским наблюдением. Ему ставилось при этом в вину, что в письмах он продолжает применять «стиль, напоминающий эпоху, которую мы все должны стараться забыть». В 1806 г. Буонарроти получил разрешение на переезд в Женеву, входившую тогда в состав Леманского департамента. Здесь он был связан с масонскими организациями «Искренних братьев» и «Филадельфийцев», внутри которых создавал ячейки будущих карбонарских организаций. Буонарроти был связан с тайными обществами во французской армии, в частности имел отношение к выступлению генерала Мале в 1812 г. Администрация департамента в донесениях министру полиции Савари требовала изгнания из Женевы Буонарроти — «самого сумасшедшего» из всей «кучки мятежников-якобинцев». «Буонарроти,— указывалось в одном из донесений,— и сейчас та-

кой же, каким он был, когда конспирировал с Бабефом. В течение шести лет он не представлял возбуждать ненависть к правительству». В 1813 г. Буонарроти был выслан в Гренобль, причем хотя и дал обещание воздерживаться от политической деятельности, но, как указывала администрация, для этого «необходимо было бы переделать его голову».

Первая реставрация Бурбонов застала Буонарроти в Женеве. Но с началом «Ста дней» он обратился 26 мая 1815 г. к Фуше с просьбой, чтобы «Наполеон, явившийся, чтобы вернуть Франции независимость и свободу», отменил вандомский приговор и разрешил ему вернуться во Францию. Ответа он не получил.

С 1815 по 1824 г. Буонарроти жил в Женеве. Внешне он вел чрезвычайно скромный и замкнутый образ жизни, занимался уроками музыки и математики, но в действительности вел широкую революционную деятельность. В этот период Буонарроти стал одним из руководителей карбонарских организаций во Франции и Италии, инициатором их реорганизации, создания «вент» и «центральной венты», в состав которой он входил, а по словам Мадзини, был даже ее руководителем.* Эта сторона деятельности Буонарроти до сих пор недостаточно изучена. Во всяком случае, несомненна причастность Буонарроти

* G. Mazzini. Seritti. Milano, 1873, v. VIII, p. 312.

к организации движений в Неаполе и Пьемонте. В 1822 г. Буонарроти направил в Италию своего последователя А. Андриана.* Его провал и арест послужили поводом для изгнания из Женевы Буонарроти, переселившегося в Брюссель.

В 1828 г. Буонарроти удалось осуществить свой давний замысел — закончить «Историю заговора во имя равенства, именуемого заговором Бабефа». Книга вышла в издательстве *Librairie romantique*, имела очень большой успех, была переиздана уже в 1830 г. и переведена на английский язык. В этот период Буонарроти сблизился с Ш. Тестом, ставшим с 1825 г. его ближайшим единомышленником.

После июльской революции 1830 г. Буонарроти в августе получил паспорт на имя Раймонда и отправился в Париж. Его переписка показывает, что он был в это время тесно связан с бельгийскими республиканцами и через Теста пытался организовать помочь бельгийскому революционному движению.

Последние семь лет жизни Буонарроти провел во Франции. Судя по сообщениям Мадзини, он еще в начале 30-х годов продолжал оставаться одним из руководителей карбонарских организаций. Но вместе с тем Буонарроти, по выражению Луи Блана, становится «отцом нового карбонаризма». Он

* A. Andryane. *Mémoires d'un prisonnier d'Etat.* 1837, v. I.

имел ближайшее отношение к организации новых тайных республиканских обществ. Буонарроти оказал влияние на формирование взглядов и деятельность О. Бланки. Личное влияние Буонарроти испытали на себе, в разной степени, виднейшие представители французского социализма 30—40-х годов — Гест, Вуайе д'Аржансон, Распайль, Кабе, Луи Блан. Последний охарактеризовал Буонарроти в своей «Истории десяти лет» как «крупнейшую фигуру нашего времени».

Буонарроти и в этот период продолжал оставаться сторонником «религии равенства», со всеми как положительными, так и отрицательными чертами, характерными для бабуизма.

К помощи Буонарроти прибегал в это время ряд историков французской революции, в частности Бюше и Ру пользовались его советами при составлении «Парламентской истории революции».

Буонарроти не разрывал связей и с итальянским революционным движением. В 1830 г. он организовал в Париже вместе с П. Борромео, Бианко, Мурри, Салфи комитет для вторжения в Пьемонт через Савойю. Этому предприятию воспротивилось Французское правительство. До 1834 г. он поддерживал связи с Мадзини. Между ними обозначились, однако, глубокие принципиальные расхождения. Буонарроти осуждал связи Мадзини с крупно-капиталистическими кругами в Ломбардии. В противоположность Мадзини он

считал, что революционная инициатива сохраняется за Францией и Парижем. Мадзини расходился с ним и в понимании задач будущего революционного правительства Италии. Буонарроти в статье «О народном правительстве в освободительной революции» («Молодая Италия», 1833) требовал создания диктаторского правительства, облеченногого чрезвычайными полномочиями и имеющего задачу создания новых политических, экономических, военных и педагогических учреждений, «крепкого неограниченного правительства, состоящего из небольшого числа энергичных людей». Мадзини возражал против диктатуры, совершенно неправильно приписывая Буонарроти защиту взглядов о необходимости личной диктатуры. Он доказывал также, что Италии не потребуется террора, так как у итальянской революции нет внутренних врагов. В 1834 г. Буонарроти осудил организованную Мадзини экспедицию в Савойю, как авантюру, и решительно порвал с ним всякие связи.

Образ жизни Буонарроти в Париже оставался исключительно скромным. 16 сентября 1837 г. он умер на квартире Вуайе д'Аржансона. В газете *National* было напечатано следующее объявление о его кончине: «Филипп Буонарроти, бывший комиссар Конвента, умер сегодня вечером у своего друга Вуайе д'Аржансона после 76 лет жизни, полной добродетели». В похоронах на Монмартрском кладбище участвовало около 1500 человек. На

могилу был возложен венок из дубовых листьев с надписью: «Буонарроти, великий гражданин, друг равенства, народ присуждает тебе этот венок; история и потомство одобрят это».

По поводу надписи на могильном памятнике Ш. Тесту пришлось вести продолжительную борьбу с парижской полицией. На одной стороне памятника было написано: «Ф. Буонарроти, родился в Пизе (Тоскана) 11 ноября 1761 г.; получил французское гражданство по декрету Национального конвента 27 мая 1793 г.; умер в Париже 16 сентября 1837 г.» На другой — высечена надпись из речи Буонарроти на вандомском процессе: «Вам предстоит судить мою бурную жизнь, полную жертв и страданий во имя горячего стремления к общему благу». Надпись на третьей стороне гласила: «Осужденный на изгнание, подвергшийся гражданской казни в тюрьме, в ссылке, среди самых тяжелых преследований он, тем не менее, продолжал свое дело. Ничто не могло поколебать его мужества. Он жил для человечества». Преподаватель истории граф Рамбюто категорически потребовал удаления этих двух последних фраз. Даже на могиле Буонарроти полиция продолжала преследование несгибаемого революционера, длившееся свыше сорока лет.

БАБЕФ

(Биографическая справка)

Бабеф, Ноэль-Франсуа (Babeuf, Noël-François, в 1793 г. переименовал себя в Камилла, а с 1794 г.—в Гракха) родился 23 ноября 1760 г. в Сен-Кантене (Пикардия). Отец его кальвинист, повидимому в связи с поручениями кальвинистских общин, дезертировал из армии и отправился за границу, служил в Австрии, где был одно время преподавателем французского языка у будущего австрийского императора Иосифа II. В 1755 г. был амнистирован, вернулся во Францию. Последние годы жизни провел в большой нужде, работал в качестве землекопа на сооружении укреплений. Гракх Бабеф рано покинул семью, работал одно время в качестве поденщика, затем помощником землемера. Получив небольшое начальное образование, данное ему отцом, Бабеф упорно работал над расширением своих знаний и стал февдистом. Работая над приведением в порядок феодальных архивов, Бабеф проникся ненавистью к феодализму и стал проявлять большой интерес к социальным пробле-

мам, внимательно изучая Руссо, Мабли, Морелли. В переписке с секретарем Ассасской академии наук Дюбуа-Фоссе (в годы революции ставшим руководителем умеренно либеральной директории департамента) в 1785—1787 гг. Бабеф высказывался за «великую революцию, которая должна принести великие изменения», и предложил тему для конкурса: «Каково будет положение народа... общественные учреждения которого будут таковы, что между всеми его членами будет установлено самое совершенное равенство, что земля, которую он населяет, будет принадлежать всем, всё будет общим, вплоть до продуктов всех отраслей промышленности. Будут ли подобные учреждения оправданы естественными законами? Возможно ли существование подобного общества и осуществимы ли мероприятия, при помощи которых будет достигнуто абсолютно равное распределение?»

«Архивист и землемер» до 1789 г., Бабеф, по его словам, сразу же после начала революции стал «пропагандистом свободы и защитником угнетенных». * При составлении наказов Бабеф выступил в защиту необходимости уничтожения сословий и против «слишком большого неравенства имуществ». Уже 17 июля Бабеф приехал в Париж, где представил Учредительному собранию (в октябре)

* G. Deville. Notes inédites de Babeuf sur lui-même (La Révolution Française, 1905, t. 49).

работу «Постоянный кадастр», начатую еще к созыву нотаблей, в которой он высказался за уничтожение земельной собственности и наделение землей равными участками в по- жизненное пользование. Бабеф принял участие в движении 5—6 октября. Вернувшись в город Руа, он начал настойчивую борьбу против остатков феодализма, против взимания феодальных платежей, косвенных налогов и т. д. В 1790 г. Бабеф составил петицию «о том, что налоги с напитков, соляной налог, пошлины при въезде в города не должны больше, даже временно, сохраняться у французов, ставших свободными». В апреле 1790 г. Бабеф был за эту кампанию арестован и препровожден в Париж, в тюрьму Консьержери, где он пробыл около двух месяцев. В его защиту выступил Марат, который, по словам Бабефа, был его «официальным защитником», называл его «в своих газетах братом, другом и с триумфом вывел... из Консьержери».* Освобожденный под поручительство Марата, Рютледжа (редактора газеты и сторонника «аграрного закона») и графа Лораге,** Бабеф продолжал борьбу

* В № 53 «Друга Народа» (4 июля 1790 г.) Марат призывал демократов навестить Бабефа в тюрьме, чтобы «поддержать его мужество, обеспечить ему помощь».

** Рютледж был арестован в 1794 г. в связи с делом эбертистов, к которым он примыкал. Граф Лораге вел с Бабефом в 1790 г. переписку, сохранившуюся во французских архивах, но пока еще не опубликованную.

против крупной земельной собственности, уплаты феодальных повинностей и за раздел общинных земель. Одна из выпущенных им в 1791 г. брошюра посвящена делу коммуны Давенкур: «Одно из дел, которое должно быть отнесено к числу знаменитых, из изложения которого видно, как чудовищно велики еще остатки феодального могущества и где указывается законодателям, что им остается сделать для того, чтобы низвергнуть этот старый колосс». В 1791—1792 гг. Бабеф был дважды арестован и привлекался к суду. В июле 1792 г. он защищал перед трибуналом в Мондиье 17 крестьян, привлекавшихся за участие в движении против феодалов. Во время бегства короля в Варену Бабеф занимал республиканскую позицию и составил в Нуайоне петицию за низложение короля.

Считая недостаточно решительной деятельность левых депутатов (в том числе Робеспьера) в Учредительном собрании, Бабеф пытался оказать влияние на деятельность Законодательного собрания через депутата департамента Соммы Купе (бывшего священника, с которым Бабеф установил идейную близость еще до революции). В сохранившихся двух письмах к Купе* Бабеф настаивал на

бликованную. В 1798—1799 гг. он был близко связан с Сен-Симоном (см. A. Mathiez. *La Directoire*).

* Одно из этих писем было опубликовано А. Эспинасом в 1898 г. (в кн. *La philosophie sociale du XVIII s.*). Другое письмо опубликовано в 1935 г. в сб. G. Babeuf, *Pages choisies*.

Марешаля получил работу сперва в продовольственной администрации Парижа, а затем в продовольственной комиссии Конвента. В этот период Бабеф принимал ближайшее участие в движении парижских секций против дороговизны. В марте 1793 г. он выступил против Марата в защиту Фурнье-«американца», одного из организаторов мартовского выступления секций против жирондистов. Считая недостаточным первый максимум (1—4 мая), Бабеф призывал Шомета к организации нового «социального 10 августа», так как полагал, что среди членов Конвента, за немногими исключениями, нет «подлинных санкюотов». В августе 1793 г. он выступал с докладом на собрании комиссии представителей 48 секций и, очевидно, имел отношение к подготовке сентябрьского движения секций, приведшего к установлению второго максимума.* После кратковременного ареста (14 ноября — 7 декабря) работал в течение двух месяцев в газете «Парижские революции», которую редактировал Марешаль. 30 января 1794 г. Бабеф был снова арестован по делу о «подлоге», но добился 6 июля при помощи Конвента решения суда о приостановке приговора и новом пересмотре дела, которое, однако, не бы-

* Первый биограф Бабефа, после Бонапарти, Эд. Флери в книге, вышедшей в 1850 г., подчеркивал видную роль Бабефа в «продовольственной агитации», на что позднейшие биографы не обратили почти никакого внимания.

ло прекращено. Вернувшись после освобождения в Париж, Бабеф не сразу разобрался в контрреволюционной сущности переворота, произшедшего 9 термидора. Однако уже через несколько недель Бабеф понял и исправил совершенную им ошибку. Позднее, в 1796 г., он писал по этому поводу: «Я признаюсь чистосердечно, что очень зол на себя за то, что когда-то видел в черном свете и революционное правительство, и Робеспьера, и Сен-Жюста и др.» Бабеф приступил к изданию «Газеты свободы печати», переименованной им с октября 1794 г. в «Трибуна Народа, или защитника прав человека». Он был одним из руководителей «Электорального клуба», объединившего сохранившихся эбертистов и «бешеных». Газета Бабефа за ее решительную борьбу против термидорианцев вскоре была лишена материальной поддержки ее первоначального издателя Гюффруа. Уже в октябре 1794 г. Бабеф был подвергнут кратковременному аресту. 3 февраля 1795 г. он был снова арестован за призыв «к мятежу, убийствам и распуску национального представительства», как раз накануне выступлений парижских предместий в жерминале и прериале, подготовке которых, несомненно, чрезвычайно содействовала пропаганда Бабефа.

В парижской тюрьме, особенно же в арасской, где Бабеф находился до осени 1795 г., он усиленно вел организационную и агитационную работу, связался с рядом работников

революционного правительства, привлекавшихся по процессу представителя Конвента на Севере и Па-ле-Кале — Жозефа Лебона. В Аррасе он особенно сблизился с арестованным гусарским капитаном Жерменом, ставшим в дальнейшем одним из виднейших организаторов движения бабувистов. Сохранившееся письмо Бабефа к Жермену свидетельствует, что к этому времени у него уже выработалась более или менее последовательная система коммунистических взглядов.

10 сентября 1795 г. Бабеф был снова переведен в парижскую тюрьму Плесси, где он познакомился с Буонарроти. Амнистированный и освобожденный 18 октября 1795 г., Бабеф сейчас же возобновил издание «Трибуна Народа» (с 6 ноября), несмотря на попытки директории через Фуше добиться с ним примирения. Бабеф явился одним из вдохновителей клуба Пантеон, а после его распуска создал нелегальную революционную организацию и приступил к подготовке вооруженного восстания против директории. Его деятельность за этот период подробно освещена в книге Буонарроти. В декабре и феврале 1795—1796 гг. директория пыталась арестовать Бабефа, которому удалось, однако, скрыться от преследований. 21 флореяля IV года (10 мая 1796 г.) после доноса предателя Гризеля Бабеф вместе с Буонарроти был арестован на нелегальной квартире у портного Тиссо.

Чрезвычайно мужественно державшийся на судебном процессе в Вандоме, Бабеф был приговорен к смертной казни. После оглашения приговора Бабеф пытался покончить с собой. 27 мая 1797 г. он был казнен.

Литературное наследство Бабефа до сих пор полностью не собрано и не переиздано. Наиболее полная коллекция всех материалов о Бабефе собрана в Москве в архиве Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б).

ИЗДАНИЯ КНИГИ Ф. БУОНАРРОТИ «ЗАГОВОР ВО ИМЯ РАВЕНСТВА»

1. Buonarroti Ph. *Conspiration pour l'égalité, dite de Babeuf, suivie du procès auquel elle donna lieu, et des pièces justificatives.* T. 1—2. Bruxelles. 1823.
2. Buonarroti Ph. *Conspiration pour l'égalité, dite de Babeuf.* T. 1—2. Paris. Baudouin. 1830 (*Collection de mémoires relatifs à la révolution française*).
3. Buonarroti Ph. *Conspiration pour l'égalité, dite de Babeuf...* Paris. Au bureau de la «Propagande démocratique et sociale». 1849. 108 p.
4. Buonarroti Ph. *Conspiration pour l'égalité, dite de Babeuf...* Paris. Chararavey jeune. 1850. X, 253 p.
5. Buonarroti Ph. *Gracchus Babeuf et la conjuration des égaux.* Pref. et notes par A. Ranc. Paris. Chevalier. 1869. XII, 209 p. (*Les grands procès politiques*). Сокращенное издание.

ПЕРЕВОДЫ

1. *Boisnarruti Ph. History of Babeufs conspiracy for equality... Transl. from the french language... by Bronterre. London. 1836.*
2. *Boisnarruti Ph. Babeuf und die Verschwörung für die Gleichheit mit dem durch sie veranlassten Prozess und den Belegstücken. Uebers. und eingeleitet von A. und W. Blos. Stuttgart. Dietz. 1909. 336 S.*
3. *Буонарроти. Г. Бабеф и заговор равных. Пер. К. М. Горбач, под редакцией и с предисловием В. В. Святословского. Пг.—М., 1923, 207 стр. (с сокращенного французского издания 1869 г.)*
4. В настоящем издании, под общей редакцией и со вступительной статьей академика В. П. Волгина, дан полный русский перевод «Заговора во имя равенства». Перевод сделан с первого, брюссельского издания 1828 г. Э. А. Желубовской. Комментарии под редакцией А. З. Манфреда. Перевод песен О. Б. Румера.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Суду по делу Бабефа было предано 65 человек, из которых 18 судились заочно. Судебный процесс в Вандоме начался 20 февраля 1797 г. (2 вантоза V года); приговор был вынесен 26 мая (7 прериля) того же года. По обвинению в подстрекательстве к восстановлению конституции 1793 г., что по закону 27 жерминаля IV года каралось смертью, были признаны виновными безоговорочно Бабеф и Дартэ, а 7 человек — Буонарроти, Жермен, Казен, Блондо, Буэн, Моруа, Менесье (Менуасье) — со смягчающими обстоятельствами, в силу чего смертная казнь была заменена для них ссылкой. 55 человек, в том числе Друэ (бежавший до суда), Вадье, Амар, Феликс Лепелетье, Антонель, Робер Ленде, Россиньоль, Фион, Рикор, Леньело, оба Дюпле и др., были признаны невиновными.

² Жермен Шарль — гусарский капитан; во время термидорианской контрреволюции арестован; находясь в 1895 г. в Аррасской тюрьме одновременно с Бабефом, сблизился с ним; один из руководителей бабувистской организации; после ссылки вернулся в 1804 г., не принимал участия в политической жизни, но помогал друзьям, особенно Буонарроти.— Моруа — рабочий; бабувистский агент XII округа (Сен-Марсельское предместье).— Казен — во время якобинской диктатуры был инспектором Арсенала; агент VIII округа.— Менесье (Менуасье) Клод (род. 1757) — до революции садовник; член совета Парижской коммуны после 10 августа 1792 г.; во

время якобинской диктатуры один из руководителей парижской полиции; благодаря его ходатайству было пересмотрено дело Бабефа по обвинению в подлоге; агент II округа; скрылся от преследований; был осужден в Вандоме заочно, а затем оправдан Сенским судом; при Наполеоне сослан в 1801 г.—Блондо—начальник охраны Директории; хотя и был осужден, но не имел отношения к движению; был оговорен Гризелем для того, чтобы скомпрометировать Барраса, с которым Блондо был близко связан.

³ Судебный процесс былstenографирован и издан в семи томах (*«Debats du Procès instruit par la Haute Cour de justice contre Drouet, Babeuf et autres, recueillis par les sténographes à Paris. De l'Imprimerie Nationale»*, v. 1—7). Архив Буонарроти после его смерти хранился у его друга, участника тайных обществ времен империи, Бодемана, собиравшегося написать биографию Буонарроти, и у республиканцев-демократов тридцатых годов XIX в., Ш. Теста и Вуайе Д'Аржансона. В 1910 г. этот архив поступил на хранение в Парижскую Национальную библиотеку.

⁴ В оригинале Буонарроти пользуется выражением «секты» (*«sectes»*), подразумевая, однако, под этим термином политические группы.

⁵ Людовика XVI в декабре 1792—январе 1793 гг. судил Конвент. 366 депутатов голосовало за смертную казнь и 319—за тюремное заключение и изгнание. Предложение жирондистов об отсрочке исполнения приговора было отклонено большинством 380 против 310. Приговор был приведен в исполнение 21 января 1793 г.

⁶ Буонарроти, видимо, имеет в виду графа Мирабо, маркиза Лафайета и других представителей дворянства, игравших в начале революции руководящую роль в Учредительном собрании, но вскоре же тайно или открыто перешедших в лагерь ее врагов.

⁷ О влиянии на Бабефа идей Руссо свидетельствует уже переписка накануне революции Бабефа с Дибуа де Фоссе, секретарем Арасской академии наук в 1785—1788 гг. Бабеф говорит в своих письмах о своей «беспределной вере в Жан-Жака». При

в этом, однако, Бабеф критикует призыв Руссо к восстановлению первобытного естественного состояния. Бабеф неоднократно ссылается также на Мабли. В письмах Купе, ставшему членом Законодательного собрания и Конвента, осенью 1791 г. Бабеф, напоминает ему о том, как они вместе читали Мабли. При переименовании своей газеты в «Трибуна народа» в 1794 г. Бабеф указывал, что между его трибунством и римским «нет никакой аналогии, хотя вместе с Мабли я восхищаюсь им как одним из прекраснейших учреждений, столько раз спасавших римскую свободу».

⁸ Впервые в Учредительном собрании мысль о разделении граждан на активных и пассивных была высказана Сиейсом еще в июле 1789 г., через две недели после взятия Бастилии. 31 августа того же года в докладе Мунье был изложен проект введения имущественного ценза, лишающего прав большую часть граждан. Буржуазные депутаты Собрания, сочувственно принявшие эти предложения, не решились, однако, ветировать статьи, прямо противоречащие Декларации прав человека и гражданина, утвержденной лишь за 5 дней до этого. Народные выступления 5—6 октября придали им решимость и законодательством октября — декабря 1789 г. Учредительное собрание юридически оформило установление имущественного ценза и разделение граждан на активных и пассивных. К числу активных граждан относились мужчины, достигшие 25 лет, прожившие не менее года в данной местности (кантоне), платившие прямой налог в размере местной трехдневной заработной платы. В число выборщиков допускались только лица, платившие налог в размере десятидневной заработной платы. Кандидаты в депутаты должны были платить прямой налог в размере не меньше марки серебром (около 54 ливров) и владеть какой-либо земельной собственностью. Из 26 миллионов тогдашнего населения Франции к числу активных граждан было отнесено только 4 298 360. В Собрании против введения ценза выступали лишь несколько депутатов во главе с Робеспьером. Вне Собрания, в Париже и стране, вве-

дение имущественного ценза вызвало резкие протесты революционно-демократических элементов, в особенности Марата; «Друг народа» боролся против стремления законодательством о цензее создать новую аристократию — аристократию богачей.

⁹ В ночь с 20 на 21 июня 1791 г. Людовик XVI с семьей бежал из Парижа, но через сутки был задержан вблизи границы, в местечке Варене почтмейстером Друэ (привлекавшимся впоследствии по делу Бабефа). Побег и возвращение плененного короля вызвали широкое движение против монархии в столице и стране, возглавленное клубом кордельеров, «Социальным клубом», народными обществами и т. п. Правое большинство Учредительного собрания 15 июля, несмотря на возражения Робеспьера и других депутатов, приняло постановление, реабилитирующее Людовика XVI, представляя его побег, как якобы имевшую место попытку «похищения» короля.

¹⁰ «Резня на Марсовом поле» — расстрел 17 июля 1791 г. народной демонстрации, возглавленной клубом кордельеров, собравшейся для подписания петиции об отрешении короля от власти и о созыве нового Учредительного собрания (см. примеч. 9). События 17 июля завершили превращение крупной буржуазии в контрреволюционную силу, ставшую на путь вооруженной борьбы против народа. Марат, Робеспьер, Дантон и другие демократы, вынужденные скрываться после 17 июля, призывали народ к продолжению борьбы; Марат в «Друге народа» прямо говорил, что спасение — в «восстании всей нации».

¹¹ Зимой и весной 1792 г., когда жирондисты усиленно пропагандировали необходимость войны с Австрией, — к чему также стремилась в надежде осуществить контрреволюционные планы и партия двора, — Робеспьер и его единомышленники разоблачили тайные цели, преследуемые сторонниками войны. Робеспьер предостерегал, что «хотят затеять притворную войну», чтобы с ее помощью задушить революцию, он угадывал тайные намерения короля, Марии-Антуанетты и их сообщников, связанных с началом войны свои контрреволюционные планы. Действи-

тельно, после объявления Францией войны Австрии (20 апреля 1792 г.) военные действия развернулись крайне неудачно для французов. Командующие армиями и многие офицеры-дворяне сознательно облегчали противнику ведение военных операций. Еще до начала войны королева Мария-Антуанетта передала австрийцам план кампании. Как и предвидел Робеспьер, внутренняя контрреволюция помогала внешней контрреволюции.

¹² В августе 1790 г. произошли волнения в швейцарском полку под командой Шатовые, расквартированном в Нанси. Командующий войсками в Мезе генерал Булье с боем занял город и жестоко расправился с солдатами: 20 человек было повешено, 41 — сослан на каторжные работы. В 1792 г. они были освобождены. День их возвращения — 15 апреля — торжественно праздновался.

¹³ Нарбонн, Луи (1755—1813) — граф; при поддержке жирондистов был назначен в декабре 1791 г. военным министром. Им был послан к герцогу Брауншвейгскому, с тайной миссией сын генерала Кюстина, тесно связанного с жирондистами. Нарбонн предлагал герцогу принять командование французской армией, намереваясь в дальнейшем с помощью армии разогнать собрание и укрепить королевскую власть. Лидеры жирондистов, в частности Бриссо, были в курсе этих переговоров. После 10 августа Нарбонн эмигрировал в Англию, позднее служил при Наполеоне.

¹⁴ Верньо (1753—1793), Гаде (1755—1794), Рабо Сент-Этьен (1743—1793), Бриссо (1754—1793), Горса (1752—1793), Кондорсе (1743—1793), Ланжуине (1755—1827), Луве (1760—1797), Барбару (1763—1793) — руководители Жирондистской партии, ставшие после свержения монархии на путь борьбы против дальнейшего развития революции, а затем скатившиеся к прямой контрреволюции. 2 июня 1793 г. в результате победоносного народного восстания, Конвент декретировал арест 29 депутатов-жирондистов и в их числе и всех перечисленных. Некоторые из них, бежав из-под

ареста, пытались поднять в провинции мятеж против власти якобинцев. За исключением Ланжюине и Луве, скрывавшихся в период якобинской диктатуры и вернувшихся в Конвент во время термидорианской контрреволюции, а также Кондорсе, покончившего с собой в тюрьме, все остальные жирондистские вожди, названные Буонарроти, были казнены в разное время по решениям революционных трибуналов якобинской диктатуры.

¹⁵ Дюмурье Шарль-Франсуа (1739—1823) — генерал. До революции выполнял секретные миссии Людовика XVI за границей; сохранял тайные связи с двором и после того как примкнул к революции; сблизился сначала с Мирабо, затем с жирондистами. В марте 1792 г. вошел в состав жирондистского правительства в качестве министра иностранных дел; позже стал командующим северной армией. В марте 1793 г. Дюмурье вступил в переговоры с герцогом Кобургским, сообщив ему свой план разгона Конвента и восстановления монархии и обещая противнику очищение Бельгии. Пытался двинуть свою армию на Париж, но потерпел неудачу и бежал к австрийцам.

¹⁶ Кюстин де Адам-Филипп. (1740—1793) — граф, генерал, участник войны североамериканских колоний за независимость. С 1792 г. — командующий Вогезской, затем Рейнской армиями; после первых успехов, в 1793 г. терпел неудачи на фронте. Был близок к жирондистам. Казнен по обвинению в измене.

¹⁷ Ламет де Александр (1760—1829), Шарль (1757—1832), Теодор (1756—1854), Огюстен — братья (последний политической роли не играл) из аристократической семьи. Александр и Шарль — участники войны североамериканских колоний за независимость, члены Учредительного собрания, руководители клуба фейянов. Теодор — член Законодательного собрания. Наибольшее политическое влияние имели Александр и Шарль, вместе с Барнавом и Дюпором ставшие в 1791—1792 гг. лидерами контрреволюционной уже к этому времени, крупной буржуазии. После свержения монархии эмигрировали.

¹⁸ Л а ф а й е т М а р и - Ж о з е ф (1757—1834) — маркиз, участник североамериканской войны, член Учредительного собрания, начальник Национальной гвардии, пользовался большой популярностью в первые дни революции. По мере углубления революции переходил на все более правые, а затем и прямо контрреволюционные позиции. После 10 августа 1792 г. пытался двинуть войска на Париж, но потерпел неудачу. В период реставрации и нюльской революции 1830 г. снова играл некоторую политическую роль.

¹⁹ Мирабо предложил свои услуги двору уже в январе 1790 г. Документы, сохранившиеся в «железном шкафу» Людовика XVI, и опубликованная переписка с графом де ла Марк полностью выявили его продажность. Марат первым стал разоблачать Мирабо еще в расцвете его популярности.

²⁰ Руководители жирондистов Вернье, Жансонне, Гаде в июле 1792 г., стремясь предотвратить низвержение монархии, вступили в переговоры с Людовиком XVI через его камердинера Тьери и художника Боза. Гаде имел тайное свидание с королем и королевой. Во время процесса короля жирондисты прилагали все старания для спасения его жизни и в частности предполагали вывезти его в Соединенные Штаты Америки.

²¹ Жирондисты, преобладавшие в Законодательном собрании, стремились распустить Парижскую коммуну — революционный муниципалитет, образовавшийся накануне 10 августа 1792 г. из представителей секций и возглавивший народное восстание, свергнувшее монархию. 30 августа Законодательное собрание приняло решение о распуске Парижской коммуны и назначении перевыборов. Коммуна, руководимая якобинцами, не подчинилась этому решению. Законодательное собрание до самого своего распуска продолжало вести борьбу против Парижской коммуны.

²² 2—3 сентября 1792 г. в критические дни республики, когда пруссаки после падения Лонгвиль и осады Вердена продвигались к Парижу, народные массы столицы, опасаясь контрреволюционного мятежа в Париже, подвергли казни часть заключенных в

тюрьмах контрреволюционеров. Комитет надзора Парижской коммуны указал в своем обращении к Франции, что «часть кровожадных заговорщиков, содержащихся в тюрьмах, уничтожена народом. Этот акт правосудия оказался неизбежным, чтобы сдержать путем террора легионы предателей, содержащихся в стенах Парижа в тот момент, когда народ уходил на врага».

²⁴ Не имея опоры в Париже, жирондисты пытались противопоставить столице департаменты, где их поддерживала буржуазно-реакционная администрация, избранная на основе цензового избирательного права. Ряд жирондистов высказывался за превращение Франции в Федерацию по типу Соединенных Штатов Америки, создание «республики юга», перенесение столицы из Парижа и т. д. Отсюда появилась кличка «федералистов», которую якобинцы применяли к жирондистам, возглавившим после 31 мая — 2 июня 1793 г. контрреволюционные восстания в департаментах.

²⁵ Мятеж в Лионе, организованный жирондистами, начался 29 мая 1793 г. Командование мятежниками перешло в руки роялиста графа де Преси. Жирондистское восстание в Тулузе началось 12 июля. В августе город был сдан англичанам, и Людовик XVII провозглашен королем.

²⁶ Конституция III г., принятая термидорианским конвентом 22 августа 1795 г., восстанавливалась цензовую избирательную систему. В то время как даже Учредительное собрание отказалось от двухпалатной системы, конституция III года вводила ее. Законодательный корпус должен был состоять из двух палат: Совета пятисот и Совета старейшин, лишенного законодательной инициативы, но утверждавшего законы, принимавшиеся Советом пятисот. Исполнительная власть вручалась директории из пяти человек, избиравшимся Советом старейшин по списку кандидатов, намечавшимся Советом пятисот.

²⁷ Воспроизведимая Буонарроти Декларация прав человека и гражданина, предложенная Робеспьером, была оглашена последним в его речи на заседании Конвента 24 апреля 1793 г.

²⁷ Якобинская конституция 1793 г., принятая Конвентом 24 июня и утвержденная первичными собраниями департаментов в июне — июле — в период самой ожесточенной войны с внутренней и внешней контрреволюцией, — не была введена в действие. Уже 12 августа делегаты первичных собраний, прибывшие в Париж на празднование дня 10 августа и провозглашения конституции, явились в полном составе в Конвент и потребовали, ввиду угрожающего положения республики, отсрочки применения конституции и сохранения власти за Конвентом и его комитетами. 10 октября 1793 г. (19 вандемьера II г.) Конвент, по докладу Сен-Жюста от имени Комитета общественного спасения, принял декрет, устанавливающий во Франции Временное революционное правительство до заключения мира. 4 декабря 1793 г. (14 фримера II г.) Конвент дополнительно принял декрет об организации революционного правительства, определяющий структуру органов власти, порядок исполнения законов и т. п. Декреты Конвента о революционном правительстве оформляли установление якобинской революционно-демократической диктатуры.

²⁸ Буонарроти приводит все даты по революционному календарю. Декретами 5 октября и 24 ноября 1793 г. Конвент установил новое республиканское летоисчисление и новый календарь. Первым днем первого года республики было установлено 22 сентября 1792 г. — дата провозглашения Конвентом республики. С этого дня начинается и исчисление первого из 12 месяцев, состоящих каждый из 30 дней (3 декад). Остающиеся 5—6 дней, названных санкюлотидами, считались праздниками. Наименование месяцев: вандемьер (сентябрь — октябрь), брюмер (октябрь — ноябрь), фример (ноябрь — декабрь), нивоз (декабрь — январь), плювиоз (январь — февраль), вантоз (февраль — март), жерминаль (март — апрель), флореаль (апрель — май), прериаль (май — июнь), мессидор (июнь — июль), термидор (июль — август), фрюктидор (август — сентябрь). Соответственно: доклад Робеспьера 18 плювиоза II г. —

6 февраля 1794 г., речь Робеспьера 7 февраля
II г.—26 мая 1794 г. и т. д.

²⁹ В заметках Буонарроти о французской революции приведен список «главных участников заговора 9 термидора». К числу их Буонарроти относит: Сиеса, Рейбеля, Мерлена из Тюнвиля, Паниса, Барраса, Тюрио, Камбона, Фрерона, Бантабола, Леонара Бурдона, Ровера, Ленде, Мерлена из Дюэ, Эшассерно, Тальена, Гупийо, Феро, Александра, Лакоста, Гюффруа, Лекуантра, Фуше, Дибуа-Крансе, Вадье, Амара, Карно, Бильо-Варенна, Колло д'Эрбуа, Барера, Вуллана, Байля и др.

³⁰ 3 октября 1793 г. Конвент принял решение об аресте 75 жирондистских депутатов, подписавших протест против событий 31 мая—2 июня. Вследствие допущенной опечатки в ряде изданий, где цифра 75 была заменена цифрой 73, стали говорить о 73 депутатах; эту цифру — 73 — называет и Буонарроти. Некоторые из них еще до ареста бежали на юг к мятежникам. Робеспьер неоднократно возражал против предания этой группы жирондистов суду революционного трибунала, как сделано было в отношении других жирондистских депутатов, участвовавших в организации мятежа. После контрреволюционного переворота 9 термидора, по постановлению Конвента от 18 фримера III г. (8 декабря 1794 г.) члены этой группы были восстановлены в правах депутатов.

³¹ Речь идет о Комитетах общественного спасения и общественной безопасности, в которых с июня 1794 г. термидорианские заговорщики оказались в большинстве. С 15 мессидора (13 июля 1794 г.) Робеспьер перестал участвовать в работе Комитета общественного спасения.

³² Кутон Жорж (1755—1794) — видный якобинец, член Законодательного собрания, примыкавший к ее крайней левой, депутат Конвента, член Комитета общественного спасения, один из руководителей революционного правительства, близкий сподвижник Робеспьера и его политический единомышленник. Кутон вместе с Сен-Жюстом оставался в составе

Комитета общественного спасения до контрреволюционного переворота, ведя борьбу против термидорианских заговорщиков. Казнен вместе с Робеспьером, Сен-Жюстом и др. 10 термидора.

³³ Леба Филипп-Франсуа (1764—1794) — якобинец, депутат Конвента, член Комитета общественной безопасности; друг и сподвижник Робеспьера; сыграл значительную роль как комиссар Конвента в армиях. Казнен вместе с Робеспьером 10 термидора.

³⁴ Робеспьер, Огюстен-Бон-Жозеф (1763—1794) — младший брат Максимилиана Робеспьера, якобинец, член Конвента, комиссар Конвента в армиях. Казнен термидорианцами.

³⁵ Давид Жак-Луи (1748—1825) — знаменитый французский художник, якобинец, член Конвента, член Комитета общественной безопасности, сторонник Робеспьера. После контрреволюционного переворота 9 термидора заключен в тюрьму; в 1797 г. был амнистирован; при Наполеоне стал его официальным живописцем.

³⁶ 12 жерминаля III г. (1 апреля 1795 г.) и 1—2 прериала (20—21 мая) произошли последние революционные массовые выступления парижских предместий, направленные против резкого ухудшения продовольственного положения после отмены максимума (4 нивоза III года) и против контрреволюционной политики термидорианского Конвента. 12 жерминаля демонстрация ворвалась в Конвент с требованием «хлеба и конституции 1793 года». Прериальское выступление имело гораздо более организованный и решительный характер. Восстание удалось подавить только благодаря тому, что впервые с 1789 г. в Париж были введены войска. 3—4 прериала сорокатысячная армия окружила и разоружила С.-Антуанское предместье. После жерминаля и прериала были арестованы свыше 60 депутатов Конвента и тысячи виднейших деятелей времени якобинской диктатуры.

³⁷ Вскоре после казни Робеспьера правыми термидорианцами было выдвинуто требование репрессий против так называемых «левых» термидорианцев — членов Комитетов общественного спасения и обще-

ственной безопасности, в первую очередь Барера (1755—1841), Бильо-Варенна (1756—1819), Колло д'Эрбуа (1750—1796) и Вадье (1736—1828). 7 июня III г. была создана комиссия по расследованию их деятельности. 12 вантоза Конвент принял решение об их аресте. После 12 жерминаля все четверо без суда были высланы на остров Олерон. После审判а Колло д'Эрбуа и Бильо-Варенна были отправлены в Гвиану, где Колло умер. Барер был освобожден по амнистии IV г. В своих мемуарах он очень тепло отзываются о Буонарроти, с которым Барер и Вадье часто встречались в Брюсселе, где они жили в качестве эмигрантов до июльской революции 1830 г.

³⁸ К английскому переводу книги Буонарроти, сделанному Бронтерром О'Брайоном и вышедшему в 1836 г., было приложено письмо Буонарроти от 3 мая 1836 г., в котором он сообщал список подлинных имен участников движения с просьбой «заменить анаграммы, которыми я ради предосторожности вынужден был воспользоваться при печатании этой книги». «Сейчас,— писал Буонарроти,— эти соображения потеряли значение, и будет справедливо, если станут известны имена тех, кто разделял труды и опасности с Бабесфом». В письме анаграммы книги расшифрованы следующим образом: Бедон — Дебон; Ложаз де Доримель — Жюльен из Дромы; Ганнак — Шанак; Сомбод — Бодсон; Кларту — Гулар, печатник; Атильм — Майе, юрист; Шинтрап — Треншар, столяр; Велор — Револь, печатник; Гольскен — Солиньяк, дубильщик; Равагр — Гравье, виноторговец; Липпи — Филипп, моряк; Тисмю — Миттуа, литератор; Люстрильон — Руссильон, хирург; Рейф — Феро, из Тулона; Эриaldi — Дильте, слесарь; Филипп ле Рекселе — Феликс Лепелетье; Беномбе — Бодеман; Адери — Бере, седельщик; Крексель — Клерекс, портной; Легимуг — Гильгем, Перрино — Пьерон (Парен?); Алленоже — Лэньюло, бывший член Конвента; Эдуша — Шудье, бывший член Конвента; Сасеми — Массей.

Этот список не расшифровывает всех анаграмм, встречающихся в книге Буонарроти.

³⁹ Дебон — член бабувистской Тайной дирек-

торни общественного спасения. Жюльен младший (1775—1836) — сын члена Конвента Жюльена из Дромы; был агентом Комитета Общественного спасения в Вандее; пользовался доверием Робеспьера и выполнял его ответственные поручения; после 9 термидора был арестован. Участник якобинского клуба 1799 г.—Франçois Жан-Жозеф (1745—1816) — бельгийский революционер, бургомистр Льежа во время занятия его французами; получил чин генерала, как участник похода в Бельгию; отступил вместе с французскими войсками; в 1796 г. после присоединения Бельгии был избран в Совет пятисот от Льежа; участник якобинских организаций 1798—1799 гг.; после взрыва «адской машины» в январе 1801 г. был выслан Наполеоном.—Дюплей Симон — секретарь Робеспьера, сын плотника Мориса Дюплей, члена революционного трибунала, у которого жил Робеспьер; оба, отец и сын, привлекались по Вандомскому процессу, но были оправданы.—Бодсон Жозеф (р. 1765) — по профессии ювелир и гравер; был одним из администраторов парижской полиции и судьей 1-го округа до 9 термидора; близок к эбертистам; один из руководителей «электорального клуба», составитель петиции о восстановлении выборности парижских властей (30 термидора), за которую был арестован; друг Варле и Бабефа, протестовавшего в 1794 г. против ареста Бодсона.—Бабуристский агент 11 округа Фикс Клод — до 9 термидора работал в администрации парижской полиции; один из организаторов превальского восстания; участник якобинского клуба 1799 г.; был сослан сейчас же после переворота 18 брюмера.—Майе — бывший председатель революционного трибунала в Марселе.—Гравье — член парижского трибунала.—Буэн во время якобинской диктатуры был мировым судьей секции Рынков; после 9 термидора защищал Карре в якобинском клубе; на вандомском процессе приговорен заочно к ссылке; при пересмотре дела уголовным судом департамента Сены Буэн и Менесье (Менуасье) были оправданы; после взрыва «адской машины» сослан на остров Анжуан, где и умер.—Треншар — при-

сяжный заседатель революционного трибунала: председатель одной из комиссий, созданных для проведения вантозовских декретов, арестованный сейчас же после 9 термидора.—О ряде других участников бабуинистского движения, упоминаемых Буонарроти, сведения недостаточно достоверны.

⁴⁰ Гужо и Александр (1776—1795) — якобинец, член Конвента, весной 1794 г. недолгое время министр внутренних дел, затем иностранных дел; поэт.—Ромм Шарль-Жильбер (1750—1795) — якобинец; сын прокурора; до революции был в России губернатором в доме гр. Строгановых; член Конвента; автор революционного календаря; выполнял ответственные миссии в армии;—Субрана (1753—1795) — якобинец; аристократ по происхождению, до революции был офицером, член Законодательного собрания и Конвента; 1793—1794 гг. провел на фронтах в качестве народного представителя при армиях республики.—Дюруа (1753—1795) — якобинец, адвокат, член Конвента; народный представитель в армиях республики; Дюкенуа (1748—1795) — якобинец; до революции монах; член Законодательного собрания, где примыкал к крайней левой; член Конвента; народный представитель при армиях республики.—Бурбott (1773—1795) — якобинец; член Конвента, народный представитель при армиях. Все шестеро прямо способствовали или сочувствовали контрреволюционному перевороту 9 термидора, но вскоре же, в связи с раскрытием термидорианцами их контрреволюционных целей, раскаялись в своем поведении и возглавили так называемую «вершину» — объединение «последних монтаньяров» в Конвенте. Приговоренные к смертной казни по делу 1 прериалья, они закололи себя кинжалом, передаваемым из рук в руки. Субрана, Дюруа и Бурбott, ранившие себя тяжело, и не на смерть, были гильотинированы.—Приер (де ла Марн), Пьер-Луи (1756—1827), видный якобинец, член Конвента, член Комитета общественного спасения, и Альбитт, якобинец, член Конвента, привлеченные по прериальскому делу, бежали до суда. Пейссар и Форестье — депу-

таты-монтаньяры, привлеченные по тому же прериальскому делу; первый был приговорен к ссылке; второй был признан невиновным и возвращен в тюрьму — в распоряжение Комитета безопасности.

⁴¹ 18 брюмера VIII г.— государственный переворот Наполеона Бонапарта 9 ноября 1799 г.

⁴² Антонелль Пьер-Антуан (1747—1817) — по происхождению маркиз; член Законодательного собрания; был послан в августе 1792 г. комиссаром в армию Лафайета; председатель присяжных заседателей на процессе жирондистов; был арестован и освобожден 19 термидора, однако занял позицию, враждебную перевороту. Редактировал «Газету свободных людей» (*Journal des hommes libres*) и «Плебейский оратор» (*L'Orateur plébéen*), привлекался по вандомскому процессу, но был оправдан. Активно участвовал во всех попытках возрождения якобинских организаций в последние годы директории. После 18 брюмера подвергался преследованиям. Во время реставрации высказался в пользу Бурбонов.

⁴³ Лепельте Феликс (1767—1837) — брат Мишеля Лепельте, члена Конвента. По происхождению граф, с начала революции примкнул к ней, но значительной роли не играл. Близкий друг Бабефа, которому он завещал воспитание своего старшего сына. Повидимому, снабжал Бабефа средствами на издание газеты. В намечавшемся после победы восстания представительном органе должен был стать депутатом Сены и Луары. Был оправдан на вандомском процессе. Принимал активное участие в якобинском клубе 1799 г. Подвергся преследованиям сейчас же после 18 брюмера и был в ссылке два года на острове Олерон по делу взрыва «адской машины». В 20-х годах жил в эмиграции в Брюсселе.

⁴⁴ Поводом для роялистского мятежа 13 вандемьера (5 октября 1795 г.) послужил декрет об обязательном переизбрании $\frac{2}{3}$ членов Конвента. Для подавления мятежников термидорианский Конвент, наряду с войсками, руководимыми Бонапартом, пытался использовать также и левые элементы; в частности

были созданы три батальона из С.-Антуанского предместья, руководимые республиканскими офицерами и получившие название «патриотов 1789 г.».

⁴⁵ Выборы на основании новой цензовой конституции привели к усилению правого крыла Законодательного собрания.

Из числа бывших членов Конвента были переизбранные наиболее умеренные. Вновь избранная треть членов собрания почти целиком состояла из скрытых монархистов. В Конвенте, после оглашения результатов выборов, была создана чрезвычайная комиссия, руководимая Тальеном (временно переметнувшимся справа налево), предполагавшая поставить вопрос о кассации выборов.

⁴⁶ Баррас Поль (1755—1829) термидорианец, один из руководителей Директории. По происхождению родовитый дворянин, виконт, Баррас присоединился к революции; став якобинцем, был избран депутатом Конвента. В 1793—1794 гг. в качестве представителя Конвента, действуя в Марселе, Тулоне и т. д., вместе с Фрероном, производил огромные хищения, брал взятки, злоупотреблял властью и т. п. Беспринципный делец, казнокрад и стяжатель, Баррас, занеская перед Робеспьером, но ожидая, с полным основанием, с его стороны удара, стал одним из организаторов контрреволюционного термидорианского переворота. После падения якобинской диктатуры — один из вождей термидорианской контрреволюции, затем Директории.

⁴⁷ Гибодо Антуан-Клер (1764—1854) — после 9 термидора один из наиболее реакционных руководителей правого крыла Конвента. Префект и граф при Наполеоне; сенатор при Наполеоне III. Умер последним из всех членов Конвента.

⁴⁸ В последнем заседании Конвента был принят закон об амнистии (4 брюмера IV г.), которая не распространялась только на участников вандейского восстания, эмигрантов и неприсягнувших священников. Амнистия коснулась главным образом лиц, арестованных после 9 термидора. Бабеф был освобожден

еще до общей амнистии 26 вандемьера, Буонарроти — 17 вандемьера (9 октября 1795 г.).

⁴⁹ Ка р н о Лазар-Никола-Маргери (1753—1825) — военный инженер по специальности, крупный математик, член Учредительного собрания и Конвента, член Комитета общественного спасения — один из главных руководителей и организаторов военных сил республики; с весны 1794 г. — противник Робеспьера и Сен-Жюста в Комитете общественного спасения; термидорианец; позднее — член Директории, затем министр Наполеона. В первый состав Директории, помимо Барраса и Карно, вошли Ларевельер-Лепо, Рейбель и Летурнер.

⁵⁰ Точная дата рождения Бабефа — 1760 г.

⁵¹ Идею создания «плебейской Вандеи» Бабеф выдвинул впервые во время своего пребывания в Аррасской тюрьме. Так, в сохранившемся письме к Жермену он предлагал закрепиться в каком-нибудь центре и оттуда постепенно расширять свое влияние. В первых номерах «Народного трибуна» после освобождения Бабеф призывал к образованию «плебейской Вандеи» в каком-нибудь пункте или «в каждом из 86 департаментов».

⁵² Автобиографические заметки Дартэ, опубликованные в 1841 г. (июнь) в журнале «Revue des Deux Mondes» Шарлем Лабиттом, целиком совпадают со сведениями, сообщаемыми Буонарроти.

⁵³ Шалье Жозеф (1747—1793) — руководитель лионских якобинцев, близко связанный с наиболее демократическими элементами, требовавший установления твердых цепей, создания революционной армии, обложения богачей и т. д. Лионские жирондисты, организовавшие восстание 29 мая 1793 г., разогнали муниципалитет, руководимый Шалье. 16 июля, несмотря на все попытки Конвента, и особенно Марата, спасти Шалье, он был казнен. Прах Шалье был перенесен в Пантеон и удален оттуда во время термидорианской контрреволюции.

⁵⁴ Люссорион — Россиньоль Жан-Антуан (1759—1802) — парижский рабочий-ювелир. Участник взятия Бастилии и восстания 10 августа 1792 г.,

якобинец. В 1793 г. командовал армией в Вандее. Был арестован после прериала. На вандомском процессе оправдан. В 1800 г. в связи с делом «адской машины» был арестован и сослан. См. также прим. 38.

⁵⁵ В ночь с 23 на 24 фрюктидора IV г. (9—10 сентября 1796 г.) несколько сот бабуинистов пытались проникнуть в расположение Гренельского лагеря, рассчитывая на поддержку солдат. Директория была заблаговременно оповещена об этом выступлении и сознательно его провоцировала. Подготовленные войска устроили подлинную резню. 20 человек было убито, 132 арестовано. Суд вынес 32 смертных приговора, в том числе Бертрану и трем бывшим членам Конвента — Жавогу, Юге (Huguet) и Кюссе.

⁵⁶ Амар Ж.-П. (1755—1816) — якобинец, адвокат; депутат Конвента от департамента Изеры; один из руководителей Комитета общественной безопасности. Принимал участие в организации переворота 9 термидора, в чем впоследствии раскаивался, заявив: «Я горжусь тем, что разделял труды Робеспьера; народ имел тогда хлеб. Его хотят представить кровожадным человеком, но судить будет потомство» (Kuscinskij Dictionnaire des conventionnels). Судился на вандомском процессе, но был оправдан. Впоследствии отошел от политической деятельности.

⁵⁷ Эриди-Дидье — слесарь по профессии; был присяжным заседателем революционного трибунала. Друг семьи Дюплей; охранял Робеспьера. В период термидорианской контрреволюции сблизился с Бабефом; агент Тайной дирекции общественного Спасения. В годы империи участвовал в тайных обществах, был арестован в 1807 г.

⁵⁸ Клеман — участник восстания 10 августа, член Парижского наблюдательного комитета; присяжный заседатель в революционном трибунале; после 9 термидора арестован вместе с Маршаном. Оба привлекались к суду вместе с Пашем, Бушоттом (б. военным министром), Одуэном и другими видными деятелями якобинской диктатуры в Париже. Освобожден по амнистии 4 брюмера. Клеман входил в якобинский клуб 1799 г.

⁵³ Вантозовские декреты (26 февраля — 4 марта 1794 г.), принятые Конвентом по докладу Сен-Жюста, предусматривали создание 6 комиссий для разбора дел «подозрительных» с целью передачи их в революционный трибунал, ссылки или освобождения. Имущество первых двух групп подлежало конфискации и передаче неимущим патриотам. Вантозовские декреты встретили на практике сопротивление правобуржуазных групп якобинского блока и не были проведены в жизнь до термидорианского контрреволюционного переворота. Сохранилось письмо Дартэ к Леба, в котором он настоятельно просил о включении его в одну из этих комиссий.

⁶⁰ Друэ Жан-Батист (1763—1824) — в 1796 г. был освобожден из австрийской крепости Шпильберг в обмен на дочь Людовика XVI. По возвращении он заявил, что если бы жил эти годы во Франции, то следовал бы за Маратом и Робеспьером. Арестован вслед за Бабефом, бежал из тюрьмы и направился в Индию. Узнав об оправдании на вандомском процессе, вернулся с Канарских островов, где участвовал в боях против Нельсона. Входил в якобинский клуб 1799 г.; супрефект при Наполеоне; после реставрации подлежал аресту, но скрывался, вплоть до смерти, работая в течение восьми лет садовником в Маконе у одного из руководителей местных монархистов.

⁶¹ 18 флореяля II г. (7 мая 1794 г.) по докладу Робеспьера Конвент принял декрет о культе «верховного существа», первый пункт которого гласил: «французский народ признает верховное существо и бессмертие души». При подготовке контрреволюционного переворота 9 термидора этот декрет пытались использовать в целях дискредитации Робеспьера. В заметках о Вадье и Барере Буонарроти указывает: «Вадье прилагал все усилия, чтобы осмеять этот декрет... и обвинял Робеспьера в том, что он хочет взойти на трон при помощи религиозного фанатизма». Заметки Буонарроти опубликованы в статье A. Mathiez. Le rôle de Barère et de Vadès au 9 thermidor jugé par Buonaparté. «Ann. Révolutionnaires» за 1901 г.

⁶² Декрет 5 октября 1793 г. о республиканском календаре вводил разделение месяца на декады, новое наименование дней, в том числе десятый день (*décadi*), который заменял воскресенье. По декрету о культе верховного существа в дни декад должны были устраиваться праздники. При директории была введена обязательная замена воскресенья, как праздничного дня, днем декады. Католическим священникам предписывалось совершать богослужение только по десятым дням.

⁶³ Во флореале IV г. были произведены аресты Бабефа и руководителей движения. Во фрюктидоре того же года имели место казни по делу Гренельского лагеря. 18 фрюктидора V г. часть Directorate, руководимая Баррасом, напуганная усилением монархистов в результате дополнительных выборов, произвела переворот. Выборы в 49 департаментах были кассированы, 53 депутата сосланы, Карно и Бартелесчи выведены из состава Directorate. В числе сосланных были министр полиции Кошон и Дессонвиль, арестовавший Бабефа. После дополнительных выборов VI г., давших перевес левым элементам (в Париже в числе выборщиков оказался ряд лиц, связанных с бабувистами — Антонель, генерал Фион, К. Фике и др.), 22 флореяля VI г. было принято решение о проверке полномочий всех депутатов и к 1 прериала VI г. было отстранено несколько десятков новых избранных депутатов (Р. Ленде, Фиси и др.).

⁶⁴ Закон 27 жерминаля III г. (16 апреля 1796 г.) предусматривал распуск всех политических собраний, смертную казнь за устные или письменные выступления с требованием распуска Собрания или Directorate, восстановления конституции 1793 или 1791 г., «аграрного закона» и т. д.

⁶⁵ 8 жерминаля III г. (28 марта 1796 г.) депутат Мэйль внес предложение о закрытии всех политических обществ, насчитывавших свыше 60 членов, в городах с населением свыше 100 тысяч жителей, свыше 40 членов — в городах с 20-тысячным населением и свыше 20 членов — в коммунах, имевших более 5 тысяч жителей.

⁶⁶ Маршаль Сильвен (1750—1803) — писатель, поэт, драматург; по своим воззрениям атеист и материалист. В 1781 г. выпустил «Французского Лукреция», в 1784 г. «Книгу, которая спаслась от потопа», в 1788 г. «Альманах честных людей» — произведения с резко выраженным атеистическими взглядами. Подвергался за них до революции преследованием и был отстранен от должности библиотекаря в колледже Мазарини. Главный редактор с 1790 г., после смерти Лустало, одной из наиболее левых газет «Парижские революции», в которой выступал с защитой «аграрного закона». Друг Бонневилля, Шометта и Бабефа. Один из инициаторов введения республиканского календаря; написал ряд революционных гимнов, песен и пьес; продолжал активную атеистическую пропаганду в ряде философских и литературных произведений. Благодаря тому, что Гризелю осталось неизвестным имя Маршала, он не был привлечен по вандомскому процессу. Умер в январе 1803 г. в Монруже.

⁶⁷ Ванек — один из организаторов движения 31 мая 1793 г., командовавший отрядом секции Сите. 12 жерминаля III г. выступал с речью в Конвенте от имени демонстрантов. Привлекался по вандомскому процессу, был оправдан. Принимал активное участие в якобинско-бабувистском движении 1799 г. При Наполеоне подвергался ссылке после 18 брюмера и по делу взрыва «адской машины».

⁶⁸ Газета «Просветитель народа, или защитник 24 миллионов угнетенных» (*L'Eclaireur du Peuple ou le Défenseur de 24 millions opprimés*). Вышло семь номеров при участии Бабефа. — «Газета свободных людей» (*Journal des hommes libres*) редактировалась Антонеллем. Под разными названиями продолжала выходить до переворота 18 брюмера.

В список депутатов, подлежащих ссылке после переворота 18 фрутидора, входили Буасси д'Англа, Кодруа, Анри Ларивье, Дюмолар, Камилл Жордан, Пасторе, Саладэн, Симеон, Порталис, Ровер.

⁶⁹ Тальен Жан-Ламбер (1769—1820) — один из самых активных деятелей термидорианской контррево-

воловии. Участвовал в событиях 10 августа 1792 г.: член Конвента; выступая под личиной крайнего якобинца, еще во время своей миссии в Бордо занимался хищениями, вымогательствами, грабежом в разных формах. Ожидая неизбежной репрессии со стороны Робеспьера, стал одним из самых деятельных организаторов контрреволюционного заговора и переворота 9 термидора. Алчный, бесцеремонный в средствах стяжатель, абсолютно беспринципный честолюбец, один из самых типичных представителей новой, хищнической буржуазии, Тальен, естественно, стал одной из главных фигур контрреволюции.—Лежандр, Луи (1756—1797) — мясник по профессии, участник взятия Бастилии, член клуба кордельеров, затем якобинцев, член Конвента, видный дантонист, избежавший казни со своими единомышленниками, активный участник контрреволюционного переворота 9 термидора, а затем репрессий против якобинцев.—Феррон, Луи-Станислав (1765—1802) — в первый период революции стоял на левых позициях: влиятельный член клуба кордельеров, редактор «Orateur du peuple», участник восстания 10 августа 1792 г., ученик Марата, который еще в августе 1792 г. называл его «достойным товарищем Друга народа», член Конвента, якобинец. Однако подлинная сущность Феррона раскрылась позднее. Уже в 1793—1794 гг., будучи представителем Конвента в Марселе и Тулоне, Феррон запятнал себя грабежом, взяточничеством и т. п., прикрываемыми бессмысленными и вредными жестокостями при проведении репрессий. Отозванный Комитетом общественного спасения, Феррон стал одним из главных организаторов термидорианского переворота. Руководитель банд контрреволюционной «золотой молодежи» после термидора, Феррон с той же жестокостью и свирепостью стал преследовать своих бывших товарищей-якобинцев и участников революционной борьбы 1793—1794 гг.—Мерлен де Тионвиль Антуан Кристофф (1762—1833) — член Законодательного собрания и Конвента, якобинец, представитель Конвента в армиях, участник контрреволюционного переворота 9 термидора,

беспринципный стяжатель, составивший себе всякими злоупотреблениями большое состояние; как и другие ренегаты, вел после термидора беспощадную войну против якобинцев.—Ревель, Жан-Франсуа (1747—1805) — член Учредительного собрания и Конвента, был якобинцем; со временем внутренней борьбы в якобинском блоке — лантонист; затем активный термидорианец. После термидора был введен в Комитет общественной безопасности, направлявший террор против якобинцев; позже председатель Исполнительной дирекции.—О Баррасе см. прим. 46.—Поскольку все члены этой группы в той или иной степени участвовали в революционных событиях, были скомпрометированы в глазах роялистов, в качестве «цареубийц», наконец, представляли собой новую, разбогатевшую за годы революции буржуазию, не желавшую ничем делиться со старыми собственническими классами, Тальен, Ферон и другие термидорианцы этой группы ревниво следили за происками роялистов и других старых политических группировок, не желая ни уступать им власти, ни, тем более, допустить восстановления старой монархии.

⁷⁰ Буасси д'Англ (1756—1826) — до 9 термидора прымкал в Конвенте к «болоту»; играл активную роль после переворота; в Законодательном собрании был одним из руководителей монархического большинства; при Наполеоне — сенатор и граф; члены палаты паров при Бурбонах.—Ларивье Ари (1761—1838) — жирондист; вернулся в Конвент после термидора; требовал ареста всех членов правительственный комитетов. В Совете пятисот был одним из руководителей реакционного большинства в 1797 г.; скрылся после переворота 18 фрутидора; связался с графом д'Артуа и вернулся во Францию только при Бурбонах.—Дюмолар Жозеф-Винсент (1766—1819) — grenobльский адвокат; депутат Законодательного собрания; поддерживал Лафайета; член Совета пятисот; после 18 фрутидора сослан на остров Олерон. Позднее служил империи.—Жордан Камилл (1771—1821) — один из участников

контрреволюционного восстания в Лионе в 1793 г.; после этого эмигрировал в Швейцарию, затем в Англию; вернулся в 1796; был избран в Совет пятисот.
— **Ларевейер-Лепо Луи-Мари (1753—1824)** — депутат генеральных штатов Учредительного собрания от третьего сословия; член Конвента, голосовал за казнь короля; подписал протест против ареста жирондистов 2 июня 1793 г. и после этого скрывался в течение всего времени якобинской диктатуры; после 9 термидора вернулся в Конвент; в 1795 г. был избран в Исполнительную дирекцию.— **Порталис Жан-Этьенн-Мари (1746—1807)** — адвокат по профессии; в период революции значительной роли не играл, но был известен своим роялистским взглядами; в декабре 1793 г. был арестован; освобожден в 1794 г.; избранный в Совет старейших выдвинулся в нем; в период консульства и империи служил Наполеону Бонапарту; в 1802 г. был назначен им одним из четырех государственных советников; принимал участие в создании гражданского кодекса Наполеона.— **Пасторе Клод-Эммануэль-Жозеф-Пьер (1756—1840)** — граф, затем маркиз; в 1789 г.— прокурор-синдик Парижского департамента, член Законодательного собрания; роялист, после свержения монархии эмигрировал; вернулся во Францию в период термидорианской контрреволюции; член Совета пятисот; во время империи — сенатор; во время реставрации — пар Франции.— **Симеон Жозеф-Жером (1749—1842)** — граф; с начала революции занял враждебную ей позицию; принимал участие в федералистском мятеже против якобинского правительства, затем эмигрировал; вернулся во Францию после термидора; член Совета пятисот; позднее служил последовательно империи, реставрации и июльской монархии.— **О Тибодо** см. прим. 47, о Ланжюонне — см. прим. 14.

⁷¹ **Инбар Максимен (1750—1825)** — до революции предприниматель, член Законодательного собрания и Конвента, жирондист; известен своей угрозой уничтожить Париж; вернулся в Конвент при терми-

дорианской контрреволюции; член Совета пятисот; один из организаторов белого террора на юге вместе с депутатом П. Кадруа (1751—1813), высланным после 18 франтидора и возвратившимся при Наполеоне.—Ровер де Фонвиль (1746—1798) — по происхождению маркиз; член Конвента, один из наиболее бесприципных представителей термидорианской контрреволюции; занимался скупкой национальных имуществ; член Комитета общественной безопасности термидорианского конвента, свирепо преследовал якобинцев и санкюотов; после 18 франтидора выслан в Кайенну, где и умер.—О Буасси д'Англа и Ларивье см. прим. 70.

⁷² Весной 1795 г. на юге Франции прошла волна белого террора под руководством вернувшихся жирондистов и эмигрантов. В Лионе, Тулоне, Марселе, Эксе и др. происходила резня в тюрьмах, составлялись списки бывших «террористов» для их уничтожения и т. д. Жирондист Инар призывал в Эксе: «Если у вас нет оружия, берите дубины; если нет дубин, вырывайте кости ваших родных и бейте по террористам».

⁷³ Рикор Ж.-Ф. (1759—1818) — до революции нотариус; представлял в Конвенте департамент Вар; вместе с Робеспьером-младшим и Саличетти находился при итальянской армии; был близко связан с Бонапарти; на вандомском процессе был оправдан; подвергся аресту при Наполеоне после 18 брюмера и по делу генерала Мале; поддерживал Наполеона во время «ста дней».—Лэньель Ж.-Ф. (1752—1829) — депутат Конвента от Парижа; был арестован после прериальского восстания и по делу Бабефа; на вандомском процессе был оправдан; подвергался преследованиям при Наполеоне.—Шудье П.-Р. (1761—1838) — член Законодательного собрания и Конвента; был представителем Конвента при армиях; арестовывался после 12 жерминаля и по делу Бабефа; при Наполеоне эмигрировал в Голландию; вернулся во время «ста дней» и был снова изгнан при реставрации; возвратился во Францию при июльской

монархии.— Юг (Huguet) М.-А. (1757—1796) — до революции священник; позднее был избран конституционным епископом; депутат Законодательного собрания и Конвента; как комиссар зала собрания арестовал 10 августа Людовика XVI и препроводил его в Тампль; был арестован после 12 жерминаля; освобожден по амнистии; во время столкновения в Гренельском лагере был схвачен в окрестностях Парижа; хотя обвинитель требовал в отношении Юге только ссылки, он был приговорен к смертной казни.— Жаво⁷⁴ Клод (1759—1796) — депутат Конвента от департамента Сона и Луары; был представителем Конвента в С.-Этьенне, где проводил жесткую политику обложения имущих; казнен по делу Гренельского лагеря.

⁷⁴ Полицейский легион был создан после прериальского восстания (9 мессидора III г.). В его состав входили три батальона пехоты и кавалерийская часть. 4 флореяля Директория получила разрешение на отправку его в армию. 9 флореяля в связи с отказом подчиниться этому приказу произошли волнения. 10 флореяля (30 апреля 1796 г.) был издан приказ о распуске легиона. Планы бабувистского восстания были связаны с надеждой опереться на полицейский легион, поэтому сейчас же после начала волнений, 11 февраля, произошло заседание Тайной дирекции с военными агентами.

75 Ланде Робер (1746—1827) — адвокат; депутат Законодательного собрания и Конвента. С апреля 1793 до 1795 г. член Комитета общественного спасения, в котором занимался преимущественно экономическими вопросами. Поддерживал контрреволюционный переворот 9 термидора. Был арестован после прериального восстания. На вандомском процессе оправдан. Перед 18 брюмера был недолгое время министром финансов; отстранен при Наполеоне; до конца жизни занимался только адвокатурой.

76 15 флореяля Гризель сделал устный донос Карно, предложившему ему представить немедленно письменное донесение. 17 флореяля Карно представил Ди-

ректории список в 245 лиц, подлежащих аресту, в том числе Бабефа, Жермена, Друэ, Амара, Р. Ленде, Дюбуа-Крансе, Лепелетье, Буонарроти и др.

⁷⁷ Буонарроти имеет в виду Тальена и Ферона. О попытках Барраса использовать бабувистское движение Бабеф писал в № 42 «Трибуна народа»: «Баррас и другие хотят избавиться путем частичного движения от своих политических противников — Роверов, Исиаров, Ланжюине, Буасси д'Англа. Они потом повернутся против демократов. Нет, мы не хотим частичного движения! Народ подымется только массой. Мы хотим избавиться от влияния дожей». — Баррас оказал содействие Друэ в побеге из тюрьмы. Секретарь Барраса — Луи был привлечен по делу Бабефа. Мемуары Карно и Левельера-Лепо вполне подтвердили сообщение Буонарроти (см. ст. R. Roquier. Barras et Babeuf. — «Revue de Paris» за 1896 г.).

⁷⁸ В одном из документов по делу Бабефа, опубликованных Директорией, указывалось, что после победы восстания предполагалось послать в итальянскую армию полномочия Саличетти «арестовать генералов-изменников». В связи с этим Саличетти представил Директории объяснения.

Из сторонников Бабефа в провинции отметим бывшего депутата Конвента — рабочего Армонвилля, раздобывшего весной 1796 г. мандат от Директории, на имя свое и Дартэ, на реквизицию зерна и объездившего Реймс, деп. Арденн и Эн, где он расклеивал прокламации и распространял «Друга народа».

⁷⁹ В заметках о причинах 9 термидора и о роли Вадье — Барера Буонарроти целиком солидаризовался с «религиозной доктриной» Робеспьера: «Франция нуждалась... в союзе мудрой религии и хорошего законодательства... Самым мощным противником, которого следовало еще низвергнуть, была безнравственность... и единственным способом установления подлинной республики было сохранение чистоты и добродетели Конвента. Именно с этой целью издан был декрет, «который освятил существование верховного

существа, бессмертие души, утвердила свободу культов и установила национальные праздники. В этом же был смысл декретов против проповедников атеизма и против депутатов, обесчестивших себя постыдными действиями» (*Annales révolutionnaires*, 1910).

⁸⁰ Лепелетье де Сен-Фаржо, Лув-Мишель (1760—1793) — дворянин, с 1785 — по наследству — президент парижского парламента; крупный собственник. С начала революции присоединился к ней. Член Учредительного собрания и Конвента; в 1792 г. примкнул к якобинцам. Выработал план национального воспитания, предусматривающий введение всеобщего обязательного бесплатного обучения детей от 5 до 11—12 лет в общественных школах (уже после гибели Лепелетье его план, в рукописи, был передан Робеспьеру и вызвал его горячее одобрение; по предложению Робеспьера план Лепелетье был поставлен на обсуждение Конвента).

В суде Конвента над королем Лепелетье де Сен-Фаржо голосовал за казнь Людовика XVI и 20 января 1793 г. в отместку за это, был убит роялистами. Первая жертва контрреволюционного террора, Лепелетье де Сен-Фаржо стал одним из наиболее чтиемых среди якобинцев мучеников революции: память о нем, наряду с погибшими Маратом и Шалье, поддерживалась революционным правительством и сохранялась в сознании народа в период революционной эпохи и в последующие годы контрреволюции.

⁸¹ Буонарроти ошибочно считает Роберта Оуэна шотландцем; Оуэн был англичанином.

⁸² Сидней Алджернон (1622—1683) — английский республиканец; писатель; участник английской революции, индепендент; казнен во время реставрации по обвинению в государственной измене 7 декабря 1683 г.—Ольденбарневельт (1547—1619) — видный деятель нидерландской революции; великий пенсионерий; был связан с голландскими буржуазными кругами; возглавлял оппозицию про-

тив штатгальтера Мориса Нассауского и был казнен.

⁸³ Паш Жан-Никола (1746—1823) — левый якобинец, был тесно связан с демократическими элементами; в 1792 г.— военный министр, в 1793—1794 гг.— мэр Парижа. Весной 1794 г. был арестован; был судим уже во время термидорианской контрреволюции. Освобожден по амнистии 4 брюмера. После падения Директории отошел от политической деятельности. Гамфлет Паша в защиту бабувистов назывался: «Франции и партии, конспирации и заговоры; о нынешнем заговоре».— Брат Паша преподавал в кадетском корпусе в России.

⁸⁴ Ошибка: следует читать — № 27.

⁸⁵ 10 мая 1790 г. агенты графа д'Артуа спровоцировали в Монтобане вооруженное столкновение католического населения с протестантским.

⁸⁶ Термидорианский Конвент пошел на ряд уступок руководителями вандейских мятежников. В феврале — мае 1795 г. была предоставлена амнистия руководителям вандейцев — Шаретту, Комартену, Стоффле, Сапино и др. на очень выгодных условиях: отказ от преследований, возвращение конфискованного имущества, сохранение оружия, создание территориальной гвардии из бывших участников вандейских отрядов и т. д. Уже летом 1795 г., после высадки англичан и эмигрантов в Кибероне, руководители контрреволюционной Вандеи возобновили военные действия.

⁸⁷ 5 апреля 1795 г. Пруссия подписала в Базеле сепаратный мир с Францией. Главными из статей Базельского договора были фактическое признание Пруссией (по секретному соглашению) перехода земель по левому берегу Рейна к Франции и обязательство последней вывести ее войска с оккупированной ими территории правого берега Рейна. 22 июля 1795 г. в Базеле же был подписан мирный договор с Испанией. По этому договору Франция обязывалась возвратить Испании занятые французскими войсками испанские владения, в обмен за что Испания уступа-

ла Франции свою часть острова Сан-Доминго и заключала с Францией союзный договор. Базельские договоры означали начало распада первой коалиции против Франции.

⁸³ Саладэн — член Законодательного собрания и Конвента, жирондист; стал играть заметную роль при термидорианской контрреволюции; был докладчиком комиссии по расследованию деятельности Барера, Бильо-Варенна, Колло д'Эрбуа и Вадье, обвинившей их; член Совета пятисот; сослан после 18 фрюктидора.— Ломон и Оги — члены Конвента; члены Комитета общественной безопасности в дни термидорианской контрреволюции.— Дюмон Андре — член Конвента; в период революционного правительства проявил себя ретивым дехристенизатором; позднее — один из активнейших термидорианских заговорщиков, сыгравший значительную роль в день 9 термидора; член Комитетов общественной безопасности и общественного спасения в период термидорианской контрреволюции.

⁸⁴ В мае — июне 1795 г. роялистские террористические банды под названием «Общество солнца», «Общество Иисуса» и др. в южных департаментах Франции произвели массовые убийства заключенных в тюрьмы якобинцев и санкюлов. Члены термидорианского конвента Буасси д'Англа, Кадруа, Марьетт, Шамбон, Инар, посланные в качестве комиссаров в провинцию, возглавили и разожгли белый террор. В Лионе, Роанне, Эксе и Марселе было убито много республиканцев, заключенных в тюрьмы. Множество республиканцев, заключенных в Тарасконской крепости, было сброшено с вершины башен в Рону. Названные комиссары Конвента соучаствовали во всех этих преступлениях.

⁸⁵ Воззвание «Вони, остановись и прочти» было написано Феликсом Лепелетье и распространялось в Париже весной 1796 г.

⁸⁶ ⁹¹ «Образование повстанческой директории» — первый документ Тайной директории общественного спасения, образовавшейся в составе Бабефа, Антонел-

ля, Сильвена Марешала и Феликса Лепелетье в начале жерминаля IV г.

⁹² Пятый и шестой документы — организационные постановления Тайной директории, принятые в начале лета 1796 г.

⁹³ «Манифест равных» написан Сильвеном Марешалем.

⁹⁴ «Анализ доктрины Бабефа» был опубликован по распоряжению Тайной директории летом 1796 г.

⁹⁵ Письмо «Свободного Франка... его другу Террору» написано предателем Гризелем.

⁹⁶ Очевидно, речь идет о Капете, бывшем короле Людовике XVI.

⁹⁷ Первая инструкция Тайной директории каждому из главных военных агентов была составлена в жерминале IV г. Сличение этого документа с двенадцатым документом — «Обращением «Народного трибуна» к внутренним войскам», подписанным Бабефом, показывает полное совпадение отдельных фраз в блэзкий текст некоторых мест того и другого документа.

⁹⁸ Уже во время столкновения 1788—1789 гг. в ряде частей французской армии (в Париже, Ренне, Безансоне и др.) проявилось нежелание стрелять в народ. Накануне 14 июля в Париже особенно сильное недовольство выявилось в полку французской гвардии (*Gardes françaises*), самом многочисленном из всех гвардейских полков. Часть гвардейцев приняла участие в штурме Бастилии. Из среды унтер-офицеров этого полка вышли виднейшие революционные генералы, в том числе Гош.

⁹⁹ Вопросение «Следует ли подчиняться конституции 1795 г.» было опубликовано Тайной директорией 25 жерминаля IV г.

¹⁰⁰ Комиссия 11, образованная Конвентом для выработки «законов, необходимых для приведения в действие конституции» (1793 г.), была окончательно сформирована 17 флораля III г. В ее состав входили Тибодо, Лезаж, Буасси д'Англа, Берлие, Дюре-Майян, Ларевелье-Лепо, Крезе-Лагуш, Луве, Дону,

Ланжюонне, Боден; последние шесть — бывшие жирондисты. Комиссия 11, не решавшаяся вначале открыто высказаться против конституции 1793 г., после прериальских событий приобрела решимость и единодушно высказалась за отмену конституции 1793 г. и создание новой цензовой конституции. 5 мессидора III г. Буасси д'Англа от имени Комиссии 11 представил термидорианскому Конвенту соответствующий доклад.

¹⁰¹ Обращение «Народного трибуна» к внутренним войскам было опубликовано 27 жерминаля.

¹⁰² Пишегрю Шарль (1761—1804) — генерал. Выдвинулся в 1793—1794 гг. Командовал северной армией; подавил движение 12 жерминаля; вступил в связь с монархистами; в 1797 г. был избран председателем Совета пятисот. Сослан после переворота 18 фрютидора. В 1804 г.— участник монархического заговора Кадудаля; был арестован и повесился в камере.

¹⁰³ Мену (1750—1810) — генерал; член Учредительного собрания; в период термидорианской контрреволюции командовал внутренней армией. Руководил подавлением преторианского восстания. Во время мятежа 13 вандемьера был отстранен из-за своих симпатий к монархистам. Позднее был одним из командующих французской армией в Египте.

¹⁰⁴ Журдан Жан-Батист (1762—1833) — генерал республики; командовал в 1793—1794 гг. важнейшими армиями; одержал победу в битве при Флерюсе (26 июня 1794 г.); позднее — маршал Франции, служил при Наполеоне и Бурбонах.

¹⁰⁵ Бенезек (1755—1802) — министр внутренних дел Директории с брюмера IV г. по мессидор V г.

¹⁰⁶ «Ответ на письмо за подписью М. В.» было распространено 29 жерминаля IV г.

¹⁰⁷ «Новая песнь для предместий», написанная Сильвеном Марешалем весной 1796 г., расклеиваясь на стенах домов С.-Антуанского предместья и других плебейских кварталов. Песнь нередко испол-

нялась в то время в Париже при одобрении слушателей. Перевод О. Румера.

¹⁰⁸ Автор этой песни не установлен. Перевод О. Румера.

¹⁰⁹ «Настоятельное слово патриотам» — составило содержание одного из номеров «Народного трибуна».

¹¹⁰ В Вероне жил граф Провансский, провозгласивший себя в июле 1795 г. королем Людовиком XVIII.— Люксембургский дворец — резиденция Директории.

¹¹¹ «Акт о восстании» — важнейший программный документ бабуристов был подготовлен Тайной директорией, повидимому, в апреле 1796 г.; обнародование акта «должно было послужить сигналом к новой революции».

¹¹² Обращение к полицейскому легиону было составлено в день приказа правительства (9 флореяля) о выводе из Парижа двух багальонов этого легиона, «наиболее непокорных» властям.

¹¹³ «Заметка для передачи» — один из документов, не предназначенных к оглашению, относящийся к первой половине флореяля. Замечание о необходимости «полностью обыграть роялистов» связано с полученным бабуристами предложением использовать для свержения правительства роялистов; это предложение было отвергнуто.

¹¹⁴ В ходе переговоров между Тайной директорией и Комитетом монтаньяров, 15 флореяля, на заседание Тайной директории Жерменом был приведен Рикор, представлявший Комитет монтаньяров. В речи, обращенной к Рикору Тайная директория изложила свою программу, цели и условия объединения с монтаньярами.

¹¹⁵ Обращение Тайной директории к агентам 12 округов 18 флореяля IV г. было ответом на поступившие в это время тревожные запросы агентов о причинах задержки выступления и на их сигналы об опасности промедления.

¹¹⁶ Письмо предателя Гризеля Тайной директории

написано в день опубликования его брошюры «Письмо Свободного Франка своему другу Террору».

¹¹⁷ «Свободный Франк — Тайной директории» написано предателем Гризелем два дня спустя, после того как он донес правительству о заговоре и выдал имена его главных организаторов.

¹¹⁸ Двадцать второй документ содержит изменения, внесенные в Акт о восстании в результате соглашения Тайной директории с Комитетом монтаньяров.

¹¹⁹ Документы 23—28 — проекты постановлений, директивы Тайной директории агентам, наброски и проекты обращения к победившему народу и пр., материалы, связанные с непосредственной подготовкой восстания, — были составлены во флореале IV г.

¹²⁰ «Набросок проекта экономического декрета», один из важнейших программных документов бабуизма, был выработан и принят Повстанческим комитетом, видимо, в жерминале — флореале IV г.

¹²¹ Письмо написано Бабефом 27 мая 1797 г.

¹²² Старший сын Бабефа Роберт-Эмиль воспитывался Феликсом Лепелетье. Работал в книжных магазинах Лиона и Парижа. Последовал за Наполеоном на остров Эльбу. В 1816—1818 гг., при реставрации, подвергался преследованиям за издание памфлета «Трехцветный карлик». С 1818 г. владел книжным магазином в Париже. Поддерживал связь с Буонарроти. Его сын Луи-Пьер в 1848 г. был назначен супрефектом.

¹²³ Младшие сыновья, Камилл и Кай, воспитывались генералом Тюрро. Кай был убит во время войны 1814 г., Камилл сбросился с Вандомской колонны во время вступления союзных войск в Париж. Вдова Бабефа еще в 1840 г. жила в Париже, была продавщицей.

¹²⁴ Лебуа — редактор газеты «Друг народа», выходившей в 1794—1795 гг. Содержался вместе с Бабефом в Аррасской тюрьме. После освобождения был организатором клуба Пантеон.

ЛИТЕРАТУРА О БАБЕФЕ И БАБУВИЗМЕ

1. Ф. Энгельс—Прогресс движения за социальную реформу на континенте. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. т. II, М., 1933, стр. 393—401.
2. К. Маркс и Ф. Энгельс—Святое семейство. К. Маркс и Ф. Энгельс—Соч., т. III, М.—Л., 1930, стр. 147, 160.
3. Ф. Энгельс—Праздник народов в Лондоне. К. Маркс и Ф. Энгельс—Соч., т. V, М.—Л., 1929, стр. 27—41.
4. В. И. Ленин—Философские тетради. ИМЭЛ, М., 1933, стр. 43, 47.
5. В. И. Ленин—Соч., т. V, М.—Л., 1928, стр. 159.
6. Волгин В. П. История социалистических идей. Часть I, М.—Л., 1928.
7. Волгин В. П. Очерки по истории социализма. Изд. 4-е, М.—Л., 1935.
8. Волгин В. П.—Уравнительные и социалистические тенденции во французских тайных обществах 1830—1834 годов в журн. «Вопросы истории», № 6, 1947 г.
9. Волгин В. П. К столетию «Манифеста Коммунистической партии» в журн. «Вопросы истории», № 3, 1948 г.
10. Щеголев П. П. Заговор Бабефа. Л. (1927), 206 стр.

11. Щеголев П. П. Филипп Буонарроти и его книга «Заговор равных». В кн. «Ученые записки Ленинградского ун-та». Серия исторических наук, 1940, вып. 6, стр. 230—263.
12. Advielle V. *Histoire de Cracchus Babeuf et du babouvinisme, d'après de nombreux documents inédits.* T. 1—2, Paris, 1884.
13. Deville G. *Thermidor et Directoire.* Paris, S. a. (*Histoire socialiste sous la dir. de J. Jaurès*, Т. 5).
14. Dommangé M. *Babeuf et la conjuration des Égaux.* Paris, 1922, 102 p.
15. Haenich W. *La vie et les luttes de Philippe Buonarroti* (Trad. de l'allemand par O. Blanc). Paris, Bureau d'édition, 1938. 112 p.
16. Mathiez A. *Le Directoire.* Publ. d'après les manuscrits de l'auteur par J. Godechot. Paris, 1934, VII, 391 p.
17. Pages choisies de Babeuf (sous la réd. de M. Dommangé). Paris, 1905.
18. Robiquet P. *Buonarroti et la secte des Égaux d'après les documents inédits.* Paris, 1910, 330 p.
19. Romano-Catania G. *Filippo Buonarroti.* 2-e cor. ed. ampliata con nuovi documenti ined. Milano, 1902, XVI, 259 p.
20. Weill G. *Philippe Buonarroti* (Revue historique, 1901).
21. Weill G. *Les papiers de Buonarroti* (Revue historique, 1905).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Адери (*Adery*) I — 198.
Аллиноже (*Allinoget*) I — 222, 247, 259.
Альбит (*Albitte*) I — 120.
Амар (*Amar*) I — 150, 153, 156, 159, 160, 165, 166,
167, 187, 190, 194, 209, 210, 211, 222, 241, 250,
256. II — 31, 32.
Антонелль (*Antonelle*) I — 124, 168, 186, 187,
188, 190. II — 21, 29, 32, 44.
Арса (*Arsa*) II — 197
- Бабеф (*Babeuf*) I — 55, 57, 59, 118, 137—139,
149, 150, 165, 173, 180, 185, 186—188, 190, 191,
198, 203, 206, 207, 240, 242, 247, 259, 393, 396,
397, 414. II — 9, 10, 16, 17, 23, 25, 26, 31, 41,
45—48, 50—52, 63, 64, 70—72, 147, 216, 219,
250, 322, 325.
Барбару (*Barbaroux*) I — 75.
Барбье (*Barbier*) II — 47.
Баррер (*Barrère*) I — 117, 223.
Барневельт (*Barneveldt*) II — 11.
Баррас (*Barras*) I — 134, 136, 219, 271, 272. II —
242, 244.
Бедон (*Bedon*) I — 118, 139, 153, 156, 159, 165, 190,
198, 214, 216, 240, 247, 249.
Бенезек, барон (*Bénézech*) II — 205.

* Курсивом даются анаграммы имен. См. прим. т. I.
стр. 118.

- Берtrand (Bertrand) I — 118, 141, 142, 218.
 Билло-Варенн (Billaud-Varennes) I — 117.
 Биоза, Готье (Biauzat, Gauthier) II — 69.
 Блондо (Blondeau) I — 55, II — 31, 70.
 Бод (Baude) II — 32.
 Бодсом (Bodsom) II — 32.
 Бодуэн (Boudouin) II — 324.
 Бонапарт (Buonaparte) I — 83, 181, 182, 414. II — 205.
 Бретон (Breton) II — 32.
 Бретон, Жанна (Breton, Jeanne) II — 31.
 Бриссо (Brisson) I — 75.
 Брут I — 116, 198. II — 237.
 Буасси д'Англа (Boissy d'Anglas) I — 219, 221.
 II — 110—112, 241, 272.
 Будэн (Boudin) II — 31.
 Буонарроти (Buonarroti) I — 58, 118, 138, 140, 150,
 156, 168, 187, 190, 198, 240, 259, 414. II — 26,
 31, 50, 53, 70, 71.
 Бурбон (Bourbon) I — 120. II — 45, 113, 159.
 Буэн (Bouin) I — 118, 140, 142, 168, 198. II — 32,
 70.
 Вадье (Vadier) I — 117, 223. II — 31, 72.
 Вакрэ (Vacret) II — 32.
 Ваннек (Vannec) I — 200.
 Велор (Vélor) I — 118.
 Вернь (Vergne) II — 32.
 Вернио (Vergniaud) I — 75.
 Висцелин II — 197.
 Вьеяр (Viellart) II — 61.
 Гадэ (Guadet) I — 75.
 Ганнак (Hannac) I — 118.
 Гилем (Guilhem) II — 32.
 Глярту (Glarou) I — 118.
 Гольскен (Golscaïn) I — 118.
 Горса (Gorsas) I — 75.
 Госюэн (Gossuin) II — 83, 106.
 Гракхи I — 138. II — 45, 113, 197, 237, 240.
 Гризель (Grisel) I — 200—202, 240, 241, 257—260,
 262, 264—266, 414. II — 39, 40, 43—45, 52, 283,
 286.

- Гужон (Goujon) I — 120, II — 12, 45, 113, 159.
 Гулар (Goulard) II — 31.
 Гюгэ (Huguet) I — 222.
- Давид (David) I — 111.
 Дантон (Danton) I — 106, 109.
 Дартэ (Darthé) I — 55, 137, 140, 141, 150, 156, 166, 167, 180, 187, 190, 198, 201, 202, 214, 216, 240, 247, 256, 258, 259, 264—266, 414. II — 26, 31, 33, 70, 71.
- Дезарм (Des Armes) I — 118.
 Делякруа (Delacroix) II — 83, 106.
 Деномбэ (De Naumbet) I — 168, 198.
 Дентант II — 197.
 Дицье (Didier) II — 32.
 Друэт (Drouet) I — 177, 247, 257, 259, 264, 265, 414. II — 9, 10, 18, 19, 32, 65.
- Друэн (Drouin) II — 32.
 Дювеню (Duvigneau) II — 205.
 Дюкенуа (Duquesnoy) I — 120. II — 45, 113, 159.
 Дюко (Ducos) II — 83, 106.
 Дюмоляр (Dumolard) I — 219.
 Дюмон (Dumont) II — 110.
 Дюмурье (Dumouriez) I — 76. II — 60, 186.
 Дюплей, отец (Duplay, père) II — 32.
 Дюплей, сын, Симон (Duplay, fils, Simon) I — 118, 187, 203. II — 32.
- Дюран-Майян (Durand-Maillane) II — 83, 106.
 Дюруа (Duroy) I — 120, II — 45, 113, 159.
 Дюфур (Dufour) I — 168, 268, 415. II — 31.
- Жавог (Javogues) I — 223, 259
 Жермен (Germain) I — 55, 118, 138, 140, 150, 168, 187, 198, 200, 201, 238, 240—242, 245, 247, 251, 265, 266, 272, 274, 414. II — 31, 44, 70.
 Жордан (Jordan) I — 219.
 Жорри (Jorry) II — 32.
 Журдан, генерал (Jourdan) II — 205.
- Иисус I — 161. II — 111.
 Инар (Isnard) I — 221. II — 111, 244.

- Кадруа (Cadroy) I — 221, II — 111.
 Казен (Cazin) I — 55, 198, 267, II — 31, 70.
 Кай, сын Бабефа II — 324.
 Камиль, сын Бабефа II — 324.
 Канулей II 197.
 Капет (Capet) II — 119, 162, 183, 201, 300.
 Кардинал (Cardinaux) I — 146.
 Карл II II — 13.
 Карно (Carnot) I — 136, II — 244.
 Картуш (Cartouche) II — 162.
 Катон I — 110.
 Кламар (Clamar) II — 162.
 Клеман (Clément) I — 153.
 Клерэ (Clerex) II — 31.
 Кобург (Cobourg) II — 108.
 Колло д'Эрбуа (Collot-d'Herbois) I — 117, II — 83, 106.
 Комартэн (Comartin) II — 109.
 Кондорс (Condorcet) I — 75, II — 140.
 Корда (Cordas) II — 31.
 Кордебар (Cordebar) II — 32.
 Кошо (Cochet) II — 31.
 Крексель (Crexel) I — 187, 190, 242.
 Крепэн (Crépin) II — 32.
 Кретьен (Chrétien) II — 32.
 Кромвель (Cromwel) II — 13.
 Ксеркс I — 327, II — 119.
 Курций II — 113.
 Кутон (Couthon) I — 111.
 Кюстин (Custine) I — 76.
 Лакомб (Lacombe) I — 141.
 Лалуа (Laloy) II — 83, 106.
 Ламет (Lameth) I — 79.
 Ланжюинэ (Lanjuinais) I — 75, 219, II — 110
 Лафайет (La Fayette) I — 79, II — 186.
 Леба (Lebas) I — 111.
 Леблан (Leblanc) I — 119.
 Лебуа (Lebois) II — 324.
 Лежандр (Legendre) I — 219, II — 242, 244.
 Ле-Ингу (Le Hingue) I — 198.

- Ленда (Lindet) I — 246, 256, 259, 262. II — 32.
 Леньело (Laignelot) II — 31.
 Лепелетье (Lepelletier) I — 124, 374, 375. II — 32, 65.
 Лер де ля Нэтл (*Laire de la Naïtte*) I — 118.
 Ликург I — 67, 115. II — 241.
 Липпи (Lihppi) I — 140.
 Ложан де Доримель (*Lorjhan ac Duameль*) I — 118, 138, 140.
 Ломон (Laumont) II — 110.
 Лувэ (Louvet) I — 75.
 Лудий-Юнний II — 197.
 Луэль (Louvel) I — 272.
 Людовик XVI I — 81, 82, 226.
 Люссорилон (*Lussorilon*) I — 141.
 Лямбер (Lambert) II — 31.
 Лямбер, Аделаида (Lambert, Adelaide) II — 32.
 Лямбертэ (Lamberté) II — 31.
 Ляпьер, Софи (Lapierre Sophie) II — 31.
 Ляревейер Лено (Lareveillère Lépeaux) I — 219.
 Ляривьеर (Larivière) I — 219, 221. II — 110.
 Ля Тильм (*La Tilme*) I — 118.
 Лятулип (Latulipe) II — 162.
- Мабли (Mably) I — 64, 67. II — 52, 218.
 Марат (Marat) I — 85, 137. II — 241.
 Марешаль (Maréchal) I — 187, 188, 190, 240, II — 236.
 Мариет (Mariette) II — 111.
 Мартэн, Николь (Martin, Nicole) II — 32.
 Маршанд (Marchand) I — 153.
 Марешаль (Maréchal) I — 187, 188, 190, 240, 241, 259, 263, 266, 268, 274. II — 31.
 Менесье (Méneissier) I — 55, 198. II — 32, 70.
 Менье (Meunier) II — 47.
 Мену (Menou) II — 202.
 Меоль (Méaule) II — 83, 106.
 Мерлен де Тионвиль (*Merlin de Thionville*) I — 219.
 Минос I — 67.
 Мирабо (Mirabeau) I — 79.
 Моисей I — 116.

- Моннье (Monnier) II — 32.
 Монсьон (Montion) II — 283.
 Монтескье (Montesquieu) I — 67.
 Мор, Томас I — 67.
 Моруа (Moroy) I — 55, 118, 198, II — 31, 70.
 Мунар (Mounard) II — 32.
 Мюнье (Mugnier) II — 31.
 Мунар (Mounard) II — 32.
 Мунар вдова (Mounard) II — 31.
 Мэль (Mailhe) I — 185.
- Найе (Navez) II — 31.
 Нарбонн (Narbonne) I — 73, 76.
 Ньютон (Newton) I — 69.
- Оги (Auguis) II — 110.
 Орфей I — 110.
 Оуэн (Owen) I — 392, 393, 396, 397.
- Пандора II — 110.
 Пари (Paris) I — 198, 266.
 Паррейн (Parrein) II — 32.
 Пасторэ (Pastoret) I — 219.
 Паш (Pache) II — 20.
 Пейссар (Peyssard) I — 120, II — 159.
 Пеш (Peche) I — 243.
 Пийе (Pillé) II — 26, 32.
 Питт (Pitt) II — 108, 241.
 Пишегрю (Pichegru) II — 202.
 Платон I — 67.
 Понтикур (Ponticourt) II — 285.
 Порталис I — 219.
 Поттофэ (Pottofeux) II — 31.
 Приер де ла Марн (Prieur de la Marne) I — 120.
- Рабо (Rabaud) I — 75.
 Райбуа (Raybois) II — 31.
 Ребель (Rewbell) I — 219.
 Регул II — 113.
 Рели (Ready) I — 168.
 Рейс (Reys) II — 32.
 Рерпино (Rerpino) I — 198.

- Реф (*Reuf*) I — 142.
 Ривагр (*Rivagre*) I — 118.
 Рикор (*Ricord*) I — 222, 247, 251—253, 255, 256,
 259. II — 32, 52.
 Робеспьер (*Robespierre*) I — 85—87, 100, 101, 109,
 111, 125, 139, 141, 160, 172, 182, 216, 218, 345,
 349. II — 12, 13, 241.
 Ровер (*Rovère*) I — 221. II — 110, 111.
 Роменкольсель (*Romaincolsel*) I — 198.
 Ромм (*Romme*) I — 120. II — 45, 113, 159.
 Россиньоль (*Rossignol*) I — 240, 241, 245, 247, 249,
 259, 266, 272, 274. II — 32.
 Руа (*Roy*) II — 32.
 Руссо, Жан-Жак (*Rousseau Jean-Jacques*) I — 64, 68,
 73, 308, 390. II — 218.
- Саладэн (*Saladin*) II — 110.
 Сапино (*Sapino*) II — 109.
 Сасеми (*Sasemy*) I — 200.
 Сен-Жюст (*Saint-Just*) I — 85, 100, 101, 102, 111,
 125. II — 241.
 Сидней (*Sidney*) II — 11.
 Симеон (*Siméon*) I — 219.
 Скален (*Scapin*) II — 162.
 Скaramуш (*Scaramouche*) II — 162.
 Солиньяк (*Solignac*) II — 202, 203.
 Сомбо (*Sombod*) I — 118, 142, 187, 198, 267.
 Стев (*Steve*) I — 243.
 Столон II — 197.
 Стоффле (*Stofflet*) II — 109.
 Суань (*Soigne*) I — 153.
 Субраны (*Soubrany*) I — 120. II — 45, 113, 159.
 Тальен (*Tallien*) I — 219. II — 242, 245.
 Таркиний II — 116.
 Таффуро (*Taffoureau*) II — 32.
 Тибодо (*Thibaudeau*) I — 135, 219.
 Тисмиот (*Tismiot*) I — 141, 168.
 Тиссо (*Tissot*) I — 251.
 Титан II — 117.
 Тулотт (*Toulotte*) II — 31.
 Тьери (*Thierry*) II — 32.

Урекль (*Ourecle*) I — 242.

Фике, Антуан (*Fiquet, Antoine*) II — 32.

Фике, Клод (*Fiquet, Claude*) I — 118, 119, 198, 266.
II — 32.

Филип ле Рекселе (*Filipe le Rexellet*) I — 153, 156,
167, 185, 188, 190. II — 31.

Фион (*Fion*) I — 118, 200, 240, 241, 245—247, 249,
259, 266, 274. II — 21, 31.

Фонтенель (*Fontenelle*) I — 118, 138, 140.

Форестье (*Forestier*) I — 120. II — 159.

Фрерон (*Fréron*) I — 219.

Фрессар (*Frossard*) II — 31.

Фуасак Ля Тур (*Foissac La Tour*) I — 142.

Шалье (*Challier*) I — 141.

Шамбон (*Chambon*) II — 111.

Шапель (*Chapelle*) I — 141, 168.

Шаретт (*Charette*) II — 109.

Шентрап (*Chintrard*) I — 118, 141, 168.

Эбер (*Hébert*) I — 106.

Эдюшоа (*Euduchoi*) I — 222.

Эмиль, сын Бабефа II — 323.

Эри (*Eris*) I — 187, 241, 242.

Эриди (*Eriddy*) I — 150, 168, 187, 189, 207, 240,
259, 266, 414.

Эрон (*Héron*) I — 167.

Юлажено (*Ulagenoc*) I — 142.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Стр.

ПРОЦЕСС

Тюремное заключение	9
Друэ отводит меч, готовый поразить подсудимых	10
Послание Гракха Бабефа Исполнительной Дирекции	10
Ослепление правительства	16
Нарушение конституции	18
Обвинительное заключение	19
Побеги	19
Перевод заключенных в Вандом	20
Протесты	22
Отводы	22
Мужественные признания Бабефа	23
Стойкость подсудимых	27
Видоизменение защиты	28
Антонелль	29
Открытие заседаний суда	31
Дарте	33
Контрреволюционные настроения государственных обвинителей	35
Помехи защите	37
Подсудимые выступают в защиту революции	38
Предатель	39
Он выступает свидетелем	40
Смятение	41
Свидетельские показания предателя	43
Бабеф оправдывает прериальское восстание	45
Благородство двух свидетелей	46

	Стр.
Защита	47
Попытка освобождения подвергавшихся опасности подсудимых	54
Враждебные речи государственных обвинителей	55
Ответы подсудимых	57
Призыв к патриотизму присяжных заседателей	58
Защита революционного правительства	59
Восхваление конституции 1793 г.	61
Подсудимые настаивают на законности заговора	62
Бабеф защищает общность имущества	63
Заключительная часть речи Бабефа	64
Допрос относительно фактов	66
Допрос относительно намерения заговора	67
Постановление суда присяжных	69
Приговор	70
Бабеф и Дартэ ранят себя. Смятение	71
Кровавая казнь	72
Вадье	72
Благородство муниципального совета Сен-Ло	73
Доброта жителей Вандома	74

ДОКУМЕНТЫ

Первый документ. Конституция 1793 г.	75
Второй документ. Правда народу, высказанная обществом Пантеон	106
Третий документ. Воин, остановись и прочти	117
Четвертый документ. Образование Повстанческой дирекции	120
Пятый документ. Установление двенадцати главных агентов и агентов-посредников.	122
Шестой документ. Первая инструкция главным агентам	124
Седьмой документ. Манифест равных .	140

Стр.

Восьмой документ. Анализ доктрины Бабефа с выдержками из дискуссии	147
Девятый документ. Письмо в револю- ционном духе, направленное Гризелем солда- там	160
Десятый документ. Первая инструкция главным военным агентам	165
Одиннадцатый документ. Следует ли подчиняться конституции 1795 г.	185
Двенадцатый документ. Обращение народного трибуна к внутренним вой- скам	195
Тринадцатый документ. Письмо Бабефу, содержащее сомнения относительно общин- ного строя. Ответ. Новая песнь для предме- стий. Другая песня.	216
Четырнадцатый документ. Настоя- тельное слово патриотам от народного три- буна	242
Пятнадцатый документ. Акт о вос- стании	250
Шестнадцатый документ. Народ Па- рижа—полицейскому легиону	260
Семнадцатый документ. Заметка о пользе, которую можно получить от роя- листов	262
Восемнадцатый документ. Речь Пов- станческого комитета к посланцу монтанье- ров	263
Девятнадцатый документ. Письмо к главным агентам о затруднениях, вследствие которых восстание отсрочено	268
Двадцатый документ. Революционное письмо Гризеля Повстанческой дирекции	276
Двадцать первый документ. То же	283
Двадцать второй документ. Новый акт о восстании	286
Двадцать третий документ. Пере- селение бедняков в квартиры богачей . . .	287

Стр.

Двадцать четвертый документ. Отрывок. Проект постановления о народном суде и о помиловании	288
Двадцать пятый документ. Инструкция агентам о ходе движения	290
Двадцать шестой документ. Проект речи Повстанческого комитета к парижскому народу	295
Двадцать седьмой документ. Воззвание к солдатам	298
Двадцать восьмой документ. Набросок проекта декрета об управлении	303
Двадцать девятый документ. Набросок проекта экономического декрета	307
Тридцатый документ. Последнее письмо Бабефа семье	322

КОММЕНТАРИИ

Ф. Буонарроти. Биографическая справка	329
Г. Бабеф. Биографическая справка	346
Издания и переводы „Заговора по имени равенства“	349
Примечания	351
Литература о Бабефе и бабувизме	385
Указатель имен	387

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
СССР*

Опечатки и исправления

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
378	5—6 сн.	растеврации по обвинению к	реставрации по обвинению в
391	10 сн.	Марешаль (Maréchal) 1—187, 188, 190	Массар (Massart) 1—118, 140, 150, 166, 168

Ф. Буонарроти, т. II

Стр.

<i>Двадцать четвертый документ.</i> <i>Отрывок. Проект постановления о народ-</i>	
<i>ном суде и о помидовании</i>	288
<i>Двадцать пятый документ. Инструк-</i>	
<i>ция агентам о ходе движения</i>	290
<i>Двадцать шестой документ. Проект</i>	
<i>речи Повстанческого комитета к парижскому</i>	
<i>народу</i>	295
<i>Двадцать седьмой документ. Воззва-</i>	

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии Наук СССР*

*

Редактор издательства Ц. М. Подгоренская

Технический редактор Н. П. Аузан

Корректор М. Г. Разилова

*

РИСО АН СССР № 2859. А-07208 Издат. № 1455.

Тиц. заказ № 28. Подп. к печ. 20/VIII 1948 г.

Формат бум. 70×92^{1/2}. Печ. л. 24^{1/2}. Уч.-издат. 13,75

Тираж 10000. Цена в переплете 14 руб.

2-я типография Издательства Академии Наук СССР

Москва, Шубинский пер., д. 10